

Институт истории материальной культуры РАН

Объединенные музеи Свято-Алексиевской Пустыни

Античный кабинет памяти Н. А. Чистяковой

Кафедра истории Древней Греции и Рима
Санкт-Петербургского государственного университета

Новый Гермес

Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики

XV, 1-2

Свято-Алексиевская Пустынь — Санкт-Петербург

2023

Генеральный издатель: Свято-Алексиевская Пустынь
Античный кабинет памяти Н. А. Чистяковой
Объединенные музеи Свято-Алексиевской Пустыни

Главный редактор — д. и. н., проф. И. Ю. ШАУБ

Редакционный совет:

Председатель — Схиеромонах АЛЕКСИЙ (Василенко)
(Свято-Алексиевская Пустынь)

Д. БРАУНД (PhD, DLitt, проф., университет Эксетера, Великобритания)

Ю. А. ВИНОГРАДОВ (д. и. н., ИИМК РАН)

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ (д. и. н., ИИМК РАН)

А. Б. ЕГОРОВ (д. и. н., проф., СПбДА)

О. Ю. КЛИМОВ (д. и. н., проф., СПбГУ)

М. С. САМАРИНА (д. ф. н., проф., СПбГУ)

И. Ю. ШАУБ (д. и. н., проф., ИИМК РАН)

Н. С. ШИРОКОВА (д. и. н., проф.)

Секретариат:

Д. А. ВАСИЛЕНКО

Корректурa:

Д. М. КАПИТОНОВ

Верстка:

Д. А. ВАСИЛЕНКО

Дизайн обложки:

М. А. ФОМЧЕНКОВ

НОВЫЙ ГЕРМЕС. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики.
191186 Россия. С.-Петербург, Дворцовая наб., 18, Литер А
<http://www.new-hermes.ru> dv@new-hermes.ru

К читателю

Настоящий сдвоенный номер открывает статья И. Ю. Шауба о греческой и догреческой религии в трудах Ю. В. Андреева (1937 — 1998) — теме, которая играла очень важную роль в последний период научного творчества выдающегося российского антиковеда. Автор особо отмечает, что исследователь сумел не только убедительно интерпретировать соответствующие археологические памятники, но и создать глубоко продуманную и цельную концепцию религиозной жизни обитателей Эгеиды бронзового века. Греческая религия, по мнению Ю. В. Андреева, была явлением столь же своеобразным и даже уникальным, как и вся вообще греческая цивилизация. Однако, если апологетика эллинского язычества со стороны такого большого ученого, как Ю. В. Андреев, весьма интересна, то его крайне субъективное и резко негативное мнение о христианстве имеет лишь сугубо историографическое значение.

Востоковед И. М. Булатбиев посвятил свое исследование дискуссионному вопросу об этимологии имени великой хурритской богини Šauška (Sauska). Ученый, подкрепляя свой лингвистический анализ целым рядом типологически близких примеров, приходит к выводу, что этот теоним восходит к словам «женщина», «дева».

В своей публикации эпиграфист А. П. Бехтер и нумизмат А. Е. Терещенко рассматривают вопрос о времени чеканки уникальной серебряной монеты типа «голова Аполлона — голова быка», отстаивая ее датировку 30-ми гг. IV до н. э., перед попытками отнести ее ко II в. до н. э.

Эссе члена редколлегии «Нового Гермеса» М. С. Самариной повествует о культурном и историческом наследии итальянского «Умирающего города» Чивита-ди-Баньореджо. Автор не только рассказывает о современном состоянии памятников культуры, расположенных на территории этого самого маленького в мире города, но и рассматривает сейсмические и вулканические при-

чины их разрушения в связи с общей геологической ситуацией Европы.

В разделе *Personalia* публикуется статья (авторы О. Ю. Климов и И. Ю. Шауб), посвященная 70-летию А. Б. Егорова — крупного отечественного специалиста по истории Рима, профессора СПбДА, члена редколлегии «Нового Гермеса».

В разделе рецензий помещен отклик О. Ю. Климова на книгу о «советской древности» — монографию С. Г. Карпюка, посвященную истории отечественного антиковедения в 1930-1960-е годы. Рецензент, высоко оценивая работу С. Г. Карпюка, отмечает ее существенное отличие от традиционных работ на подобную тему: развитие советской науки об античности здесь демонстрируется на фоне общественно-политической и культурной жизни страны (хотя книга, как и положено, содержит основательный научный анализ трудов антиковедов этого периода).

Этот номер журнала завершается публикацией перевода главы из «Римской истории» Альберта Шwegлера (1819—1857), посвященной сецессии плебса и возникновению трибуната. Перевод, выполненный А. А. Павловым и Н. А. Вуттке, предваряет написанная первым из них статья об этом незаслуженно забытом немецком историке. А. А. Павлов отмечает, что «Римская история» А. Шwegлера, хотя в значительной мере и продолжала традиции Б. Г. Нибура, стала первым поистине фундаментальным трудом по истории Древнего Рима. Однако вскоре после выхода в свет «Римской истории» Т. Моммзена работа Шwegлера оказалась в ее тени.

И. Ю. Шауб

Греческая и догреческая религия в трудах Ю. В. Андреева¹

И. Ю. Шауб

Юрий Викторович Андреев получил заслуженное уважение как исследователь социальной проблематики доклассической Греции (особенно Спарты) и Эгейского мира. Однако последнее, самое плодотворное десятилетие своей жизни исследователь посвятил преимущественно культурно-историческим вопросам, среди которых основное внимание он уделял темам, связанным с греческой и догреческой религией.

«Психологию этноса, свойственный ему образ мыслей и чувств невозможно по-настоящему понять и оценить, не имея ясного представления о его религиозных верованиях, — писал Ю. В. Андреев в книге *“Цена свободы и гармонии”*. — И греки в этом отношении отнюдь не являются каким-то исключением среди других народов Древнего мира. Никто не станет спорить сейчас с тем, что религия играла огромную роль как в частной, так и в общественной жизни этого народа и что сама греческая цивилизация была в такой же степени религиозным феноменом, как и феноменом эстетическим или социально-политическим. Предметом спора был и остается вопрос о характере греческой религии, о том, что сближало и что, наоборот, отличало ее от других древних и средневековых религий. Одни находят их

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

взгляд на мир и на управляющие этим миром сверхъестественные силы радостным и светлым, другие, наоборот, безысходно мрачным и исполненным отчаяния. Одни говорят о глубокой человечности греческой религии в противовес религиям Востока, другие о ее враждебности человеку. Совершенно по-разному решается разными учеными и чрезвычайно сложная проблема взаимоотношений этой религии со сменившим ее христианством. В то время как одни авторы решительно противопоставляют их друг другу как две глубоко враждебных по духу и даже взаимоисключающих формы религиозного сознания, другие готовы видеть в греческой религии и особенно в религиозной философии греков своего рода “предисловие” к христианству, настаивая на соединяющей их исторической преемственности. Сравнение с христианством и другими религиями возвышенно спиритуалистического толка уже давно стало поводом для рассуждений о неразвитости религиозного чувства у греков» (Андреев 1998а: 295–296; ср.: Андреев 1998б).

Даже беглое и поверхностное знакомство с греческой религией показывает, «что на общем фоне культурной истории Древнего мира она была явлением столь же своеобразным и даже уникальным, как и вся вообще греческая цивилизация, — отмечает Ю. В. Андреев. — Многие, так сказать, нормативные признаки, присущие большинству древних религий, в греческой религии либо вообще отсутствуют, либо выражены очень слабо и неясно. <...> в странах Древнего Востока, впрочем, так же, как и в более поздние времена в средневековой Европе и Азии, религия всегда претендовала на роль всеобъемлющей, поистине тоталитарной идеологической системы, охватывающей и подчиняющей себе абсолютно все формы духовной и творческой деятельности человека, включая мораль, право, искусство, литературу, начатки философской и научной мысли. Культурное развитие народов Востока двигалось как вода в степных арывках, по заранее проложенному руслу. Оно регулировалось предписаниями священных книг, наставлениями пророков и ясновидцев. За ним неусыпно следила целая армия жрецов и священнослужителей всех степеней и рангов.

Развитие греческой культуры <...> с самого начала шло по совершенно иному пути. В Греции религия так и не смогла стать всемогущим духовным пастырем своего народа, не смогла сковать его творческую свободу цепями непререкаемых догм, правил и запретов. Во многом этому мешала определенная ее архаичность или недоразвитость и, в частности, ее <...> адогматизм,

т. е. отсутствие единого, систематически изложенного и обязательного для всех вероучения» (Андреев 1998: 297–298).

Не отрицая слабости, противоречия и недостатки греческого политеизма, он, по мнению Ю. В. Андреева, «открывал перед своими приверженцами широчайшие возможности духовного выбора» (Андреев 1998: 302). При этом, подчеркивает исследователь, в религии греков сосуществовали два антагонистических по своей внутренней сути духовных начала; классическим образцом этого антагонизма стала «канонизированная Фр. Ницше божественная пара Аполлон и Дионис». Здесь нужно отметить, что у немецкого философа речь идет именно о духовных началах, а не об объектах религиозного культа. Далее Ю. В. Андреев признается в том, что «нам сейчас и в самом деле трудно понять, как грекам удавалось соединять в своем сердце и одновременно или поочередно поклоняться двум столь сильно различающимся божествам, как неистовый, не знающий удержу в своих страстях и невероятно изменчивый Дионис — это воплощение диких, неподвластных человеку сил природы и темных иррациональных инстинктов, таящихся в самой человеческой душе, и светоносный, исполненный гордого величия и спокойствия Аполлон, главной заботой которого всегда было поддержание гармонии и разумного порядка в искусстве, человеке и обществе. Не исключено, что первоначально оба эти бога действительно враждовали друг с другом» (Андреев 1998: 302). Однако подобная амбивалентность в представлениях о богах и в отношении к ним была свойственна не только грекам, но и всему дохристианскому миру. В частности, двойственными божествами, бесспорно, мыслились как Аполлон (Шауб 2011: 276), так и Дионис. А с IV в. до н. э. наблюдается слияние представлений об этих богах, о чем свидетельствует изображение на обратной стороне краснофигурного кратера, где представлена встреча Аполлона и Диониса в окружении дионисийского фиаса на фоне аполлинических символов (ОАК 1863, табл. IV; Шауб 1989: 128, 129; Шауб 2011: 330).

Ю. В. Андреев был убежден, что «в своей религиозной практике греки показали себя такими же смелыми изобретателями и экспериментаторами, как и в политике, искусстве, литературе, философии и науке. Они, не колеблясь, вводили в оборот новых, еще неизвестных богов и новые мифы или же переиначивали старые до такой степени, что их уже трудно было узнать. Что бы ни говорили историки античной философии о переходе от мифа к логосу и торжестве рационалистического мышления, энергия

мифотворчества еще долго не иссякала в греческом народе» (Андреев 1998: 303).

Исследователь отмечает, что целый ряд принципиально новых положений, совершенно чуждых общему духу традиционной для греков олимпийской религии, заключало в себе орфическое учение. Эти положения, по его словам, явно перекликались с некоторыми хорошо известными догматами позднейшего христианского вероучения. «Здесь мы находим и весьма решительное противопоставление тела и души как тленной и нетленной или нечистой и чистой частей человеческой личности, и мысль об исконной греховности каждого человека, и надежду на спасение души в мире ином, а вместе с ней и бога-спасителя, своей смертью открывшего людям путь к вечному блаженству, и веру в загробное воздаяние, и идеал чистой и непорочной жизни, ведущей к духовному обновлению» (Андреев 1998: 304). К этой теме Ю. В. Андреев возвращается еще раз. Констатируя, что греческая религия представляла собой «довольно сложный конгломерат разнородных, иногда весьма несхожих или даже прямо противоположных по своей внутренней сути верований и культов», он пишет: «Некоторые из этих верований явно тяготели к тому, что принято называть “спиритуализмом”, и уже включали в себя такие важные элементы христианского вероучения, как идеи первородного греха, искупительной жертвы божества, бессмертия души, загробного воздаяния и т. п.» В качестве «наиболее интересных примеров религиозных экспериментов этого рода» он, наряду с орфическим учением упоминает и Элевсинские мистерии Деметры и Керы (Андреев 1998: 328). С характеристикой этих мистерий как «религиозных экспериментов» согласиться трудно, поскольку, в отличие от немногочисленной «секты» орфиков, элевсинский культ имел широчайшее распространение. Это было обусловлено тем, что «хтонические боги — властители сокровенных глубин земли, где обитают тени усопших, связывались с самыми важными сторонами человеческого бытия. Их религия обещала людям не только земное благополучие, но и вечную жизнь, бессмертие» (Мень 2002: 48). Если мистическое учение орфиков, возникнув не ранее VI в. до н. э., имело весьма ограниченное влияние (при том более на философию, чем на религию), то, несомненно, догреческие по происхождению мистерии Элевсина являлись одним из важнейших феноменов религиозной жизни греков не позднее чем с конца VIII в. до н. э. и вплоть до конца IV в. н. э.

Благодаря своей аморфности и диффузности (текучести) греческая религия представляла собой «весьма пластичную и открытую для внешних влияний систему верований, — констатирует Ю. В. Андреев. — Принципы плюрализма и веротерпимости никогда и никем не провозглашались открыто и, скорее всего, не пользовались особой популярностью среди греческого жречества так же, как и большинства мирян, хотя на практике именно они определяли отношение служителей официального или общепринятого культа ко всяким чуждым ему богам и формам вероисповедания. Оцениваемая с этой точки зрения греческая религия воспринимается опять-таки как некая “аномалия” или “инородное тело” в кругу других религий Древнего мира, не говоря уже о сменивших их христианстве и исламе» (Андреев 1998: 305).

Ю. В. Андреев оспаривает сомнения в религиозности древних греков со стороны «чересчур рьяных приверженцев христианского вероучения». Но в то же время он оговаривается, что это была религиозность особого рода, во многих отношениях отличающаяся от религиозности других древних и средневековых народов (Андреев 1998: 309). Уже в догомеровские «темные века» «греки так сильно преуспели в очеловечивании своих богов, как, пожалуй, никакой другой народ древности, резко сократив дистанцию, отделяющую человека от божества, и почти совершенно лишив его того, что и является его главным отличием от человека во всех религиях мира, — его особой мистической ауры» (Андреев 1998: 310).

Ю. В. Андреев поначалу весьма сочувственно цитирует прот. А. Меня², который писал: «Величайшее всемирно-историческое значение Зевсовой религии заключалось прежде всего в провозглашении примата Света, Разума и Гармонии над Тьмой, Иррациональностью и Хаосом. В этом отношении она является прямой предшественницей учения о Логосе как разумном творческом начале во Вселенной. Но до появления этого учения было еще далеко. Логизму в греческом сознании предшествовал антропоморфизм. В Олимпийцах человеческое начало было идеализировано и возведено в космический принцип. Это было огромным шагом вперед, но и одновременно таило

² Ю. В. Андреев ссылается на II том «посмертно опубликованной “Истории религии”» о. А. Меня (имея в виду: Мень 1991). Однако в действительности это фундаментальное сочинение было издано в Бельгии еще при жизни священника под псевдонимом; см.: (Светлов 1971).

большую опасность. Угадывая в Божественном разумное начало, ахейцы привнесли в него все многообразие чисто человеческой ограниченности и чисто человеческих слабостей. В Олимпийцах почти не было ничего сверхчеловеческого» (Светлов 1971: 270). «Далее Мень указывал на два главных, по его мнению, изъяна олимпийской религии, которые уже с самого начала затормозили ее развитие и не дали ей подняться до уровня таких образцов высокой духовности, как христианство или хотя бы ветхозаветный иудаизм. Этими изъянами были, во-первых, чрезмерная очеловеченность греческих богов, выразившаяся в их полнейшей бездуховности и отягощенности своей плотью, и, во-вторых, их аморальность. Тут же мы находим и объяснение этого странного казуса. В отличие от стран Востока, где выработка новых религиозных систем всегда была делом профессионалов: пророков, священнослужителей, учителей и мистиков, в Греции, как полагает Мень, религиозное творчество уже очень рано было растворено в «мутном и недифференцированном потоке» массового сознания, стало доступно каждому и в том числе поэтам и художникам, которые «играли невольной роковой роль в греческой религии. Горячий темперамент, пронизательный, несколько саркастический склад ума, любовь ко всему прекрасному, необузданная художественная фантазия — все это незаметно подменяло религиозное творчество, превращая его в творчество художественное, нравственно-безразличное». Следуя логике Мень, пишет Ю. В. Андреев, «мы в конце концов приходим все к тому же маловерию греков, к слабости или недоразвитости подлинно религиозного чувства в самом их психическом складе. Иначе говоря, мы должны признать, что по самой своей натуре, хотя и одаренной, но слишком уж суетной и легковесной, греки оказались неспособными сделать решающий шаг от языческого антропоморфизма — этого обожествления человека, к подлинному спиритуализму — религии Истинного Бога» (Андреев 1998: 327). «Но так ли это на самом деле? — вопрошает исследователь и отвечает: — И орфизм, и пифагорейство, и даже грандиозная система платоновского объективного идеализма на фоне магистрального потока развития греческой культуры воспринимаются скорее как маргинальные и нетипичные явления, как некие отклонения от общепринятых норм религиозного сознания. Означает ли это, что греки, как думал Мень, были неспособны в силу своей духовной неполноценности переменить свою веру? Или же они не хотели это сделать, пока и поскольку именно эта вера лучше отвечала неким кардинально важным особенностям их этнической

психологии, чем какая-либо другая? Нам думается, что дело здесь все же в сознательном выборе, а не в духовной немощи. Религии спиритуалистического толка, такие как христианство, иудаизм, буддизм, претендуют на обладание душой человека, требуя от него полной самоотдачи, абсолютного растворения в ауре божества вплоть до окончательного отказа от своего Я (в буддизме, в некоторых ветвях христианства). При этом материальная (телесная) часть человеческой личности просто отбрасывается в сторону как ничего не значащий придаток души или, хуже того, ее темница или могила. Брэнная плоть остается на земле, в доме или в гробу, в то время как душа воспаряет к небу. Все вероучения этого рода по сути своей авторитарны или даже тоталитарны. В них бог внимательно следит за каждым шагом человека, постоянно требует от него отчета в своих поступках, сурово карает его за малейшие отступления от веры или нарушения нравственных заповедей. Высший смысл жизни человека здесь может заключаться только в служении богу. Для греков такое решение проблемы смысла жизни и назначения человека было уже а priori неприемлемо. Они слишком высоко ценили свое тело и практически не отделяли его от души, как форму от содержания. Еще более они ценили свою свободу, как гражданскую, так и человеческую, личностную, и не уступили бы ее даже самому могущественному и мудрому божеству. Понятие «раб божий», глубоко укорененное в сознании каждого верующего христианина, было им органически чуждо» (Андреев 1998: 328). По поводу понятия «раб Божий», воспринятого столь прямолинейно для такого глубокого ученого, каким был Ю. В. Андреев, достаточно привести только две цитаты из Евангелия: «Раб, призванный в Господе, есть свободный Господа...» (1 Кор. 7: 22) и «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3: 17)³. Что касается религии свободолюбивых эллинов, то она, подобно любой естественной (природной) рели-

³ А вот что пишет по этому поводу замечательный русский философ Б. П. Вышеславцев: «Не плохо быть “рабом Божиим”, но это не высшее и не лучшее, не то, к чему стремится этика “обожения”. Ап. Павел высказывает эти мысли вполне ясно. <...> начало “служения” и обязанности действует лишь там, где благодать отсутствует. В силу этого оно не есть *высшее начало*. Высших начал нужно искать в царстве благодати; а начала “служения”, “авторитета” и “обязанности” всецело относятся к царству закона... Бог есть свобода и любовь (“где дух Господень — там свобода”), а потому и человек на высшей ступени обожения есть свобода и любовь, а не “обязанность”» (Вышеславцев 1930: 107–108).

гии, которая фиксирует зависимость человека от стихийных сил природы (персонифицированных или нет — не столь важно), по определению не может быть религией свободы. Кроме того (сошлемся здесь на авторитетное мнение Н. А. Бердяева — главного «философа свободы»), присущий грекам рационализм «есть окостенение сознания, несвобода духа» (Бердяев 2007: 174).

По словам Ю. В. Андреева, для христианина или мусульманина (разницы между ними для исследователя нет, что в корне неверно) «божество и человек — несоизмеримые величины». Оставляя в стороне мусульманство, сразу отметим поразительный факт: рассуждая о христианстве, исследователь ни разу не упоминает самого главного в этой религии — Богочеловека Иисуса Христа! Уже одного этого факта достаточно для того чтобы понять, насколько христианская религия была органически чужда «апологету язычества» Ю. В. Андрееву. В связи с этим вспоминается то, что Апостол Павел писал в Коринф: «...мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев — соблазн, а для Еллинов — безумие...» (1 Кор. 1: 23). Однако, как справедливо отмечает о. А. Мень, «мученики и апологеты, учителя и Отцы Церкви в большинстве своем были сынами греко-римского мира. Этот факт, оказавший огромное влияние на жизнь христианства, не мог быть случайным, он имел много предпосылок... Прежде всего, многие античные идеи подготовили умы к восприятию Евангелия. Как не для всех иудеев оно было “соблазном”, так и не все эллины видели в нем “безумие”. Когда греки и римляне, искавшие истину, приходили к христианству, они обнаруживали в нем немало того, чему учили их философы. Это облегчало им приобщение к Церкви, и, в свою очередь, сами они, возвещая Слово Божие, прибегали к системе античных понятий» (Мень 2002: 7–8). О. А. Мень ссылается на св. Юстина Мученика, который во II в. писал: «Когда говорим, что все устроено и сотворено Богом, то окажется, что мы высказываем учение Платоново; когда утверждаем, что мир сгорит, то говорим согласно с мнением стоиков; и когда учим, что души злодеев и по смерти будут наказаны, а души добрых людей, свободные от наказания, будут жить в блаженстве, то мы говорим то же, что и философы» (Св. Иустин. Апология, I, 20). О. А. Мень подчеркивает, что «в эпоху первохристианской проповеди античный мир переживал глубокую неудовлетворенность своим мирозерцанием. Самые великие достижения эллинской мысли не могли утолить жажду новых идеалов, и этот кризис подготовил античного человека к принятию учения, пришедшего с Востока» (Мень 2002: 8). Что

касается этого учения, т. е. христианства, то оно мыслит о себе как о религии сверхъестественного Откровения, вследствие чего не только авторитетно одобряет и сохраняет внутри себя все подлинные дохристианские культурные интуиции, но и властно оспаривает любые проявления языческого мирочувствия, которые вступают в явное противоречие с богооткровенной Истиной. Христианство, как бы эффектно не звучали высказывания Ю. В. Андреева, — это отнюдь не месть Востока Западу (через посредство евреев)⁴ и уж тем более не «создание маргиналов иудаизма»⁵, а наоборот, восполнение смысловой недостаточности обеих мировоззренческих систем идеей чаемого богочеловеческого синтеза⁶.

Кроме того, вопреки распространенному атеистическому заблуждению, которое разделял Ю. В. Андреев, Христос ни в коей мере не может быть в ответе за тех, кто разрушал памятники античного искусства и растерзал Ипатию⁷, как и за тех поверхностных исторических христиан, которые пытались превратить в культ самодовлеющей смерти⁸ основанную Им светлую религию воскресения и любви.

⁴ «В определенном смысле конечное торжество христианства было своеобразным реваншем Древнего Востока за Фермопилы, Саламин, завоевания Александра, походы Помпея и Траяна и т. д. <... > Видимо, не случайно также и то, что главными вершителями этого великого исторического возмездия суждено было стать именно евреям...» (Андреев 2010: 662).

⁵ Твердое убеждение Ю. В. Андреева, высказанное в личной беседе.

⁶ Великий религиозный философ Владимир Соловьев не без основания считал, что к моменту появления в мире Вифлеемской звезды и древний Восток (с его представлениями о божестве, которое подавляет любое человеческое начало без остатка), и древний Запад (с его мифологическим и философским человекобожием, смело восстающим на всю область сверхъестественного), одинаково изжили в себе обе направленности и словно замерли в ожидании и призыве: «И бесчеловечный бог Востока, и безбожный человек Запада одинаково призывали истинного Богочеловека» (Соловьев 1966а: 20–30).

⁷ «Правильно поняли Христа те, кто растерзал Ипатию, кто крушил мрамор древних храмов и театров с их статуями, картинами, мозаиками, кто сжигал великие творения древних поэтов и мудрецов» (Андреев 2010: 669).

⁸ Противопоставляя «темному» христианству «светлое» греческое язычество, Ю. В. Андреев пишет: «В самом общем виде (в сжатой формуле) соотношение этих двух типов религии может быть выражено антитезой: религия смерти и религия жизни» (Андреев 2010: 667). (Следует отметить, что эту антитезу очень долго на все лады развивал В. В. Розанов, однако в конце

Поэтому если апологетика эллинского язычества со стороны такого большого ученого, как Ю. В. Андреев, весьма интересна, то его крайне субъективное и резко негативное мнение о христианстве имеет лишь сугубо историографическое значение, в отличие от того глубочайшего проникновения, которого он достиг в исследовании религии Эгейского мира.

Догреческой религии Андреев посвятил целый ряд статей (Андреев 1989; 1992; 1993; 1997; 1998). Но ее систематическое изложение дано в его монографии «От Евразии к Европе». По поводу этой замечательной книги можно повторить те слова, которыми мы ее уже охарактеризовали (Шауб 2013: 27 след.): Весь блеск своего таланта, зоркость глаза, мощь и изощренность интеллекта, тонкость вкуса, точность и глубину огромной и разносторонней эрудиции, а главное — весь жар любви к предмету своего исследования вложил выдающийся ученый в этот труд. Результат — произведение, не знающее себе равных в мировой науке⁹ Подобно палеозоологу, восстанавливающему облик вымершего животного по одной кости, воссоздает Ю. В. Андреев живую и яркую картину Эгейского мира III–II тыс. до н. э., виртуозно анализируя археологические памятники, произведения искусства и мифы критского цикла. Автор не ограничивается этим, но старается определить тональность, найти «стилистическую формулу» каждой эгейской цивилизации, и самое поразительное — стремится проникнуть в психологию творцов этих цивилизаций, достигая прямо «запредельных» глубин. Причем здесь наиболее наглядно проявляется особенность подхода ученого к своему материалу, тонко подмеченная А. И. Зайцевым: «Юрий Викторович был романтиком в своих научных поисках, но эрудиция, школа и здравый смысл всегда удерживали его по эту сторону границы, которая отделяет смелую гипотезу от неправдоподобной или фантастической» (Зайцев 2000: 20).

Особенности религии (и органически связанного с ней искусства) минойского Крита специально рассматриваются Ан-

жизни он вынужден был признать ее полную несостоятельность.) «Для наиболее гармоничных форм языческого менталитета характерно представление о неразрывной связи жизни и смерти как двух частей единого замкнутого цикла», — утверждает Ю. В. Андреев (Там же). Как известно, для христианина физическая смерть представляется началом новой жизни, рождением из земной, временной жизни в вечность.

⁹ Неудивительно, что эта книга переведена на английский язык (на наш взгляд, превосходно); см. (Andreyev 2013).

дреевым в третьей части монографии «От Евразии к Европе». Но поскольку, как справедливо отмечает исследователь, «религия являлась в полном смысле слова интегрирующим, организующим и целеполагающим фактором в жизни минойского общества», ценные наблюдения о различных ее аспектах встречаются в книге повсюду. И страницы, посвященные рассмотрению религиозных представлений обитателей Эгеиды, особенно критян, являются, бесспорно, наиболее проникновенными, а иногда просто захватывающими. Автор не ставит себе задачей подробный анализ всех материалов, относящихся к религиозным верованиям и культовой практике минойцев. Он останавливается только на наиболее характерных особенностях их религии, отличающих ее на общем фоне религий древнего Средиземноморья. Его интересуют только такие особо значимые проблемы, как структура или персональный состав мира богов, модель мироздания, представления о загробной жизни. Минойская религия (равно как и религии всех прочих народов Эгеиды, включая и микенцев, поскольку дешифровка их документов хозяйственной отчетности мало что дает для понимания религиозной проблематики) продолжает оставаться, по образному выражению М. П. Нильссона, «книгой с картинками, но без подписей к ним». Поэтому все вопросы, связанные с этой сферой, решаются на уровне догадок и предположений. Дело осложняется еще и тем, что восходящие к бронзовому веку мифы (прежде всего мифы так называемого критского цикла) дошли до нас в греческих переработках, часто полностью утратив свой первоначальный смысл. Несмотря на это, интерпретация Ю. В. Андреевым вышеупомянутых «картинок» и мифов является столь виртуозной, что ее с полным правом можно отнести к подлинным шедеврам научной экзегезы (Шауб 2017).

«Вся территория Крита, — пишет Ю. В. Андреев, — была маркирована религиозными символами и местами для отправления культа и, таким образом, во всей своей протяженности представляла собой своего рода сакральное пространство, фокусными точками которого считались, по всей видимости, дворцы и связанные с ними наиболее важные сельские святилища» (Андреев 2002: 237).

Религиозный характер носит и подавляющее большинство сохранившихся произведений минойского искусства. Все его сюжеты и декоративные композиции перенасыщены всевозможными предметами, по всей видимости, имеющими значение культовых символов (двойной топор — «лабрис», «рога

посвящения», колонна, «змеиная рама» и т. д.), что придает минойской религии специфический оттенок фетишизма, свойственный ей в гораздо большей степени, чем другим религиям Восточного Средиземноморья и Передней Азии. Столь же характерны для нее и такие пережитки типично первобытных верований и форм культа, как тотемизм, анимизм, шаманизм и т. п. Крайне аморфным выглядит и минойский «пантеон», по мнению исследователя представлявший собой достаточно пеструю толпу больших и малых богов и духов, воплощений (персонификаций) различных явлений и стихий природы.

В целом, считает Ю. В. Андреев, подобная система верований лучше всего может быть определена как «первобытный пандеманизм»¹⁰. Вместе с тем, по мнению исследователя, имеющийся иконографический материал критского искусства и отчасти также свидетельства позднейших мифов критского цикла позволяют предполагать, что уже возник процесс выделения нескольких центральных фигур главных божеств. Таким образом, начался переход минойской религии на более высокую ступень развития — политеизм, — сближающий ее с религиями стран Передней Азии и Египта. Однако, оговаривается ученый, этот процесс, скорее всего, так и не успел завершиться до прихода на Крит греков-ахейцев и окончательного изживания здесь дворцовой цивилизации (Андреев 2002: 279–280, 353–355).

Ю. В. Андреев прослеживает в религии минойского Крита «мощный пласт глубоко архаичных верований и обрядов, несущих на себе ясно выраженную печать первобытного синкретизма» (Андреев 2002: 15). По словам исследователя, «минойский пантеон, если сравнивать его с современным ему египетским или вавилонским пантеоном, не говоря уже о более позднем сонме олимпийских богов, кажется довольно-таки аморфным и внутренне очень слабо дифференцированным. Рассматривая фигуры богинь, изображенных на печатях или в мелкой пластике, всегда бывает трудно решить, кого имел в виду художник: совершенно разных божеств или же просто разные ипостаси одного и того же божества — так называемой Великой богини. Коллективное приобщение к ауре божества может считаться одной из наиболее характерных особенностей минойского культа.

¹⁰ Этот термин был впервые введен в употребление В. С. Соловьевым (Соловьев 1966б: 183). Знаменательно, что для философа не было противоречия между «пандеманизмом» и тем фактом, что «божество первобытной религии было безусловно единым» (Соловьев 1911: 11).

Особенно ярко проявила она себя в бурных экстатических танцах, запечатленных во многих произведениях критского искусства» (Андреев 2002: 15)

Одной из самых ярких архаических черт в облике минойской цивилизации, на которых акцентирует свое внимание Ю. В. Андреев, является несвойственное подавляющему большинству обществ бронзового века высокое положение женщины на Крите, обусловленное ее ведущей ролью в сакральной сфере жизни минойского общества, в религии которого центральной фигурой была Великая богиня, возглавлявшая целый сонм женских божеств. В качестве ее смертных дублерш женщины пользовались исключительным влиянием, распространявшимся, вероятно, далеко за пределы собственно культовой деятельности, что нашло выражение в явно феминизированном в целом облике минойской культуры (Андреев 2002: 204).

Вместе с тем «минойский матриархат», по мнению Ю. В. Андреева, следует рассматривать не столько как реликт первобытной эпохи, сколько как специфическую защитную реакцию глубоко архаичной социальной системы на слишком быструю ее трансформацию в классовое общество и государство. Примечательно, пишет он, что именно в период расцвета минойской цивилизации роль женщин как наиболее консервативной части социума возросла настолько, что впервые приблизилась к подлинной гинекократии, выступившей в качестве своеобразного тормоза социального прогресса. И в этом, как полагает автор, состоит одна из основных причин определенной недоразвитости или неполноценности цивилизации минойского Крита (Андреев 2002: 214–215).

Скорее всего, потому, что книга «От Евразии к Европе» не была дописана, в ней остались противоречивые высказывания относительно такой ключевой проблемы, как концепция минойского «монотеизма». Она была выдвинута А. Эвансом и вызвала горячие споры. Ю. В. Андреев, поддерживая эту концепцию (которую разделяют многие авторитетные исследователи), в своей статье о минойском матриархате справедливо отмечает, что, «только оставаясь на этой позиции, можно достаточно убедительно объяснить, с одной стороны, бросающееся в глаза единообразие иконографии женского божества в минойском искусстве и, с другой стороны, неизменное повторение одного и того же набора культовой утвари в минойских святилищах разного типа, например в дворцовых «капеллах» и так называемых peak sanctuaries» (Андреев 1992: 4). В то же время в книге «От

Евразии к Европе» он пишет то о «Великих богинях» (Андреев 2002: 281 сл.), то говорит, что «птицы и змеи в минойском искусстве выступали в роли ипостасей Великой богини» (Андреев 2002: 255). А через несколько страниц читаем о глиняных статуях из Айя Ирины, что они «должны были представлять собой весьма эффектное зрелище и в своей совокупности создавали зримый пластический образ верховной богини или скорее целого сонма таких богинь вместе с их свитой» (Андреев 2002: 259). Подобные противоречивые высказывания относительно образа Великой богини нам еще по необходимости придется цитировать.

По поводу минойского «монотеизма» нам уже доводилось писать, что «в ту картину экстатической минойской религии, которую открывает перед читателем Ю. В. Андреев, органически вписывается то, что все «оргиастические веры» склонны к единобожию (Иванов 1994: 190). Отмечающий этот факт В. И. Иванов так же проникновенно писал о том, что «всякое исследование истории женских божеств, под каким бы именем не таилась Многоимянная, <...> наводит нас на следы первоначального фемин-монотеизма, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидность единой богини — женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют» (Иванов 1994: 332). Сочувственно цитирующий эту мысль В. И. Иванова прот. А. Мень приходит к выводу, что «подобно тому, как родоначальница племени была его общей матерью, так и первобытный культ Богини породил все последующие формы язычества» (Светлов 1971: 32). Конечно, «не в производственных отношениях и хозяйстве и не в особенностях первобытного брака следует усматривать корень матриархата. Возрастание роли женщины в доисторическом обществе было, несомненно, связано с расцветом культа Богини-Матери и ведущей ролью шаманок и жриц» (Светлов 1971: 32).

Сама судьба была «не чем иным, как Великой Матерью первых культов... Образ ее будет неотвязно преследовать человечество, претерпевая удивительные трансформации... Мало того, что само язычество вышло из этого поклонения Матери, ему прямо или косвенно будут обязаны своим существованием и пессимистический дуализм, и греческий дуализм, и даже материалистическая философия» (Светлов 1971: 79). Таким образом, осмысляя проблему Великой богини в философских терминах, можно говорить о том, что в ее образе органически слиты субстанциальное тождество и ипостасное различие (Шауб 2013: 30).

Еще одно важное наблюдение Ю. В. Андреева подкрепляет вывод о том, что всеобъемлющим объектом поклонения на Крите была именно Великая богиня всего сущего: «Очевидно, в религиозном сознании минойцев отдельные божественные индивиды и мир природы мыслились как некое подобие сообщающихся сосудов, внутри которых происходило непрерывное перетекание наполняющей весь космос магической энергии из одной емкости в другую. В этом вечно движущемся космосе индивидуализированные образы богов никак не могли понастоящему отстояться и обособиться от своего животнорастительно-предметного окружения» (Андреев 2002: 255)¹¹.

Рассматривая аргументы за и против концепции минойского «монотеизма», Ю. В. Андреев в очередной раз колеблется с окончательным выводом (Андреев 2002: 274 сл.). Но, словно в оправдание своей нерешительности, приводит мнение известного греческого археолога Ст. Алексиу, резонно заметившего, что «это различие (между разными богинями и различными аспектами одной и той же богини. — Ю. А.) было неясным для догреческого верующего. Следовательно, было бы тщетно требовать логической классификации в области духовной жизни, управляемой эмоциями и интуицией» (Андреев 2002: 276, прим. 91).

Много внимания Ю. В. Андреев уделил анализу минойского культа быка, дав блестящий анализ как самого образа божественного быка, так и его взаимоотношений с Великой богиней в контексте критского цикла мифов (см.: Андреев 1997; Андреев 2002: 368–397). Подобно многим другим умирающим и воскресающим богам Древнего мира, минойский божественный бык

¹¹ Ср.: «Судя по всему, минойцы воспринимали весь окружающий их мир как некое единство, как целостный пространственно-временной континуум, внутри которого не было места для сколько-нибудь четкой демаркационной линии между зоной дикой природы и освоенным человеком культурным пространством. Любые преграды, разделяющие эти два мира, могли бы воспрепятствовать потоку свободно льющейся магической энергии так же, как и свободному передвижению богов из одного мира в другой. Возможно, именно такими соображениями вполне иррационального характера, а не просто сознанием безопасности своего положения на острове, под защитой сильного флота объясняется неоднократно отмечавшийся парадоксальный факт отсутствия укреплений вокруг минойских дворцов и поселений. Лишенные стен, они как бы отдавали себя во власть и под покровительство матери-земли и всего связанного с нею сонма божеств» (Андреев, 2002: 267).

почитался прежде всего как искупительная жертва, служившая гарантией бесперебойной работы «космического механизма» и обеспечивавшая правильное чередование времен года, постоянное обновление живой природы и смену поколений внутри социума. При этом его образ, вероятно, сливался с образом антропоморфного «консорта» Великой богини («Владычицы зверей»). Своеобразие минойской версии мифа об умирающем и воскресающем боге, отмечает Ю. В. Андреев, заключалось в том, что божеством, которому непосредственно была адресована жертва, являлась сама Великая богиня, «выступавшая в двух, казалось бы, взаимоисключающих ролях — как дарительница жизни и как вечно жаждущее крови божество смерти». (Заметим, что именно амбивалентность Богини ее почитатели должны были ощущать как главный признак ее величия.) В обрядовой практике минойцев главным воплощением этого мифа был ритуал тавромахии — «священной игры» с быком, в котором проявляла себя характерная для «матриархального» менталитета минойцев тема торжества активного или даже агрессивного женского начала над пассивным и по своей природе обреченным на страдания и смерть мужским началом (Андреев 2002: 382–383, 395–397).

Как показывает Андреев, ключевую роль в представлениях минойцев как о загробном мире, так и о структуре всего мироздания, играла мифологема лабиринта. Ее первичный смысловой субстрат может быть истолкован как путь или проход, ведущий в потусторонний мир, а через него — к перевоплощению и вечной жизни (Андреев 2002: 475–508). Ближайшим прообразом лабиринта была заspirальная вращающаяся свастика, символизирующая вечное движение. Характерно, пишет Ю. В. Андреев, что движение вообще воспринималось минойцами, по-видимому, как прямой синоним жизни, неподвижность же как синоним смерти. Эта фундаментальная идея лежит в основе как минойской религии, так и органически связанного с ней минойского искусства... Более того, искусство, скорее всего, воспринималось как особая разновидность магии, конечной целью которой считалось заклятие движением или скорее имитацией движения скрытых сил обожествленной природы (Андреев 2002: 531).

Очень важен вывод Андреева относительно критских дворцов: при всей значимости их административных и хозяйственных функций они были лишь производными от своей основной сакральной функции, на что, по его мнению, указывают

не столько находки культовой утвари и более или менее надежно идентифицированные помещения, сколько их своеобразный архитектурный облик, сюжеты фресок, а также гармоническая сбалансированность с формами окружающего ландшафта, причем сбалансированность не столько эстетического, сколько религиозно-символического порядка (Андреев 2002: 137–139).

Нам уже приходилось выражать сожаление в связи с тем, что Ю. В. Андреев отказался от интерпретации изображения на одном из наиболее информативных памятников религии древнего Крита — золотом кольце XVI в. до н. э. (так называемое «кольцо Нестора»), которое хранится в музее Эшмола в Оксфорде (Шауб 2013). Всегда чрезвычайно самостоятельный исследователь здесь доверился авторитету таких маститых ученых, как М. П. Нильссон, Г. Бизанц и В. Кенна¹², которые сочли не только бесспорно фальшивые печати из Фисбе (Беотия), но заодно и этот шедевр минойского ювелирного искусства подделкой. Однако данный перстень, найденный в толосе XV в. до н. э. в Какватосе¹³, несомненно, является подлинным¹⁴, что доказал Я. Сакелларакис, ко-

¹² Библиографические ссылки на работы этих исследователей см.: (Шауб 2013: 33).

¹³ Эта приморская деревня находится в западной части Пелопоннеса (Элида).

¹⁴ В погоне за сенсацией ныне подделками объявляются даже такие хрестоматийные вещи, как «маска Агамемнона». На этом фоне неудивительно, что выдвигаются новые аргументы против подлинности «кольца Нестора». Мы имеем в виду статью крупнейшего современного специалиста по минойской религии Н. Маринатос и ее соавтора Б. Джексона (Marinatos, Jackson 2011), в которой под подозрение ставятся обстоятельства находки этого кольца. В ней также предлагается к обсуждению дополнительный критерий семантического соответствия образов и утверждается, что некоторые сюжеты изображения на рассматриваемом артефакте зависят от египетских прототипов; также против его аутентичности, по мнению авторов, свидетельствует использование в его образности мотива бабочки. Все эти аргументы выглядят надуманными и не кажутся нам убедительными. Особенно странной, учитывая не только тесные торговые связи минойского Крита и Египта, но и их взаимовлияния в сфере искусства, выглядит ссылка на зависимость некоторых сюжетов изображения на кольце от египетских прототипов. В действительности, речь идет не о сюжетах, а только о весьма отдаленном сходстве иконографии двух-трех отдельных персонажей кольца и египетской живописи. Что касается мотива бабочки, то он на «кольце Нестора» как нельзя более органичен, поскольку главными персонажами, представленными здесь, являются люди-бабочки.

торый обнаружил в 1965 г. в одном из толосов Арханеса (Крит) золотое кольцо с изображениями куколок и бабочек (этот уникальный в то время сюжет особенно смущал недоверчивых исследователей) почти тех же форм и в тех же комбинациях, что и на «кольце Нестора» (Sakellarakis 1973: 303–318).

А. Эванс, купивший и издавший этот перстень (вместе с якобы могильным кладом золотых перстней и печатей из Фисбе), судя по всему, правильно усмотрел в многосюжетной композиции, представленной на его щитке, изображение потустороннего мира. Однако английский археолог, неверно интерпретировав ряд важных деталей, к сожалению, опубликовал искаженную прорисовку этого памятника. Так, изображение на перстне делится на четыре сегмента не деревом, как думал Эванс, а водным потоком, о чем свидетельствует аналогичное изображение на знаменитой фреске, обнаруженной на острове Фера. Все персонажи на кольце (в отличие от того, что представлено на рисунке Эванса) не имеют лиц; это люди-бабочки, проходящие в экстатическом танце различные стадии развития этого насекомого¹⁵. Воздерживаясь от детальной трактовки представленного на кольце изображения, отметим только то, что его подробный анализ мог бы существенно уточнить, дополнить и углубить данную Ю. В. Андреевым картину «шаманистической» религии минойского Крита.

Кроме уже упомянутых выше монографий, религиозным сюжетам в значительной степени посвящена научно-популярная книга Ю. В. Андреева «Поэзия мифа и проза истории»¹⁶, а также ряд статей. Это «Минойский Дедал» (Андреев 1989), «Мотив интронизации в искусстве минойского Крита» (Андреев 1993б), «Человек и божество в кикладском искусстве эпохи ранней брон-

зы» (1998д); рецензия на книгу Э. Л. Лаевской «Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы» (Андреев 1998е).

Уже после кончины ученого вышла его статья «Минойские божества смерти на цилиндрической печати из Астракуса». Здесь он детально проанализировал художественную композицию, которая украшает эту минойскую гематитовую цилиндрическую печать (около XV в. до н. э.) (Андреев 2000). Это исследование продолжает реконструкцию загробных представлений обитателей минойского Крита, начатую Ю. В. Андреевым в статье «Минойский Дедал». В изначальном образе Дедала исследователь видит минойское божество, непосредственно связанное с загробным миром, божество, в котором «черты колдуна-психагога были органически соединены с чертами великого искусника и умельца, вероятно считавшегося верховным покровителем различных категорий ремесленников, как в более поздние времена хромой бог-кузнец Гефест» (Андреев 1990: 90).

Что касается религии микенских греков, то, прежде чем говорить о ней, нужно вспомнить, что в становлении микенской цивилизации, как отмечает Ю. В. Андреев, первостепенную роль сыграл фактор завоевания и длительного противостояния двух этнических массивов: пришлого индоевропейского (ахейского или эллинского) и местного неиндоевропейского (эгейского, пеласгического или минойского). К данному этапу восходит и столь характерный для микенской Греции тип укрепленного поселения на вершине холма (дворец-цитадель или городок-акрополь), и самоопределение военной знати в качестве господствующего сословия и основного структурного ядра всей социальной системы (Андреев 2002: 594–595).

С XVI в. до н. э. начинается активное участие ахейских правителей в эгейской и восточномедиземноморской торговле, «вероятно, сочетавшейся с пиратскими рейдами к чужим берегам и попытками установления дипломатических контактов с чужеземными дворами» (Андреев 2002: 596). Особенно интенсивными становятся связи с Критом, под воздействием которого происходит заметная «миноизация» микенской культуры. «Мощное влияние более древней и более развитой критской цивилизации, — пишет Ю. В. Андреев, — оставило свои следы почти во всех основных сферах жизни микенского общества» (Андреев 2002: 597) — в частности (весьма осязаемое), в религиозных верованиях и обрядах.

¹⁵ Стоит отметить, что для шаманства многих народов Сибири характерно представление о превращении шамана в насекомое (Шауб 2013: 32).

¹⁶ Здесь автор показывает читателю, «что может миф дать историку в том случае, когда он ясно сознает всю необычность и своеобразие этого специфического источника информации», подчеркивая, что «только при этом условии возможны настоящая историческая критика или исторический анализ мифологической традиции» (Андреев 1990: 5). Кроме того, он демонстрирует, как «миф становится нашим проводником и путеводителем» в «сложном и трудном путешествии по лабиринтам древних религиозных и философских систем» (Там же: 222).

Переходя далее к оценке основных «культурологических параметров» микенской цивилизации, Ю. В. Андреев обращает внимание на ряд ее принципиальных отличий от цивилизации Крита, под воздействием которой она формировалась. Эти различия обусловлены, как считает ученый, особенностями образа жизни и соответствующего ему психического склада двух этносов. Они легко обнаруживаются при сопоставлении как архитектурных форм, так и произведений изобразительного искусства, в которых просматривается весьма несхожее отношение к окружающей природной среде их создателей — воинственных скотоводов и охотников (греки-ахейцы) и мирных земледельцев и рыболовов (минойцы). Ю. В. Андреев тонко отмечает кардинальное различие в мировосприятии минойцев и микенцев: в то время как в мироощущении минойцев антитеза «природа — человек» или «природа — социум» была в значительной степени сглажена и оттеснена на задний план устойчивой интуицией кровного родства со всем миром живой и неживой природы, для микенского менталитета, судя по всему, было характерно «самоотторжение человека и социума от мира природы, соединенное с тяготением к разумной упорядоченности и гармонической организованности» окружающего мира. Эта последняя черта, по мнению исследователя, потенциально сблизжала микенскую цивилизацию с цивилизацией классической Греции. Однако в силу ряда обстоятельств такая особенность довольно быстро переросла в тенденцию к предельной схематизации и упрощению зрительных образов, преобразованию их в орнаментальные мотивы, т. е. в условные символы и знаки, что вело к нарастанию беспомощности и примитивизма в решении задач изобразительно-повествовательного плана (Андреев 2002: 600, 623, 641–642; см. также: Андреев 1993а).

Ю. В. Андреев полагает, что весь заимствованный микенскими греками минойский пантеон подвергся радикальному переосмыслению. «Его центральная фигура, воплощающая вездесущее, всеобъемлющее и постоянно меняющее свой облик мистическое начало, трансформировалась в божество или скорее в группу божеств, наделенных более или менее ясно выраженной индивидуальностью и более или менее жестко закрепленных в системе пространственно-временных координат. Переселившись на материк, минойская Великая богиня обрела наконец постоянную резиденцию в царском дворце, который, начиная с этого момента, становится как жилище верховного божества отдаленным прообразом позднейшего греческого храма и вместе

с тем своего рода неподвижным центром мироздания» (Андреев 2002: 623).

«Взятый как целостная система» микенский пантеон, насколько допустимо о нем судить по предполагаемым изображениям богов и «разочаровывающе скучным» упоминаниям о них в документах дворцовых архивов, по мысли исследователя, «может быть квалифицирован как разновидность примитивного или рудиментарного политеизма, занимающая промежуточное положение примерно на полпути между первобытным синкретизмом или стихийным пантеизмом и классическим олимпийским антропоморфизмом. Определенная дифференциация сонма богов по сексуальным, функциональным, локальным и иным признакам в то время, видимо, еще не могла перерасти в подлинную персонализацию их образов. Встречающиеся в табличках линейного Б письма имена олимпийских богов не должны вводить нас в заблуждение. Обозначенные этими именами “божественные сущности”, скорее всего, имели не так уж много общего с пластически полнокровными, предельно очеловеченными характерами гомеровских олимпийцев. Изображения богов в микенском искусстве в большинстве своем поражают своей истине варварской грубостью, примитивностью и однообразием» (Андреев 2002: 627).

«Создается впечатление, что микенские греки внесли не так уж много нового в накопленную их предшественниками сокровищницу религиозно-мифологических идей и образов, — пишет Ю. В. Андреев. — Пытаясь как-то приручить и обуздать буйных и своевольных духов стихий, созданных воспаленной фантазией минойских мистиков и визионеров, ввести их в четкие рамки своего упорядоченного и размеренного бытия, они, как и в искусстве, не могли обойтись без стандартизации и схематизации этого чуждого им мира. Его причудливые, по-видимому, просто недоступные их воображению образы микенцы предельно упростили, сделали плоскими и одномерными, изгнав из них ощущение полноты жизни, ее свободы и динамизма. Однако, сознательно или бессознательно отсекая себя от мира дикой природы или первородного хаоса, они, похоже, не сумели создать и противостоящую этому хаосу модель гармонически организованного мироздания наподобие позднейшего эллинского космоса. Их пантеон, состоящий из более или менее однотипных божеств с очень слабо выраженными, почти стертыми индивидуальностями, был слишком примитивен, не обладал достаточным запасом внутренней энергии, необходимой для героического са-

моутверждения в борьбе с враждебным внешним миром, и уже в силу этого не мог стать основой или структурным стержнем такой модели» (Андреев 2002: 628–630), которая является характерной особенностью жизненной установки эллинов.

Как известно, Микенская цивилизация прекратила свое существование примерно в конце XII в. до н. э., тогда как первые признаки зарождения новой античной цивилизации начали проявляться только около середины VIII в. до н. э. В результате каких-то загадочных бедствий был практически начисто смыт непрочный слой элитарной дворцовой культуры, после чего на поверхность выступил гораздо более глубокий и мощный пласт древних «крестьянских» культур элладской эпохи. Именно так, полагает Ю. В. Андреев, можно интерпретировать резкое снижение бытовых и эстетических стандартов. Возможно, в какой-то степени явления упадка были усилены благодаря приходу новой волны грекоязычных племен (дорийцев и других носителей так называемой северо-западной группы греческих диалектов). Однако исследователь уверен, что связывать с их вторжением саму катастрофу микенского мира нет достаточных оснований. Когда в конце XII в. или даже в XI в. до н. э. дорийцы пришли на Пелопоннес с территории Эпира и Македонии, агония микенской цивилизации уже близилась к завершению. Ее важнейшие культурные и экономические центры были разрушены и навсегда покинуты своими обитателями, многие области лишились большей части населения. Поэтому продвижение дорийцев на юг вряд ли можно назвать «нашествием» (Андреев 2002: 641, 645 след.; Андреев 2015).

Цивилизация классической Греции, конечно, не являлась прямой наследницей микенской цивилизации, «точно так же как и сама микенская цивилизация едва ли может считаться продолжением более древних культур раннеэлладского периода. Однако, несмотря на это, указанные культуры и цивилизации, несомненно, были связаны между собой как звенья единой, тянущейся через тысячелетия цепи этногенеза и органически слитого с ним культурогенеза эллинской народности» (Андреев 2002: 789). С точки зрения Ю. В. Андреева, это был процесс, в котором «преемственность осуществлялась не столько на уровне традиции, т. е. посредством простой передачи накопленной информации от поколения к поколению, сколько на уровне чисто биологического наследования определенных черт психического, в особенности эмоционального и интеллектуального склада и тесно связанных с ними и потому глубоко укорененных

в гено tipe этноса особенностей мировосприятия и жизнеотношения». От этих особенностей в конечном счете должно было зависеть и своеобразие форм культуры, «присущих данному этносу на том или ином этапе его этногенеза» (Андреев 2002: 789). Одним из важнейших ее аспектов, как блестяще продемонстрировал Ю. В. Андреев, всегда была религия.

Использованная литература

- Андреев Ю. В. Миноийский Дедал // ВДИ. 1989. № 3. С. 29–46.
- Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. 223 С.
- Андреев Ю. В. «Миноийский матриархат». Социальные роли мужчины и женщины в общественной жизни минойского Крита // ВДИ. 1992. № 2. С. 3–14.
- Андреев Ю. В. В ожидании «греческого чуда» (Духовный мир микенского общества) // ВДИ. 1993а. № 4. С. 14–33.
- Андреев Ю. В. Мотив интронизации в искусстве минойского Крита // Античный мир и археология. Саратов, 1993б. Вып. 9. С. 4–22.
- Андреев Ю. В. Миноийская тавромахия в контексте критского цикла мифов // Сборник статей проф. А. И. Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб., 1997. С. 17–30.
- Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. СПб.: Алетейя. 1998а. 432 С.
- Андреев Ю. В. Апология язычества, или О религиозности древних греков // ВДИ. 1998б. № 1. С. 125–134.
- Андреев Ю. В. История и миф в предании о Троянской войне // Шлиман — Петербург — Троя. Научный каталог выставки. СПб.: ГЭ, 1998в. С. 94–119.

- Андреев Ю. В. Русский человек между Христом и Дионисом. Вячеслав Иванов как исследователь и истолкователь греческой религии // *Культурное наследие Российского государства*. СПб., 1998. С. 119–126.
- Андреев Ю. В. Человек и божество в кикладском искусстве эпохи ранней бронзы // *Человек и общество в античном мире*. М.: Наука, 1998д. С. 269–278.
- Андреев Ю. В. Рец. на: Э. Л. Лаевская. Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. Библиейско-богословский институт Св. Апостола Андрея. М., 1997 // *ВДИ*. 1998е. № 3. С. 217–222.
- Андреев Ю. В. Миноийские божества смерти на цилиндрической печати из Астракуса // *ΣΥΣΣΙΤΙΑ*. Сборник статей памяти Юрия Викторовича Андреева / ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 436–445.
- Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. СПб.: Алетейя, 2002. 862 С.
- Андреев Ю. В. В ожидании «греческого чуда». СПб.: Нестор-История, 2010. 776 С.
- Андреев Ю. В. Дорийское завоевание: Историческая проблема в свете археологии. СПб.: Нестор-История, 2015. 222 С.
- Бердяев Н. А. Основы религиозной философии // *Вестник русского христианского движения*. 2007. № 192. С. 169–194.
- Вышеславцев Б. П. [Рец. на книгу:] С. Франк. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Paris: УМСА Press. 1930 // *Путь*. 1930. № 20. С. 106–111.
- Зайцев А. И. Юрий Викторович Андреев. Научное наследие // *ΣΥΣΣΙΤΙΑ*: Памяти Юрия Викторовича Андреева / отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб., 2000. С. 16–22.
- Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 343 С.
- Мень А. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: в 7 т. Т. 2: Магизм и Единобожие: Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. М.: СП «Слово», 1991. 462 С.
- Мень А. В поисках Пути, Истины и Жизни. Часть 4. Дионис, Логос, Судьба. Греческая религия и философия от эпохи колонизации до Александра. М.: Фонд имени А. Меня, 2002. 396 С.
- Никоненко С. В. Философские искания историка античности: Ю. В. Андреев о философии и философах // *Новый Гермес*. 2017. № 9. С. 22–44.

- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1863 год. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1864. 228 С.
- Светлов Э. [Мень А.] Магизм и единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. (В поисках Пути, Истины и Жизни. Часть II.). Брюссель: 'Жизнь с Богом', 1971. 669 С.
- Соловьев В. С. Мифологический процесс в древнем язычестве // Соловьев В. С. *Собр. соч.*: в 10 т. 2-е изд. СПб., 1911. Т. I. С. 1–26.
- Соловьев В. С. Великий спор и христианская политика. Глава: Восток и Запад в древнем мире // *Историческое место христианства* / Соловьев В. С. *Собр. соч.* Брюссель, 1966а. Т. 4. С. 20–30.
- Соловьев В. С. Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки // Соловьев В. С. *Собр. соч.* Брюссель, 1966б. Т. 6. С. 176–231.
- Шауб И. Ю. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре в IV в. до н. э. // Тезисы докладов конференции «Проблемы исследования античных городов». М., 1989. С. 128–129.
- Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007. 484 С.
- Шауб И. Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.
- Шауб И. Ю. «От Евразии к Европе» Ю. В. Андреева и некоторые проблемы религии минойского Крита // *Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб., 2013. С. 27–33.
- Шауб И. Ю. О научном творчестве Ю. В. Андреева (*libri postumi*) // *Новый Гермес*. 2017. № 9. С. 5–21.
- Широкова Н. С. Ю. В. Андреев. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начала I тыс. до н. э.). СПб.: Дм. Буланин, 2002 // *Археологические вести*. 2004. № 11. С. 341–350.
- Andreyev Y. V. From Eurasia to Europe: Crete and the Aegean World in the Bronze and Early Iron Ages (3rd — early 1st millennia BC) / transl. by J. J. van Damme. Louvain, 2013 (*Monographs on Antiquity*. Vol. 6).
- Evans A. 'The Ring of Nestor': A Glimpse into the Minoan After-World and A Sepulchral Treasure of Gold Signet-Rings and Bead-Seals from Thisbê, Boeotia // *Journal of Hellenic Studies*. 1925. Vol. 45. No. 1. P. 1–75.

Marinatos N., Jackson B. Pseudo-Minoan Nestor Ring and its Egyptian Iconography // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 17–27.

Sakellarakis J. A. Ueber die Echtheit des sogenannten Nestorrings. In *Proceedings of the Third retological Congress*, vol. A. Athens and Rethymno: Dimos Rethymnis, 1973. P. 303–318.

References

Andreev Yu. V. Minoyskiy Dedal [Minoan Daedalus] // *VDI*. 1989. № 3. S. 29–46.

Andreev Yu. V. Poeziya mifa i proza istorii. [Poetry of myth and prose of history] L.: Lenizdat, 1990. 223 s.

Andreev Yu. V. «Minoyskiy matriarkhat». Sotsial'nye roli muzhchiny i zhenshchiny v obshchestvennoy zhizni minoyskogo Krita ["Minoan matriarchy". Social roles of men and women in the social life of Minoan Crete] // *VDI*. 1992. № 2. S. 3–14.

Andreev Yu. V. V ozhidanii «grecheskogo chuda» (Dukhovnyy mir miken'skogo obshchestva) [Waiting for the "Greek Miracle" (The Spiritual World of the Mycenaean Society)] // *VDI*. 1993a. № 4. S. 14–33.

Andreev Yu. V. Motiv intronizatsii v iskusstve minoyskogo Krita [The motif of enthronement in the art of Minoan Crete] // *Antichnyy mir i arkheologiya*. Saratov, 1993b. Vyp. 9. S. 4–22.

Andreev Yu. V. Minoyskaya tavromakhiya v kontekste kritskogo tsikla mifov [Minoan taumachy in the context of the Cretan cycle of myths] // *Sbornik statey prof. A. I. Zaytsevu ko dnyu semidesyatiletia*. SPb., 1997. S. 17–30.

Andreev Yu. V. Tsena svobody i garmonii. [Price of Freedom and Harmony] SPb.: Aleteyya, 1998a. 432 s.

Andreev Yu. V. Apologiya yazychestva, ili O religioznosti drevnikh grekov [Apology of Paganism, or On the Religiosity of the Ancient Greeks] // *VDI*. 1998b. № 1. S. 125–134.

Andreev Yu. V. Istoriya i mif v predanii o Troyanskoy voyne [History and Myth in the Tradition of the Trojan War] // *Shliman — Peterburg — Troya*. Nauchnyy katalog vystavki. SPb.: GE, 1998v. S. 94–119.

Andreev Yu. V. Russkiy chelovek mezhdru Khristom i Dionisom. Vyacheslav Ivanov kak issledovatel' i istolkovatel' grecheskoy religii [Russian man between Christ and Dionysus. Vyacheslav Ivanov as a researcher and interpreter of the Greek religion] // *Kul'turnoe nasledie Rossiyskogo gosudarstva*. SPb., 1998. S. 119–126.

Andreev Yu. V. Chelovek i bozhestvo v kikladskom iskusstve epokhi ranney bronzy [Man and Deity in Cycladic Art of the Early Bronze Age] // *Chelovek i obshchestvo v antichnom mire*. M.: Nauka, 1998d. S. 269–278.

Andreev Yu. V. Rets. na: E. L. Laevskaya. Mir megalitov i mir keramiki. Dve khudozhestvennye traditsii v iskusstve doantichnoy Evropy. [Review of: E. L. Laevskaya. The world of megaliths and the world of ceramics. Two artistic traditions in the art of pre-antique Europe] *Bibleysko-bogoslovskiy institut Sv. Apostola Andreyana*. M., 1997 // *VDI*. 1998e. № 3. S. 217–222.

Andreev Yu. V. Minoyskie bozhestva smerti na tsilindricheskoy pechati iz Astrakusa [Minoan death deities on a cylinder seal from Astracus] // *ΣΥΣΣΙΤΙΑ*. Sbornik statey pamyati Yuriya Viktorovicha Andreeva / red. V. Yu. Zuev. SPb.: Aleteyya, 2000. S. 436–445.

Andreev Yu. V. Ot Evrazii k Evrope. [From Eurasia to Europe] SPb.: Aleteyya, 2002. 862 s.

Andreev Yu. V. V ozhidanii «grecheskogo chuda». [Waiting for the "Greek miracle"] SPb.: Nestor-Istoriya, 2010. 776 s.

Andreev Yu. V. Doriyskoe zavoevanie: Istoricheskaya problema v svete arkheologii. [The Dorian Conquest: A Historical Problem in the Light of Archeology] SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. 222 s.

Berdyaev N. A. Osnovy religioznoy filosofii [Fundamentals of Religious Philosophy] // *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya*. 2007. № 192. S. 169–194.

Vysheslavtsev B. P. [Rets. na knigu:] S. Frank. Dukhovnye osnovy obshchestva. Vvedenie v sotsial'nuyu filosofiyu. [Review of: S. Frank. Spiritual foundations of society. Introduction to Social Philosophy] Paris: UMSA Press. 1930 // *Put'*. 1930. № 20. S. 106–111.

Zaytsev A. I. Yuriy Viktorovich Andreev. Nauchnoe nasledie [Yuri Viktorovich Andreev. Scientific legacy] // *ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Pamyati Yuriya Viktorovicha Andreeva / otv. red. V. Yu. Zuev*. SPb., 2000. S. 16–22.

Ivanov V. I. Dionis i pradionisiystvo. [Dionysus and Pradonisianism] SPb.: Aleteyya, 1994. 343 s.

Men' A. Istoriya religii: V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni: v 7 t. T. 2: Magizm i Edinobozhie: Religioznyy put' chelovechestva do epokhi velikikh Uchiteley. [Magism and Monotheism: The Religious Path of Humanity to the Age of Great Teachers] M.: SP «Slovo», 1991. 462 s.

Men' A. V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni. Chast' 4. Dionis, Logos, Sud'ba. Grecheskaya religiya i filosofiya ot epokhi kolonizatsii do Aleksandra. [Dionysus, Logos, Destiny. Greek Religion and Philosophy from the Age of Colonization to Alexander] M.: Fond imeni A. Menya, 2002. 396 s.

Nikonenko S. V. Filosofskie iskaniya istorika antichnosti: Yu. V. Andreev o filosofii i filosofakh [Philosophical searches of the historian of antiquity: Yu. V. Andreev about philosophy and philosophers] // *Novyy Germes*. 2017. № 9. S. 22–44.

Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1863 god. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1863] SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1864. 228 s.

Svetlov E. [Men' A.] Magizm i edinobozhie. Religioznyy put' chelovechestva do epokhi velikikh Uchiteley. [Magism and monotheism. The Religious Path of Mankind to the Age of Great Teachers] (V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni. Chast' II.). Bryussel': 'Zhizn' s Bogom', 1971. 669 s.

Solov'ev V. S. Mifologicheskii protsess v drevnem yazychestve [Mythological process in ancient paganism] // *Solov'ev V. S. Sobr. soch.: v 10 t. 2-e izd.* SPb., 1911. T. I. S. 1–26.

Solov'ev V. S. Velikiy spor i khristianskaya politika. [The Great Controversy and Christian Politics] Glava: Vostok i Zapad v drevnem mire // *Istoricheskoe mesto khristianstva / Solov'ev V. S. Sobr. soch.* Bryussel', 1966a. T. 4. S. 20–30.

Solov'ev B. C. Pervobytnoe yazychestvo, ego zhivye i mertvye ostatki [Primitive paganism, its living and dead remnants] // *Solov'ev V. S. Sobr. soch.* Bryussel', 1966b. T. 6. S. 176–231.

Shaub I. Yu. O sinkretizme Apollona i Dionisa na Bospore v IV v. do n. e. [On the syncretism of Apollo and Dionysus in the Bosphorus in the 4th cent. BC] // *Tezisy dokladov konferentsii «Problemy issledovaniya antichnykh gorodov»*. M., 1989. S. 128–129.

Shaub I. Yu. Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n. e. [Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region of the 7th–4th cent. BC] SPb., 2007. 484 s.

Shaub I. Yu. Ellinskie traditsii i varvarskie vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI–IV vv. do n. e.). [Hellenic traditions and barbarian influences in the religious life of the Greek colonies of the Northern Black Sea region (VI–IV centuries BC)] Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.

Shaub I. Yu. «Ot Evrazii k Evrope» Yu. V. Andreeva i nekotorye problemy religii minoyskogo Krita [“From Eurasia to Europe” by Yu. V. An-

dreev and some problems of the religion of Minoan Crete] // *Fiditiya: Pamyati Yuriya Viktorovicha Andreeva*. SPb., 2013. S. 27–33.

Shaub I. Yu. O nauchnom tvorchestve Yu. V. Andreeva (libri postumi) [On the scientific work of Yu. V. Andreev (libri postumi)] // *Novyy Germes*. 2017. № 9. S. 5–21.

Shirokova N. S. Yu. V. Andreev. Ot Evrazii k Evrope. Krit i Egeyskiy mir v epokhu bronzy i rannego zheleza (III — nachala I tys. do n. e.). [From Eurasia to Europe. Crete and the Aegean world in the Bronze and Early Iron Age (III - early I millennium BC)] SPb.: Dm. Bulanin, 2002 // *Arkheologicheskie vesti*. 2004. № 11. S. 341–350.

Andreyev Y. V. From Eurasia to Europe: Crete and the Aegean World in the Bronze and Early Iron Ages (3rd — early 1st millennia BC) / transl. by J. J. van Damme. Louvain, 2013 (Monographs on Antiquity. Vol. 6).

Evans A. ‘The Ring of Nestor’: A Glimpse into the Minoan After-World and A Sepulchral Treasure of Gold Signet-Rings and Bead-Seals from Thisbê, Boeotia // *Journal of Hellenic Studies*. 1925. Vol. 45. No. 1. P. 1–75.

Marinatos N., Jackson B. Pseudo-Minoan Nestor Ring and its Egyptian Iconography // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 17–27.

Sakellarakis J. A. Ueber die Echtheit des sogenannten Nestorrings. In *Proceedings of the Third retological Congress*, vol. A. Athens and Rethymno: Dimos Rethymnis, 1973. P. 303–318.

Хурритская Šauška: структура и этимология теонима

И. М. Булатбиев

Аналог вавилоно-ассирийской Иштар (*Ištar*) и шумерской Инанны (*Inanna*) [14, с. 241, 259] в хурритской мифологии известен под именем *Šauška* // *Ša(w)uška* [37, р. 220; 14, с. 601]: *Šauška* = *Inanna* = *Ištar* [16, с. 303]. Имя Шавушки (*Šauška*) — самой деятельной и популярной в хурритской религии богини — засвидетельствовано еще в третьем тысячелетии до н. э. [5, с. 21], а ее образ, «по мнению многих ученых, лег в основу греческой легенды об амазонках» [9, с. 18]. Вместе с богом грозы Тешубом Шавушка занимала главенствующее положение в пантеоне восточных хурритов, тогда как у западных хурритов эту позицию занимала богиня Хебат [26].

Хурритская Шавушка имеет противоречивую характеристику. Она ассоциировалась с плотской любовью, войной и магией, а также являлась олицетворением утренней звезды (планеты Венера). Считалось, что она способна изменять гендерную идентичность человека, и ей также приписывали обеспечение успеха или неудачи браков [26; 32, р. 103]. В скальном святилище Язилика она изображена дважды — один раз среди богинь, а также в облачении воина в процессии мужских божеств [26; 32, р. 103], т. е. Шавушка имела как женское, так и мужское воплощение. В хуррито-хеттской билингве гендерные атрибуты Шавушки так и обозначены — *aštašhi* и *taḥašhi* ('женственность' и 'мужественность')¹ [36, р. 61]. Однако, как отмечают исследо-

ватели, Шавушка всегда являлась женским божеством, которое «иногда одевается как мужчина, чтобы вести себя как мужчина, и носит оружие» [43, р. 101]. Действия Шавушки также выражаются противоречиями: «...она способна превратить мужчину в женщину, лишив его всякой мужественности, а также сделать женщину бесплодной и разрушить гармонию пары по своему желанию»; с другой стороны, она «способна подарить паре любовь мужа и жены» [43, р. 101].

В вопросе этимологического толкования теонима *Šauška* среди специалистов нет единого мнения. Ряд ученых (Вяч. В. Иванов, М. Л. Хачикян, Э. Ларош) придерживаются мнения об однокоренном происхождении имени *Šauška* с хурритским значением *šauri* — 'оружие' [9, с. 303; 14, с. 601; 35, р. 119]. Иная точка зрения по этому вопросу представлена в работе немецкого востоковеда И. Вегнер, которая трактует имя хурритской богини в значении 'Великая', сближая его с хурритским прилагательным *šavoši* 'большой'. Обоснованием для такого сближения Вегнер рассматривает перевод хеттского (из хуррито-хеттской двуязычной надписи из Богазкёя) эпитета Шавушки *šalli* — 'великая' [45, р. 117]. Мнения Вегнер также придерживается ряд известных ученых [43, р. 99–103; 32, р. 103–106], в числе которых французский хурритолог А. Фурне, считающий ее толкование имени Шавушки «вполне приемлемой этимологией» [31, р. 44]. Таким образом, с опорой на трактовку Вегнер хурритского теонима принято считать, что первоначально хурриты называли эту свою богиню просто «Великой» и впоследствии такое название — *Šauška* — якобы стало ее именем [29, р. 758].

В свете предложенного Вегнер сближения теонима *Šauška* с хурритским прилагательным *šavoši* (с корневой основой < **saw-* 'наполниться, сделать полным') [45, р. 118], на первый взгляд, кажется допустимым сопоставление последнего с чеченским *sowša* (< **sausa*ⁿ [3, с. 541–542]) 'надуться, сделаться большим'. Однако такое сближение для этимологической расшифровки имени *Šauška* является бесполезным, хотя само лексическое сопоставление (ср. хурр. *šavoši* 'большой' = чеч. *sowša* 'сделаться большим') вне контекста рассматриваемого вопроса нам представляется вполне допустимым.

Для выявления этимологии имени *Šauška* // *Ša(w)uška* в первую очередь необходимо определить структуру данного те-

¹ Ср. хурр. *aštašhi* (от < *ašti* 'женщина, жена') с чеч. *stešha* 'трус' (от < *stie* 'женщина'), а также хурр. *taḥašhi* (от < *taḥ* 'мужчина, самец', восходящее

к ПБК < **dVq*'V (< **deq*'-en) 'козел' [8, с. 175]) с бацб. *ṭaḥ* 'кабан' [23, т. 1, с. 304].

онима. В этой связи следует отметить его морфологическое членение, произведенное И. Вегнер. Проанализировав самые древние зафиксированные формы имени хурритской богини («šauša, ša-u-ša, ša-uša, ša-u-uš-a-an»), Вегнер пришла к закономерному выводу и выделила в них корневую основу *šauš-a и суффикс уменьшительного и ласкательного значения /-k/ [45, p. 118–119]. При этом отметим, что в хурритской графике написание уменьшительного суффикса /-k/ чередуется с его фонетическим вариантом /-g/: ср. Ša-uš-ga/ka, Ša-wu-uš-ga² [37, p. 220; 20, c. 64; 5, c. 24, прим. 3]. Иными словами, теоним Šauška является соединением хурритской корневой основы *šauš- и уменьшительно-ласкательного суффикса /-k/. Следует также подчеркнуть, что форма теонима Ša(w)uška, судя по всему, является вторичным вариантом имени этого божества (что исследователями отмечалось и ранее [25, p. 1]), фонетическое преобразование которого представляется следующим образом: *šauš-a > Šauša+ka > Šauška > Ša(w)uška. Очевидно, инлаутное /w/ в форме Ša(w)uška является результатом преобразования дифтонга < /au/.

Однако, при всей безупречности морфологического разбора данного теонима, сделанного И. Вегнер, трудно согласиться с ее трактовкой, что имя Šauška означает ‘чрезвычайно великое (божество)’ [45, p. 118–119]. Одно только фонетическое созвучие основы теонима с хурритским прилагательным šavoši (‘великий’), где последнее лишь семантически соотносимо с хеттской лексемой šalli (‘большой’), вряд ли можно считать надежным обоснованием для подобной интерпретации имени Šauška. И это при том, что отсутствуют какие-либо другие лексические типологии, подкрепляющие обоснованность такого вывода. Иными словами, оба вышеуказанных варианта толкований рассматриваемого хурритского теонима — 1) Šauška = šauri ‘оружие’ и 2) Šauška = šavoši ‘большая (великая)’, по нашему мнению, не имеют достаточной обоснованности.

В контексте рассматриваемого вопроса наиболее интересной нам представляется попытка этимологизации данного хурритского теонима, предпринятая М. Царевой. Надо сказать, что Царева максимально приблизилась к решению этой проблемы.

² Относительно мнения Тремуи, которая считает неправильным чтение формы имени Šaušga, в отличие от Šawuška и Šauška» [43, p. 100], следует отметить, что форма Šaušga отличается лишь звонкой (фонетической) формой уменьшительного суффикса /-g/.

Однако ее вольное отношение к этимологическому толкованию как таковому (не соответствующее принятой в классическом сравнительно-историческом языкознании методике), а также произвольный (в некоторых случаях) подбор лексических сближений к хурритскому теониму, увели ее в сторону от правильного результата в решении этой проблемы³. Верно подобрав лексическое значение для сравнения с теонимом Šauška, Царева, к сожалению, сделала несколько ошибочных сопоставлений, фактически заменив этимологическую основу сближаемого нахчийского слова *сиесаг* (‘женщина’) на другую лексему. То есть Царева подобрала соответствующее сближение к хурритскому теониму, но неверно его истолковала.

Исходя из «деяний и атрибутов» героя нартского эпоса чеченцев и ингушей Сеска Солсы⁴, «обнаруживающих параллели с древним хурритским миром», Царева делает заключение, что отец Сеска Солсы (Сеска) «является реминисценцией» хурритской Шавушки⁵ [21, с. 30]. В этой связи исследовательница приводит толкование имени нарта Сеска Солсы А. О. Мальсаговым, согласно которому оно означает ‘Солса сын Сеска’ (т. е. Сиесага Солса), где слово *Сиесаг* означает ‘женщина’ [12, с. 49, 67]. Казалось бы, налицо оптимальное фонетическое соответствие хурритского теонима Šauška нахчийскому *siesag* ‘женщина’. Однако Царева в своей трактовке пошла дальше и выдвину-

³ Царева приписывает Шавушке отсутствующие у этого божества сущностные характеристики. К примеру, Шавушка (вместе с семитской Иштар) у нее представлена как «омолог угаритской богини солнца Шапаш» [21, с. 18] или же как «богиня солнца восточных хурритов» [21, с. 30], тогда как ни тем, ни другим по своей сути Шавушка не являлась. По крайней мере, никому из известных исследователей этого культа (И. М. Дьяконов, Вяч. Вс. Иванов, М. Л. Хачикян, К. Вильке, Е. Laroche, G. Beckman, М. С. Trémouille, I. Wegner и др.) ничего подобного о сущности и функциональных характеристиках Шавушки не известно.

⁴ В своей работе Царева использует форму имени нартского героя *Соска Солса*, которую А. О. Мальсагов, считает искаженной формой имени *Сеска Солса* — «отвечающей нормам вайнахского языка» [12, с. 18, 47 прим. 1].

⁵ Вместе с тем отец титана (Сеска), по мнению Царевой, в качестве уже «античного бога Соска / Сос в ингушской и адыгской мифологии, трансформировался в юношу-пастуха», которого, в свою очередь, исследовательница представляет как «реминисценцию Небесного Пастуха, Пастора-солнце» [21, с. 31]. Как уже было выше отмечено, подобного рода генеалогия Шавушки ни у кого из исследователей культа этого божества нигде не представлена.

ла другую, собственную, схему этимологического толкования имени *Сеска* (т. е. *Сиесаг*), заключив, что «*корни полубожества Сеска Солсы гораздо древнее современного слова 'сиесаг' ('женщина')*», которое она интерпретирует как соединение *сте+саг* 'женщина+человек' (т. е. *сиесаг* = *сте+саг*), возводя его первую часть (*сте-*) к хурритскому *ašti* 'женщина' [21, с. 30]. Таким образом, этимологическая схема сопоставления Царевой получается следующей: нахч. *Сеска* (< *сиесаг* < *сте+саг*) = хурр. < *ašti* = *Šauška*. То есть лексически оптимальное соответствие *Šauška* = *siesag* Царевой фактически меняет на *Šauška* = *ašti*, что в корне неверно. Впрочем, это не отменяет оригинальность ее первоначального сближения.

Дело в том, что трактовка нахчийского слова *сиесаг* 'женщина' как «*сиесаг* = *сте+саг*», относится к разряду народной этимологии. При этом хурритское *ašti* 'женщина, жена'⁶, этимологически никак не связано ни с нахчийским *сиесаг* 'женщина, жена', ни тем более с теонимом *Šauška*. На самом деле, нахчийское *сиесаг* 'жена, невестушка, зазноба, лада' является соединением корневой основы **сас-* 'молодая женщина, молодница, красная девица' и уменьшительного суффикса /*иг*/, фонетическое развитие которого — *сасиг* > *сесиг* > *сиесаг* [3, с. 535]. С существенным фонетическим изменением данное слово представлено также и в бацбийском — *зузақ* 'девочка' [23, с. 152].

Как можно заметить, хурритское *Šauška* фонетически четко соответствует нахчийскому **сасиг* (> *сиесаг*) и имеет аналогичную морфологическую конструкцию: ср. хурр. **Šauš-ka/* — нахч. **сас-/иг/*. А с учетом того, что хурритское графическое /š/ читалось как /s/ [7, с. 129], имя *Šauška*, надо полагать, произносилось как *Sauska* (*Сауска*). Таким образом, морфологический анализ теонима *Sauska* и его лексическое соответствие нахчийскому значению **сасиг* (> *сиесаг*) дают основание полагать, что этимология имени хурритской богини должна означать *Шавушка* = 'женщина, дева': ср. хурр. *Sauska* = нахч. **сасиг*. В качестве обоснования для такого толкования следует привлечь аналогичные названия-эпитеты дев-богинь, имеющие с Шавушкой схожие сущностные или функциональные характеристики.

⁶ Хурритское *ašti* 'женщина, жена' (с реконструкцией правосточно-кавказского < *čVdV*) сопоставляется с чеч. *ste*, инг. *se* 'самка' [8, с. 181]. При этом ингушское *se* является диалектной формой редукции нахчийского < *ste*. Соответственно, ингушское *se* лексически также никак не связано со словом 'сиесаг'.

В первую очередь в данном случае следует указать на ипостась Шавушки — Вавилонскую богиню *Siduri*⁷, имя которой означает «*Дева*» [10, с. 84; 27, р. 164]. В поздневавилонской версии эпоса о Гильгамеше в отношении Сидури также применяется и эпитет «*жена*» [38, р. 152]. Теоним *Siduri* — это хурритское слово *siduri* 'девушка', состоящее из корня **sid-* и суффикса /-*uri*/ (ср. хурр. *sid-u/ori*), соответствует чеченскому *zuda* 'женщина, жена' [9, с. 176]. Ср. также чеч. *zuda-ber* 'девушка' (буквально 'женщина/самка-ребенок').

Следующий пример из нашего типологического ряда, это хурритская по происхождению дева-богиня Шала (т. е. *Sala*, графически — *Šala*) — еще одна ипостась Шавушки⁸ [30, р. 87]. Как и в предыдущем случае, имя богини *Sala* (*Šala*) означает 'девушка, девица, женщина' [28, р. 319; 33, р. 213]: ср. хурр. *šali* 'дочь'⁹ [8, с. 183].

По мнению Э. Барроуза, хурритские племена под влиянием вавилонской астрологии назвали созвездие именем *Šala*¹⁰, которое греки заимствовали как *Virgo* – 'Дева' [28, р. 318–319]. Вряд ли можно сомневаться, что схожая с Астартой финикийская *Шеол* (*Šeol* — она же *Шувала*¹¹) является когнатом хурритской Шалы.

⁷ В хурритской графике имя этой богини пишется *Siduri* [27, р. 164].

⁸ Примечательно, что атрибуты Шавушки ('женственность' и 'мужественность') приводятся в описании ритуала богини Шалы [36, р. 58].

⁹ Хурритское *šali*, помимо значения 'дочь', скорее всего, имело также и значение 'девушка', по типу чеч. *йои* 'дочь, девушка'. И. Дьяконов и С. Старостин сопоставляют хурр. *šali* с чеч. *d-eca* 'тетя' [8, с. 183]. Однако более подходящим соответствием представляется чеч. корневая основа **sal-*, представленная в чеч. *salg* (*salh*) 'эмбрион, клетка, сперматозоид' [2, с. 325, 327, 426], *silam* 'росток', *sallar* 'кукла (кокон) шелкопряда'. Сюда же, возможно, и *çilla* 'щенок' (?), с семантическим развитием 'щенок — дитя — детеныш — маленький' [3, с. 666]. Ср. также первую часть чеч. ласкательного идиоматического (используемого в отношении девочек) выражения *заьл-бика*, приблизительное значение которого 'ненаглядная девица + бика'.

¹⁰ Имеет ли отношение к хурритской *Шале* (хеттское название которой *Šalas* [27, р. 273]) романо-кельтская *Sulis* [34, р. 295] — хтоническая богиня подземного мира, тесно связанная с римской Минервой?

¹¹ По мнению Э. Липински, еврейская традиция заимствовала имя и представление о Шувале как о богине преисподней у хурритов в Иерусалиме, «где по крайней мере с XIV по первую половину X века до н. э. правила хурритская династия» [39, р. 140]. «Шувала постепенно обезличивалась, и ее имя стало обозначением преисподней, для которой не существовало правильного семитского наименования, кроме 'земли', 'бескрайней земли',

Дело в том, что владычицей подземного мира богиня-дева **Шеол** стала только после того, как спустилась туда [22, с. 73]. И уже впоследствии, надо полагать, имя этой богини стало (?) обозначением царства мертвых **Šeol**¹². В этой связи обращает на себя внимание аналогичный пример перехода божества в загробный мир и последующей смены его имени. Так, богиня **Персефона** в греческой мифологии до того, как она была похищена Аидом и сделалась его женой (т. е. царицей подземного царства), носила имя **Кора (Кора)**, которое также означает «девушка, дева» [14, с. 291, 430; 6, с. 970].

Далее на очереди несколько эпитетов семитской Иштар, которые со временем трансформировались в самостоятельные божества. Одна из них — богиня **Анат (Anat)**, семит. ‘nt)¹³, представленная в западносемитской мифологии с эпитетом ‘девственница’ [24, с. 171]. «Будучи одновременно и богиней любви и плодородия, и богиней войны и охоты» [22, с. 73], Анат, как и Иштар, «воплощение женственности» и при этом «свирепая и кровожадная воительница, одетая как мужчина и опоясанная как женщина» [38, р. 6]. Ср.: **Anat** с семит. *ʔant-at- > (сир.-арам. ʔi(n)tāt-, манд.-арам. ant-) ‘женщина’¹⁴ [19, № 3100]. Схожесть функциональных обязанностей и фонетическое соответствие названий указывает на то, что семитская **Anat** стала прообра-

¹² ‘земли, из которой нет возврата’. Даже женский род этого слова иногда забывался, и в эллинистические времена этот термин переводился как *Аид*» [39, р. 141].

¹³ Приводимые А. Ю. Милитаревым семитские значения ‘пропасть, котловина, русло потока; яма пустоши’ как «наиболее вероятное этимологическое значение *Шеол*» [15, с. 258], возможно, было бы резоннее понимать как ассоциативное представление о подземном мире, а не как его этимологическое значение. По крайней мере, так позволяет думать пример перехода в подземный мир греческой *Коры* [14, с. 430]. В пользу именно такого понимания указывает и имя римского Орка (Orkus) — царя подземного царства, которое служило также и нарицательным обозначением загробного мира [14, с. 410].

¹⁴ Культ Анат проник в Египет вместе с культом Астарты (с которой она ассоциировалась) и Ваала в эпоху гиксосского владычества [18, с. 189].

¹⁵ Представляется, что из той же лексической основы образовано и имя богини **Анунит (Annunitum)** — аккадская богиня-воительница [38, р. 7], — в котором, на наш взгляд, усматривается соединение двух компонентов — **Anu+anit-** (?). По крайней мере такая семантика вполне соответствует образу Иштар: ср. (Anu)-**anit** с семит. *ʔant-at- > (сир.-арам. ʔi(n)tāt-) ‘женщина’ (?) [19, № 3100].

зом армянской богини плодородия и любви **Анаит** (или **Анахит**) [14, с. 46], она же — **Астхик** (‘звездочка’) — армянская богиня любви и красоты [14, с. 70], также ассоциируемая с Астартой (Иштар) [4, с. 11].

Имя богини-девы **Тиннит (Танит)** — в западносемитской мифологии одно из верховных божеств карфагенского пантеона, возникшей на основе представлений об Астарте [14, с. 528] — тоже соответствует означенному нами типологическому ряду имен божеств: ср. угарит. **tintt** (аккад. **teneštu**, араб. **ta'nit**) ‘женщина’ [44, р. 44]. На фоне приведенных сопоставлений, для сравнения также напрашивается имя богини из египетской мифологии **Asit** — аналог Астарты из списка иностранных божеств [42, р. 156]: ср. **Asit** с угарит. **ʔat** ‘женщина’, финик. **ʔšt** — то же значение [19, № 3100]. Наконец, бесспорным типологическим соответствием приведенному ряду теонимов-эпитетов является имя древнескандинавской богини любви и красоты **Фрейя** (как и однокоренное с ним имя ее сестры **Фригг**), этимологически родственное древнеанглийскому **frea** «госпожа», древнесаксонскому **frua**, среднеголландскому **vrouwe** «женщина, жена» и немецкому **frau** «женщина, жена» [41].

Культ такой значимой богини, как Шавушка, разумеется, не мог не оказать влияния на мировоззрение ее почитателей, которое проявлялось в антропонимике или в возникновении разного рода эпитетов для нее. В этой связи интерес представляет имя родоначальника царей Кавказской Албании **Сисак**, которое «удивительным образом совпадает с именем главного героя нахчийского нартского эпоса *Сеска Солсы*» [1, с. 300], в котором «отчество» нартского героя лексически соответствует имени хурритской богини: ср. **Sauska** — **Сеска** (< *Сескаг*) — **Сисак**. Схожий генезис наблюдается также и в урартском царском имени **Sarduri**, в основе которого лежит имя богини звезды **Sardi** (аналог Шавушки): ср. **Sardi** > **Sardi-uri** > **Sarduri** [13, с. 440]. Вероятно, по аналогичному принципу образовано и имя митаннийского царя Саусадаттар (**ša-uš-ša-da-at-ar**), в основе которого усматривается корень *šauša- — фонетически идентичный основе теонима ***Sauska** (*šauš-).

Другим отголоском почитания¹⁵ Шавушки, как отмечает академик Г. А. Капанцян, является значение армянского гла-

¹⁵ Опираясь на трактовку Вегнер [45, р. 118], любопытное сопоставление проводит армянский ученый А. Петросян. Лексическую основу эпитета одного из древнеармянских мифических патриархов Анушавана — **Sawsanuēr**

гола šošakel- (с основой *šošak-) ‘жеманиться, кривляться’ [11, с. 37]. А не отмеченное в словарях и не имеющее приемлемой армянской этимологии одно из армянских названий демона — šišaṭ (shishagh) [40, р. 519–520], — очевидно, следует признать когнатом Шавушки.

Доводы в пользу предложенной этимологии хурритского теонима подкреплены целым рядом типологических примеров. Таким образом, исходя из всего изложенного, по нашему мнению, есть твердое основание полагать, что этимология имени хурритской богини Šauška (Sauska) означает ‘женщина, дева’.

Использованная литература

- Бакаев Х. З. Чеченские этнонимы: древность и происхождение. Махачкала, 2021.
- Берсанов Р. У. Адаман анатоми («Анатомия человека» на чеч. яз.). Грозный, 2010.
- Вагапов А. Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси, 2011.
- Вардумян Г. Д. Дохристианские культы армян // Армянская этнография и фольклор. Ереван, 1991. С. 61–145.
- Вильке К. Ти’амат-башти и богиня Ша(в)уш(к)а ниневийская // Древний Восток. Ереван, 1988. № 5. С. 21–26.
- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М., 1958.
- Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Иванов Вяч. Вс. Луна, упавшая с неба. М., 1977.
- История древнего востока. Ч. 2. М., 1988.
- Капанцян Г. Хурритские слова армянского языка // Известия АН Армянской ССР, Общественные науки. Ереван, 1951. С. 25–50.
- Мальсагов А. О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.
- Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
- Мелетинский Е. М. Мифологический словарь. М., 1990.
- Милитарев А. Ю. Этимология и лексическая реконструкция для древней и древнейшей истории ближневосточно-североафриканско-средиземноморского ареала // Вопросы языкового родства. М., 2019. № 17/3–4. С. 246–262.
- Нозадзе Н. Лексика хурритского языка. Тбилиси, 2007.
- Петросян А. Отражение одного хурритского слова в армянском: теоним, дендроним, антропоним // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 100–109.
- Рак И. В. Мифы древнего Египта. СПб., 1993.
- Семитские этимологии // URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=o&basename=\data\semham\semet>.
- Хачикян М. Л. Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985.
- Цароева М. Г. Об ингушских полубожествах нартах // Кавказ: перекресток культур. СПб., 2015.
- Циркин Ю. Мифы Угарита и Финикии. М., 2003.
- Цоватушинско-грузинско-русско-английский словарь: в 4 т. Тбилиси, 2018.
- Шифман И. Ш. Угаритский эпос. М., 1993.
- Beckman G. Istar of Nineveh Reconsidered // Journal of Cuneiform Studies. 1998. Vol. 50. P. 1–10.
- Beckman G. Shawushka // The Encyclopedia of Ancient History / ed. by Roger S. Bagnall, Kai Brodersen, Craig B. Champion, Andrew Erskine, and Sabine R. Huebner. 2012.
- Black J. and Green A. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. London, 1992.
- Burrows E. Hurrian Šala(š) // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1927. N 2. P. 318–320.
- Dictionary of deities and demons in the Bible. Edited by Karel van der Toom, Bob Becking, Pieter W. van der Horst. 1999. – 2nd extensively revised edition.
- Diakonoff. I. M. Evidence on the Ethnic Division of the Hurrians // Studies on the civilization and culture of Nuzi and the Hurrians: in honor of E. R. Lacheman (Winona Lake, Indiana, 1981). P. 77–89.

(<*saws-) Петросян соотносит с корневой основой имени хурритской Шавушки (*Sausa-). Считая эпитет древнеармянского мифического персонажа Sawsanuēr отголоском хурритского теонима, Петросян трактует его в значении ‘Дар sawsa’ (Sawsa + nuēr), т. е. ‘Сын sawsa’ [17, с. 102–104], что в конечном итоге можно интерпретировать как ‘Сын Шавушки’.

31. Fournet A. About some features of Hurrian loanwords // *Aramazd*. 2011. Vol. VI. 1. P. 43-59.
32. Herbordt S. Šauška. B. Archäologisch // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. 2011. Vol. 12. P. 103-106.
33. Jastrow M. The religion of Babylonia and Assyria. BOSTON · NEW YORK · CHICAGO · LONDON, 1893.
34. Jordan M. Dictionary of gods and goddesses. – 2nd ed. 2004. New York.
35. Laroche E. Teššub, Hebat et leurcour // *Journal of Cuneiform Studies*. 1948. Vol. 2. N 2. P. 113-136.
36. Laroche E. Etudes de linguistique anatolienne III // *Revue hittite et asianique*. 1970. T. 28. P. 22-71.
37. Laroche E. Glossaire de la langue hourite. Paris, 1980.
38. Leick G. A Dictionary of Ancient Near Eastern Mythology. London – New York, 2003.
39. Lipinski E. Hurrians and Their Gods in Canaan // *Rocznik Orientalistyczny (Yearbook of Oriental Studies)*.| 2016. T. LXIX. Z. 1. P. 125-141.
40. Martirosyan H. K. Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. 2010. Leiden – Boston.
41. Online Etymology Dictionary // URL: <https://www.etymonline.com>.
42. The mythology of all races. London. 1818. Vol. 12.
43. Tremouille M. C. Šauška, Šawuška A. Philologisch // *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. 2011. Vol. 12.
44. Watson Wilfred G. E. Terms Related to the Family in Ugaritic // *Historiae*. 2013. N 10. P. 17-50.
45. Wegner I. Der Name der Ša(w)uška // *Studies on the civilization and culture of Nuzi and Hurrians*. Fredericksburg, Virginia, 1995. Vol. 7. P. 117-120.

References

1. Bakaev H. Z. Chechenskie etnonimy: drevnost i proishozhdenie. Mahachkala, 2021.
2. Bersanov R. U. Adaman anatomi (“Anatomiya cheloveka” in Chech. lang.). Groznyj, 2010.

3. Vagapov A. D. Etimologicheskij slovar chechenskogo yazyka. Tbilisi, 2011.
4. Vardumyan G. D. Dohristianskie kul'ty armyan // *Armyanskaya etnografiya i folklor*. Erevan, 1991. S. 61-145.
5. Vilke K. Ti'amat-bashti i boginya Sha(v)ush(k)a ninevijskaya // *Drevnij Vostok*. Erevan, 1988. № 5. S. 21-26.
6. Dvoreckij I. H. Drevnegrechesko-russkij slovar. T. 1. M., 1958.
7. Diakonoff I. M. Yazyki drevnej Perednej Azii. M., 1967.
8. Diakonoff I. M., Starostin S. A. Hurrito-urartskie i vostochnokavkazskie yazyki // *Drevnij Vostok: etnokulturnye svyazi*. M., 1988.
9. Ivanov Vyach. Vs. Luna upavshaya s neba. M., 1977.
10. Istoriya drevnego vostoka. Ch. 2. M., 1988.
11. Kapancyan G. Hurritskie slova armyanskogo yazyka // *Izvestiya AN Armyanskoj SSR, Obshestvennye nauki*. Erevan, 1951. S. 25-50.
12. Malsagov A. O. Nart-orsthojskij epos vajnahov. Groznyj, 1970.
13. Melikishvili G. A. Urartskie klinoobraznye nadpisi. M., 1960.
14. Meletinskij E. M. Mifologicheskij slovar. M., 1990.
15. Militarev A. Y. Etimologiya i leksicheskaya rekonstrukciya dlya drevnej i drevnejshej istorii blizhnevostochno-severnoafrikansko-sredizemnomorskogo areala // *Voprosy yazykovogo rodstva*, № 17/3-4. M., 2019. S. 246-262.
16. Nozadze N. Leksika hurritskogo yazyka. Tbilisi, 2007.
17. Petrosyan A. Otrazhenie odnogo hurritskogo slova v armyanskom: teonim, dendronim, antroponim // *Voprosy onomastiki* 2021. T. 18. N 3. S. 100-109.
18. Rak I. V. Mify drevnego Egipta. Spb., 1993.
19. Semitskie etimologii // URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\semham\semet>.
20. Hachikyan M. L. Hurritskij i urartskij yazyki. Erevan, 1985.
21. Caroeva M. G. Ob ingushskih polubozhestvah nartah // *Kavkaz: perekrestok kultur*. SPb., 2015.
22. Cirkin Yu. Mify Ugarita i Finikii. M., 2003.
23. Covatushinsko-gruzinskorussko-anglijskij slovar, v 4-h tomah. Tbilisi, 2018.
24. Shifman I. Sh. Ugaritskij epos. M., 1993.
25. Beckman G. Istar of Nineveh Reconsidered // *Journal of Cuneiform Studies*. Vol. 50. 1998. P. 1-10.

26. Beckman G. Shawushka // *The Encyclopedia of Ancient History*. Edited by Roger S. Bagnall, Kai Brodersen, Craige B. Champion, Andrew Erskine, and Sabine R. Huebner. 2012.
27. Black J. and Green A. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia*. London, 1992.
28. Burrows E. Hurrian Sala(s) // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1927. N 2. P. 318–320.
29. *Dictionary of deities and demons in the Bible*. Edited by Karel van der Toom Bob Becking Pieter W. van der Horst. 1999. – 2nd extensively revised edition.
30. Diakonoff I. M. Evidence on the Ethnic Division of the Hurrians // *Studies on the civilization and culture of Nuzi and the Hurrians: in honor of E. R. Lacheman (Winona Lake, Indiana, 1981)* P. 77–89.
31. Fournet A. About some features of Hurrian loanwords // *Aramazd*. 2011. Vol. VI. 1. P. 43–59.
32. Herbordt S. Sauska. B. *Archologisch // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archaologie*. 2011. Vol. 12. P. 103–106.
33. Jastrow M. *The religion of Babilonia and Assiria*. Leipzig, 1893.
34. Jordan M. *Dictionary of gods and goddesses*. – 2nd ed. 2004. New York.
35. Laroche E. Tessub, Hebat et leurcour // *Journal of Cuneiform Studies*. 1948. Vol. 2. N 2. P. 113–136.
36. Laroche E. *Etudes de linguistique anatolienne III // Revue hittite et asianique*. 1970. T. 28. P. 22–71.
37. Laroche E. *Glossaire de la langue hourite*. Paris, 1980.
38. Leick G. *A Dictionary of Ancient Near Eastern Mythology*. London – New York, 2003.
39. Lipinski E. Hurrians and Their Gods in Canaan // *Rocznik Orientalistyczny (Yearbook of Oriental Studies)*.| 2016. T. LXIX. Z. 1. P. 125–141.
40. Martirosyan H. K. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. 2010. Leiden – Boston.
41. *Online Etymology Dictionary* // URL: <https://www.etymonline.com>.
42. *The mythology of all races*. London, 1818. Vol. 12.
43. Tremouille M. C. Sauska, Sawuska A. *Philologisch // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archaologie*. 2011. Vol. 12.
44. Watson Wilfred G. E. Terms Related to the Family in Ugaritic // *Historiae*. 2013. N 10. P. 17–50.
45. Wegner I. *Der Name der Sa(w)uska // Studies on the civilization and culture of Nuzi and Hurrians*. 1995. Vol. 7. Fredericksburg, Virginia. P. 117–120.

К вопросу о времени чеканки уникальной серебряной монеты типа «голова Аполлона — голова быка»

А. П. Бехтер, А. Е. Терещенко

Информация о серебряной монетке типа «голова Аполлона вправо / голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо, по контуру надпись П-А-N» (табл. I, 1)¹ впервые была опубликована в отечественной нумизматической литературе В. А. Анохиным². Данный экземпляр, хранящийся в коллекции французской Национальной библиотеки, весит 1,30 г, что дало возможность В. А. Анохину определить его номинал как диобол. Взяв за основу реверсный сюжет, автор включил эту монетку в группу, имеющую аналогичный рисунок на оборотной стороне, датировав ее 294–284 гг. до н. э.³, впоследствии он сдвинул эти рамки на один год: 293–283 гг. до н. э.⁴ О. Н. Мельников отнес ее к 309–306 гг. до н. э.⁵, а А. Е. Терещенко – ко второй половине 30-х гг. IV в. до н. э.⁶ Однако в 2020 г.

В. Л. Строкиным было высказано мнение, что указанный экземпляр «безусловно» принадлежит II в. до н. э. и чеканился, скорее всего, совместно с монетами типа «голова Аполлона / протома грифона»⁷.

Монеты, упомянутые исследователем, выглядят следующим образом: **Av.** Голова Аполлона в венке вправо. **Rv.** Протома орлиноголового грифона с вытянутыми лапами влево, под ним колос влево, сверху надпись треугольником П-А-N (табл. I, 2). Номинал определяется как драхма или пентобол. Датируются 250–200 гг. до н. э.⁸, последней третью III в. до н. э.⁹, 215–210 гг. до н. э.¹⁰, 175–165 гг. до н. э.¹¹

На первый взгляд, версия, выдвинутая В. Л. Строкиным, вполне жизнеспособна. Ведь действительно, невзирая на полное сходство реверсного сюжета данной монетки и монет последней трети IV в. до н. э. (ср. табл. I, 1 и 10–12), ее аверсный рисунок – голова Аполлона – плохо согласуется с пантикапейской типологией этого периода, в то время как конец III и II вв. до н. э. – период практически безраздельного доминирования этого божества в монетном деле Пантикапея. Кроме того, пентоболы «голова Аполлона / протома грифона», исходя из характера их реверсного рисунка, можно отнести к группе, в которую входят драхмы «голова Аполлона / орел» (ср. табл. I, 3) и триоболы «голова Аполлона / голова льва в фас, в пасти стрела» (ср. табл. I, 4). Как можно видеть, в сюжетах этой группы серебра наблюдается определенный «ренессанс» пантикапейской типологии IV в. до н. э. Впрочем, все это наши дополнения, поскольку сам В. Л. Строкин в своей датировке основывается исключительно на весовой характеристике экземпляра «голова Аполлона / голова быка».

Исходя из того обстоятельства, что в IV в. до н. э. финансовая система Боспора была переведена с шестеричного деления статера на четверичную, принятую во всем греческом мире¹²,

⁷ Строкин В. Л. Нумизматика Боспора во второй половине IV в. до н. э. // ДБ. 2020. Т. 25. С. 344, прим. 27.

⁸ Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 245. Табл. XLI, № 18.

⁹ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: АН СССР, 1956. С. 218, № 79. Табл. VII, 79.

¹⁰ Мельников О. Н. Серебряный статер Гигиэнонта в монетном деле и в нумизматике Боспора // Стародавние Причерноморья. XII. 2018. С. 343, № 4.

¹¹ Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. С. 154, № 1067.

¹² Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. С. 115.

¹ Фотографии боспорских монет взяты из интернет-ресурса «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив». URL: <https://bosporan-kingdom.com> (10.06.2022).

² Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. С. 141, № 123. Табл. 3, 123.

³ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 141, № 120–126.

⁴ Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: ИД «Стилос», 2011. С. 152, № 1036.

⁵ Мельников О. Н. К публикации крупнейшей серебряной монеты античного Причерноморья // Stratum plus. 6. 2003. С. 155, № 5.

⁶ Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 2. С. 121.

В. Л. Строкин совершенно справедливо полагает, что такого номинала, как диобол в пантикапейской чеканке этого периода, просто не могло быть¹³. Отсюда, соответственно, и происходит его датирование монетки «голова Аполлона / голова быка» более поздним временем.

Мы, в свою очередь, полагаем выводы В. Л. Строкина не вполне корректными. Прежде всего, необходимо учесть, что рассматриваемый монетный тип известен пока лишь в единственном экземпляре, причем не самой лучшей сохранности, что, естественно, сказалось на уменьшении его веса. Из информации, представленной на сайте «Монеты Боспора. Каталог-архив», явствует, что некоторые монеты в ходе обращения и пребывания в земле могли весьма значительно потерять в весе, не получив явных механических повреждений¹⁴.

Кроме того, есть еще одна довольно показательная деталь, которая заставляет усомниться в выводах уважаемого коллеги, – характер изображения литеры «пи» в монетной легенде. На рассматриваемом экземпляре пи рисуется единым росчерком, что называется, «не отрывая руки» и с укороченной правой гастой, что присуще монетному делу Пантикапея второй половины V – начала III в. до н. э. (табл. I, 5–13). На монетах же конца III в. до н. э., к которым причисляет нашу монетку В. Л. Строкин, эта литера изображалась с одинаковыми по длине вертикальными гастами, зато верхняя – горизонтальная – имеет большую длину, выходя за границы, образованные нижними линиями (табл. I, 2–4, 14–16).

Необходимо отметить, что при обилии возможностей, которые современная наука предоставляет для изучения монетного материала, ведущим способом датировки остается иконография, подкрепленная исследованием технических характеристик и данными спектрального анализа. Палеографическая же составляющая остается практически выведенной за пределы анализа нумизматического материала.

Прежде всего, примем во внимание, что текст на монетном штемпеле, изготовленном из более твердых металлов, чем, собственно, монетное сырье, именно вырезался, т. е. техника ис-

полнения может быть сопоставлена с лапидарной. Кроме того, монетное дело должно было строго контролироваться государством, поэтому палеография монетных легенд неизбежно должна следовать основной линии развития лапидарного письма. Безусловно, в отношении нумизматики возможности палеографии достаточно ограничены в силу краткости надписей на монетах, дающих очень ограниченный материал для анализа; следует также учитывать значительно меньший размер литер на монетном штемпеле и специфику эпиграфического поля, представляющего собой окружность. Тем не менее, даже при всех указанных ограничениях, привлечение палеографии для уточнения монетных датировок представляется достаточно перспективным.

В случае с пантикапейскими монетами IV–III в. до н. э., легенда которых представляет собой аббревиатуру PAN или PANT (PANTI), главным индикатором становится форма пи. В памятниках лапидарной эпиграфики на протяжении всего IV в. до н. э. пи имеет одинаковую форму: правая гаста сильно укорочена, при этом буква выглядит выполненной одной линией. В надписях рубежа V–IV в. декоративные элементы, как правило, отсутствуют (табл. III, 1–1a). В датированных текстах эпохи Левкона I и Перисада I пи обычно декорирована: от точек пересечения вертикальных линий и горизонтальной отходят короткие штришки (табл. III, 2–2a). Эти добавочные штришки, часто отходящие не прямо, а в сторону, не образуют новую линию в составе буквы, а представляют собой, по сути дела, дополнительные апексы. Подобную форму пи находим и в начале III в. до н. э. в посвящениях, сделанных в правление Спартока, сына Евмела: КБН 18 и КБН 974 (табл. III, 3). Новая, трехчастная, форма пи, горизонталь которой представляет собой отдельную линию, выступающую в обе стороны за пределы, ограниченные вертикалями, впервые появляется в надписях Перисада II (284/3 – ок. 245 г. до н. э.): КБН 20, 21, 23, 25, 1036 (табл. III, 4), после чего новая форма пи с удлиненной горизонтальной гастой становится доминирующей, полностью вытесняя старую.

Из недатированных лапидарных памятников, содержащих пи новой формы, древнейшим, судя по всему, является надгробие Нумения, сына Спарофота: КБН 247. Судя по декору стелы, формуляру эпитафии (отсутствие поминального слова) и особенностям палеографии, памятник должен быть отнесен к началу III в. до н. э., возможно, к самому концу IV в. до н. э. (табл. III, 5). Таким образом, в лапидарном письме трехчастная пи является не ранее конца IV в. до н. э., при этом параллельно про-

¹³ Этот и другие тезисы были высказаны В. Л. Строкиным в переписке с одним из авторов статьи.

¹⁴ Например, триобол типа «голова бородатого сатира в ¾ влево / лев, терзающий лань, PANTI», не будучи обломан, имеет вес 1,24 г (см.: 098–2033–12, bosporan-kingdom.com) при среднем весе в 2,50–2,60 г.

должает использоваться более архаичный тип буквы. Сложнее вопрос с длиной правой гасты. В лапидарных текстах IV в. до н. э. и во всех известных на сегодняшний день подобных памятниках III–II вв. до н. э. *ni* всегда имеет укороченную правую вертикаль, степень длины может варьироваться. Первый образец *ni* с равновеликими гастами засвидетельствован в эпитафии Гипсикратии, относящейся, видимо, к самому концу царствования и самого жизненного пути Митридата Евпатора, 63 г. до н. э.¹⁵ В дальнейшем, вплоть до конца I в. н. э., в этом отношении наблюдаются вариации: *ni* то имеет равновеликие вертикали, то укороченную правую. Скудость данных для II в. до н. э. не позволяет сделать однозначные выводы о том, могла ли эта форма бытовать наряду с традиционной для IV–III вв. до н. э. *ni* с укороченной правой гастой.

Попробуем теперь рассмотреть развитие формы *ni* в нумизматических легендах и определить, насколько она соответствует закономерностям, прослеживаемым на лапидарном материале. Если говорить о длине гаст, то нельзя не отметить, что первые образцы *ni* с равновеликими вертикалями появляются с конца первой четверти IV в. до н. э. (табл. I, 17–22; табл. II, 1–9). Думается, что причины этого явления имеют техническую подоплеку: в столь мелком масштабе выдержать соотношение длины вертикалей было достаточно сложно, к тому же нередко надпись располагалась не по прямой линии, а по окружности. В этом отношении очень интересны экземпляры, где *ni* имеет укороченную левую гасту, так как буква расположена на линии обреза монеты (табл. II, 1, 4). При этом на основной массе монет *ni* изображалась именно с укороченной правой гастой (табл. I, 18a–22a; табл. II, 1a–9a). Подобное «архаичное» начертание этой буквы иногда попадает и в чеканке II в. до н. э., что позволяет предполагать параллельное использование двух типов литеры и в лапидарной эпиграфике. Видимо, многое зависело от уровня мастерства и пристрастий самого резчика.

Что касается формы буквы, то в древнейших монетных сериях *ni* выполнена одной линией, прямые не снабжены какими-либо дополнительными украшениями (табл. I, 5–7; табл. II, 1a), тогда как в более поздних вариантах на концах гаст (табл. I, 8–9; табл. II, 3a, 5) или на концах гаст и в точках их пересечения отчетливо видны утолщения (табл. I, 10–12, 19, 19a, 20, 22; табл. II, 2–4, 6–9).

Природу этого декора в лапидарных надписях помогает понять как раз начертание *ni* на монете: утолщения прямых в месте пересечения аналогичны утолщениям на концах линий, т. е. представляют собой один и тот же декоративный элемент. При этом более архаичный тип литеры без какого-либо декора продолжает встречаться и на монетных легендах второй половины IV в. до н. э. параллельно с декорированными формами (табл. I, 18a, 20a, 21a).

Первые же образцы трехчастной *ni* обнаруживаются на очень ранних монетах, относимых нумизматами еще к середине (табл. II, 1) и даже к первой четверти IV в. до н. э. (табл. I, 17–18). Именно фотографию реверса медного дихалка (табл. I, 17)¹⁶, датированного 386–378 гг. до н. э., приводит В. Л. Строкин в доказательство того, что форма написания букв на монетах отражает лишь индивидуальный творческий почерк мастеров и не может являться хоть сколько-нибудь надежным датирующим признаком. Поскольку подлинность указанных монет не вызывает сомнений, а хронологическая шкала, на которую опираются датировки, в целом принята большинством современных исследователей, следует признать, что в монетных легендах трехчастная *ni* появляется почти на столетие раньше, чем в датированных памятниках лапидарной эпиграфики.

Судя по всему, резчики монетных штемпелей обладали большей свободой самовыражения, чем мастера, работавшие с официальными лапидарными надписями, и манеру письма монетных штемпелей следует сопоставлять скорее с письмом лапидарных текстов частного характера (в случае Боспора это, прежде всего, эпитафии). Исходя из того, что, как уже было показано выше, в лапидарных памятниках частного характера новая форма *ni* появляется несколько раньше, чем в официальных документах, можно предположить опять-таки технические причины: массовые тексты на надгробиях вырезались менее квалифицированными кадрами, и новая форма могла оказаться проще в исполнении. При учете данного фактора аргументация В. Л. Строкина выглядит достаточно весомой. Тем не менее рассмотрение легенд на всем доступном нам массиве пантикапейских монет V–III вв. до н. э. показывает, что в подавляющем большинстве случаев буквы оформлялись согласно традициям лапидарного письма того или иного периода. Посему игнорирование палеографического

¹⁵ Кузнецов В. Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1 (260). С. 227–243, рис. 5–9.

¹⁶ Фотография из личного архива В. Л. Строкина.

анализа при изучении монетного дела представляется абсолютно неоправданным.

В целом следует признать, что на данном этапе в нашем споре с В. Л. Строкиным никто пока не имеет решающих аргументов, полностью подтверждающих его правоту. Однако доводы уважаемого оппонента, на наш взгляд, строятся в основном на редких нумизматических исключениях, что не придает убедительности его выводам. Остается надеяться, что новые находки монет исследуемого типа смогут пролить свет на этот вопрос.

Таблица I

1. Пантикапей. Диобол, серебро. Ок. 335–330 гг. до н. э.
2. Пантикапей. Пентобол, серебро. Конец III в. до н. э.
3. Пантикапей. Драхма, серебро. Конец III в. до н. э.
4. Пантикапей. Триобол, серебро. Конец III в. до н. э.
5. Пантикапей. Диобол, серебро. Ок. 455–450 гг. до н. э.
6. Пантикапей. Драхма, серебро. Ок. 447–444 гг. до н. э.
7. Пантикапей. Диобол, серебро. 438/37–433/32 гг. до н. э.
8. Пантикапей. Дихалк (?), медь. 386–378 гг. до н. э.
9. Пантикапей. Статер, золото. Начало 70-х годов IV в. до н. э.
10. Пантикапей. Драхма, серебро. Ок. 335–330 гг. до н. э.
11. Пантикапей. Тридрахма, серебро. Ок. 319–310 гг. до н. э.
12. Пантикапей. Тетрахалк, медь. Ок. 303/2 г. – начало III в. до н. э.
13. Пантикапей. Обол (?), медь. Конец 60-х – середина 40-х III в. до н. э.
14. Пантикапей. Обол (?), медь. Вторая половина 40-х – конец 30-х гг. III в. до н. э.
15. Пантикапей. Дихалк, медь. Ок. 140–135 гг. до н. э.
16. Пантикапей. Тетрахалк, медь. Ок. 130–125 гг. до н. э.
17. Пантикапей. Дихалк (?), медь. 386–378 гг. до н. э.
- 18, 18а. Пантикапей. Диобол, серебро. М. б. 388–387 гг. до н. э.
- 19, 19а. Пантикапей. Триобол, серебро. М. б. 386–378 гг. до н. э.
- 20, 20а. Пантикапей. Обол, серебро. М. б. 377–372 гг. до н. э.
- 21, 21а. Пантикапей. Триобол, серебро. 371–361 гг. до н. э.
- 22, 22а. Пантикапей. Обол, серебро. 371–361 гг. до н. э.

Таблица II

- 1, 1а. Пантикапей. Триобол, серебро. 361–356 гг. до н. э.
 2, 2а. Пантикапей. Обол. Медь. 355–350 гг. до н. э.
 3, 3а. Пантикапей. Обол (?). Медь. 346–340 гг. до н. э.
 4, 4а. Пантикапей. Триобол, серебро. 340–335 гг. до н. э.
 5, 5а. Пантикапей. Драхма, серебро. 340–335 гг. до н. э.
 6, 6а. Пантикапей. Драхма, серебро. 330–327/6 гг. до н. э.
 7, 7а. Пантикапей. Дихалк (?). Медь. 330–327/6 гг. до н. э.
 8, 8а. Пантикапей. Тетрахалк. Медь. 319–310 гг. до н. э.

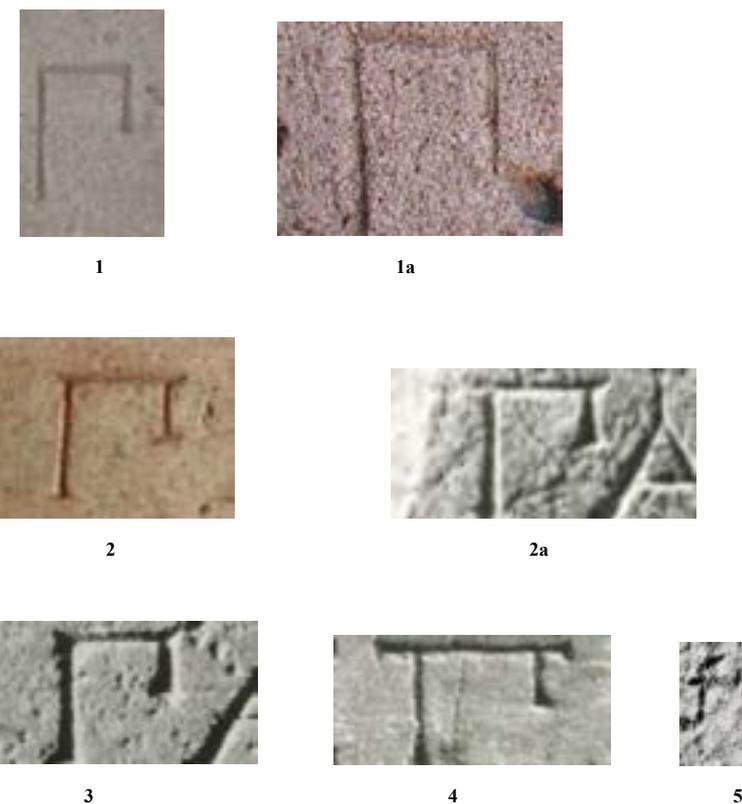

Таблица III

1. КБН 207. Пантикапей, са. 425–400. 1а. КБН 216. Пантикапей, са. 415–390 г. до н. э.
 2. Соколова, Павличенко 2002. Нимфей, 389/8–са. 379/8 г. до н. э.
 2а. КБН 113. Пантикапей, 349/8–са. 340 г. до н. э.
 3. КБН 18. Пантикапей, 304/3–284/3 г. до н. э.
 4. КБН 20. Пантикапей, 284/3–са. 245 г. до н. э.
 5. КБН 247. Пантикапей, 300–275 г. до н. э.

Использованная литература

- Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 223 с.
- Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: ИД «Стилос», 2011. 326 с.
- Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: АН СССР, 1951. 308 с. – (МИА 16).
- Кузнецов В. Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1 (260). С. 227–243.
- Мельников О. Н. К публикации крупнейшей серебряной монеты античного Причерноморья // Stratum plus. 2000. № 6. С. 146–156.
- Мельников О. Н. Серебряный статер Гигиэнонта в монетном деле и в нумизматике Боспора // Стародавнє Причорномор'я. 2018. XI I. С. 339–348.
- Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // Hyperboreus. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. С. 99–121.
- Строкин В. Л. Нумизматика Боспора во второй половине IV в. до н. э. // ДБ. 2020. Т. 25. С. 338–359.
- Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 2. С. 102–127.
- Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: АН СССР, 1956. 221 с.

References

- Anohin V. A. Monetnoe delo Bospora [The Bosporan Coinage]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1986. 178 p. (in Russian).
- Anokhin V. A. Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya [Ancient coinage of the Northern Black Sea Region]. Kiev, Stilos Publ., 2011. 326 p. (in Russian).
- Kuznetsov V. D. Novye nadpisi iz Fanagorii [New inscriptions from Phanagoria]. Vestnik drevney istorii [Journal of ancient History], 2007, vol. 1, p. 227–243 (in Russian).

Melnikov O. N. K publikatsii krupneyshey serebryanoy monety antichnogo Prichernomor'ya [A contribution to Publication of the Largest Ancient Silver Coin Found on the Black Sea]. Stratum plus. 6. 2000. P. 146–156 (in Russian).

Melnikov O. N. Serebraynyy statер Gigienonta v monetnom dele i v numizmatike Bospora [Silver stater of Hygiainon in Bosporos coinage and numismatics]. Starodavne Prichernomor'e. XII. 2018. P. 339–348 (in Russian).

Shelov D. B. Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n. e. [Bosporan Coinage in 6th – 2nd centuries BC]. Moscow, The USSR Academy of Sciences Publ., 1956. 222 p. (in Russian).

Sokolova O. Ju., Pavlichenko N. A. Novaja posvjatitel'naja nadpis' iz Nimfeja [A New Votive Inscription from Nymphaion]. Hyperboreus, 2002, vol. 8, fasc. 1, p. 99–121 (in Russian).

Strokin V. L. Numizmatika Bospora vo vtoroj polovine IV v. do n. je. [The Bosporan Numismatics in 2nd half of 4th century BC]. Drevnosti Bospora [The Antiquities of Bosporos], 2020, vol. 25, p. 338–359 (in Russian).

Tereshhenko A. E. Monetnoe delo Pantikapeja v IV v. do n. je. [Panticapaeian Coinage in 4th century BC]. Journal of Ancient History, 2013, vol. 2, p. 102–127 (in Russian).

Zograf A. N. Antichnye monety [Ancient Coinage]. Moscow, Leningrad, The USSR Academy of Sciences Publ., 1951. 264 p. (in Russian).

Культурное наследие под угрозой: Чивита, исчезающий город

М. С. Самарина

Чивита-ди-Баньореджо — самый маленький город-замок в мире, постоянное население которого составляет всего 8 человек; находится он в самом центре цивилизованной густонаселенной Италии, где, к нашему удивлению, все еще встречаются «затерянные миры». Добраться туда достаточно сложно из-за удаленности от больших дорог холмистой части региона Лацио (120 км от Рима). Доминанта местности — высокий утес Орвието с невероятным готическим собором с золотым мозаичным фасадом, освещающий на восходе и закате всю округу отраженными лучами солнца.

Единственной дорогой, ведущей в город Чивита-ди-Баньореджо, является узкий, почти парящий над бездной мост длиной 300 м. Дух 35-летнего Данте, появлявшегося в этих местах во время работы над «Божественной комедией», незримо присутствует среди скал, обрывов и сумрачных лесов этой странной местности. Город, высеченный из вулканического туфа, высится на скалистом утесе в центре бесплодного глинистого котлована, напоминающего лунный пейзаж и скрывающего несколько квадратных километров ушедших глубоко под землю городков, монастырей и замков. Культурный слой там практически бездонен и вряд ли он может быть раскопан даже с помощью современных технических средств. Остается только догадываться о масштабах культурных и исторических ценностей, навсегда утраченных под слоем земли в несколько десятков или сотен метров. Вся территория города включена в список мирового наследия ЮНЕСКО; существуют также проекты по спа-

сению от разрушения самого города, его культурного наследия и строительства нового «моста будущего».

Из-за специфики геологической и сейсмической ситуации город вместе с окружающей его низменностью опускается под землю достаточно быстро — с XIX в. опускание достигло 30 м. При этом каждый год из-за постоянной сейсмической активности, порывов ветра, дождей и оползней утес все более истончается, разрушается, и город тонет все глубже. Слои почвы, погружившиеся далеко вглубь земли в результате землетрясений, уже совершенно недостижимы для археологии. Население, состоящее из столетних стариков, убывает по естественным причинам: еще 20 лет назад в городе было 16 жителей, сейчас их осталось 8, впрочем, все они находятся в прекрасной физической форме: продолжительность жизни здесь в условиях чистой экологии на высоте нескольких сот метров очень высока.

Жизнь в городе все же продолжается: здесь есть собор (фрески учеников Перуджино), церковь, полицейский и священник, все еще работающая мельница VI в., маслодавальня, использующая оборудование XIII в., где можно купить свежее оливковое масло. Уже несколько столетий по мосту раз в день проходит ослик с продовольствием. Есть также и несколько дорогих гостиниц, ресторанов и SPA-центр, расположенный в восстановленных римских термах с целебными источниками, а также всегда закрытая вилла неизвестного художника. Большинство туристов, отважившихся добраться до Чивиты, — искусствоведы, художники, историки и работники музеев.

На центральной площади города расположен Геологический музей¹, где выставлены материалы геологических пород, составляющих скалу, на которой стоит Чивита, а также археологические материалы исследований культурного слоя; музей является и интерактивным научным центром проведения конференций; коллекции музея постоянно пополняются. Согласно статистике министерства Италии, в стране каждый день находят какой-либо древний артефакт, причем, как правило, это делается достаточно случайно, при строительстве дороги, метро, фундамента здания. Самые успешные археологи здесь — это не профессиональные работники археологических институтов, а строители, которым иногда бывает достаточно просто поднять со дна котлована содержимое ковша экскаватора, а также владельцы не-

¹ URL: www.museogeologicoedellefrane.

больших садов и огородов. Логично, что практически в каждом частном доме Чивиты есть свой маленький музей, где за 1–2 евро хозяева показывают туристам найденные ими в своем огороде этрусские бронзовые фигурки, римские монеты, средневековые инструменты и украшения. Лица хозяев, перешагнувших через столетний рубеж, сами представляют археологический интерес своим ярко выраженным этническим типом, представленным на этрусских вазах. Палеогенетики утверждают, что, поскольку в этой зоне внутренняя миграция была минимальной, жители ее могут быть прямыми потомками этрусков. Генетические исследования, уже не раз проведенные среди местного населения, показывают большой процент именно этрусского, а не латинского населения в этой местности.

Город был основан этрусками приблизительно в V–VI вв. до н. э., его первоначальный этрусский топоним остается неизвестным, Чивита — это позднелатинская форма CIVITAS (город). Название Баньореджо город получил в VIII в., когда король лонгобардов Дезидерий, искупавшись в целебных термальных источниках в скале, излечился от тяжелой болезни (*balneus regis* — купальня короля).

Расположение города было в древности очень удачным — между озером Больсена и изгибами Тибра. В эпоху Античности там располагались оживленные торговые пути и это был один из самых процветающих очагов этрусской цивилизации. Такие города достаточно типичны для горного ландшафта Центральной Италии и соответствуют принципам этрусского градостроительства. Подобно другим этрусским городам (Перуджа, Орвието, Вольтерра), город расположен на высокой скале, в его планировке видно террасное планирование, при этом террасы соединяются восходящими дорогами-лестницами. В городе также четко прослеживается деление на кварталы, декуманы и карды. Внизу под обрывом находится этрусский некрополь с хорошо сохранившимися гробницами; к сожалению, была найдена только его часть, так как большая часть некрополя опустилась глубоко под землю вследствие тектонических процессов. Отметим, что эта местность известна количеством этрусских некрополей — всего в нескольких километрах от города находится один из самых больших и известных, некрополь Орвието. Внутри скалы, на которой стоит Чивита, был обнаружен глубокий туннель, что также является типичным для этрусских городов (подземелья Перуджи), а также этрусские подземелья с остатками древних культов мертвых, соседствующие со средневековым

культом женского начала — статуи Мадонны в окружении этрусских масок мертвых. В церкви V в. Сан-Дonato можно видеть этрусские саркофаги из базальта.

Несмотря на прекрасные умиротворяющие пейзажи, эта местность порождает самые мрачные средневековые ереси, секты и учения. Тема Апокалипсиса и картин ада странным образом присутствует в регионе: в XIII в. здесь происходили шествия секты флагеллантов (бичующихся) в ожидании близкого конца света. Недалеко от Чивиты в соборе Орвието один из самых удивительных художников Лука Синьорелли создал серию фресок на тему апокалипсиса и шествия мертвецов. Здесь шли отряды крестоносцев, проходили пути тамплиеров, находились их аббатства и подземелья. Здесь молодой Данте бродил по городу мертвых — некрополю Орвието, пытаясь прочесть древние надписи на нерасшифрованном этрусском языке, и обдумывал создание одной из самых поразительных сцен «Божественной комедии» — адского города Дита, где мертвые поднимаются из древних саркофагов².

Местность хранит следы присутствия различных народов. В 265 г. до н. э. город был завоеван римлянами; после падения Римской империи городом владели вестготы, затем византийцы, лонгобарды и франки; в IX в. город стал частью Папской области.

В Чивите родился св. Бонаventura (Джованни Фиданца, 1221–1274), выдающийся средневековый теолог и философ-платоник, мистик, соединивший философию и теологию, один из столпов францисканского ордена, кардинал, ученик и последователь Франциска Ассизского, друг Фомы Аквинского, вместе с которым он преподавал в Сорбонне, автор трактата «Путь души к Богу», написавший жизнеописание своего учителя Франциска Ассизского, один из персонажей «Божественной комедии» Данте. Сохранился его дом прямо над пропастью, который, к сожалению, очень быстро разрушается. Сохранился и грот (древняя этруская гробница), где св. Франциск совершил чудо исцеления младенца Джованни Фиданца, будущего великого философа, воскликнув: «*Vona ventura!*» («Счастливая судьба — Бонаventura»).

Площадь перед собором является удивительным природным концертным залом на большой высоте с прекрасной акустикой, там выступал Лучано Паваротти. Невероятный пейзаж, вызывающий обострение «синдрома Стендаля» (стресс от эстетиче-

² Данте Алигьери. «Божественная комедия».

ских переживаний) исключительно кинематографичен — здесь снимались многие фильмы, в том числе сцены бразильского сериала «Земля любви, земля надежды» 2002 г., повествующего о драматической истории итальянской семьи эпохи Великой итальянской эмиграции в Новый Свет первой половины XX в. Сериал основан на реальных событиях: герои сериала, как и многие семьи Чивиты, вынуждены были покинуть город и уехать в Бразилию. Вспомним, что массовая итальянская эмиграция привела к явлению «*sprolamento*» (обезлюдение, запустение) целых регионов Апеннинского полуострова и к появлению многочисленных итальянских диаспор в Новом Свете: итальянская диаспора в Бразилии насчитывает не менее 30 млн потомков этнических итальянцев³.

Специфика геологической ситуации городка Чивита-ди-Баньореджо — это следствие сейсмической активности, постоянно присутствующей на полуострове. Италия — молодая в геологическом отношении часть земной коры, многие процессы еще не завершились, все бурлит и изменяется, сейсмическая и вулканическая нестабильность и напряженность постоянно возрастают. Полуостров расположен практически на линии стыка трех тектонических плит — Евразийской, Африканской и Адриатической (Апулийской) микроплиты, столкновение плит привело к возникновению вулканического пояса. Евразийская и Африканская плиты продолжают сближаться, при этом Африканская плита опускается вглубь и «подныривает» под Европу, Адриатическая плита еще и поворачивается по часовой стрелке, создавая дополнительный очаг напряженности. Геологи утверждают, что все эти процессы свидетельствуют о надвигающихся катаклизмах на планете в обозримом будущем.

На территории Южной Италии расположены все вулканы материковой Европы — всего их 16, основными являются действующие вулканы Этна, Везувий (спящий), Стромболи, остров Вулкано, зона Флегрейских полей (супервулкан — кальдера). Все эти вулканы расположены очень близко к зоне стыка материковых плит и усиливают тектоническую напряженность. Ряд небольших разломов есть и вдоль Апеннинского хребта, который вытягивается со скоростью 3 мм в год, это также способствует накоплению энергии. В результате сейсмограф на Апеннинском полуострове практически никогда не показывает прямую линию, небольшие толчки происходят в этой области практически

ежедневно, которые, как правило, ощущаются только сейсмозависимыми людьми. За год в Италии происходит около 2000 землетрясений различной силы. Согласно данным государственной геологической комиссии, Чивита расположена в первой, самой опасной зоне по вероятности возникновения землетрясений (всего таких зон четыре).

Разрушение Чивиты является следствием серии катастрофических землетрясений последних столетий, волны которых прокатились по всей Южной Европе, оставляя жертвы и разрушения и меняя культурный ландшафт. После каждого из них утес Чивиты становился все тоньше, а территория городка — все меньше, так как в пропасть, окружающую утес, падали целые кварталы.

Впервые значительный урон городу был нанесен в 1693 г., это были отголоски Большого Сицилийского землетрясения, вызванного извержением Этны и повлекшего разрушения в Сицилии, Южной и Центральной Италии и на Мальте (100 тыс. жертв). После землетрясения в практически полностью разрушенной Восточной Сицилии родился новый архитектурный стиль «сицилийское барокко». Именно тогда местность, окружающая город Чивита, рухнула глубоко под землю, образовав «долину бесплодных земель». На большую глубину ушли под землю францисканский монастырь с фресковой живописью, соседние городки и замки.

За этим последовала еще одна катастрофа общеевропейского масштаба — Великое Лиссабонское землетрясение и цунами 1 ноября 1755 г., сильнейшее в истории Европы, 9 баллов, положившее конец колониальному владычеству Португалии, описанного Вольтером (поэма 1756 г.)⁴, толчки которого прокатились по всей Европе и дошли даже до Скандинавии и Северной Африки. Толчки его ощущал находившийся в Венецианской тюрьме знаменитый авантюрист Антонио Казанова⁵. 85 % средневековых зданий Лиссабона, представляющих особую архитектурную ценность, было разрушено, количество человеческих жертв оказалось огромным (100 тыс.), как и потеря культурного наследия — 70 тыс. томов дворцовой библиотеки, королевская картинная галерея с сотнями картин включая коллекции Рубенса, Тициана, Корреджо, архивы с описанием кругосветного путешествия Васко да Гамы. Потери были столь огромны, что сре-

⁴ Вольтер. Избранные сочинения. М. 1997. 848 с.

⁵ Казанова Антонио. История моей жизни. Кн. 2, гл. 26. М. 1991. С. 736.

³ Franzina E. Storia dell'emigrazione italiana. Donzelli editore. Roma, 2002.

ди философов XVIII столетия возникла «дискуссия о теодицее» («оправдание Бога»); снова встал вечный вопрос о жестокости и несправедливости Бога. Несправедливость казалась тем более вопиющей, что землетрясение произошло в Лиссабоне — городе, который славился добродетельностью жителей, большим количеством церквей, больниц, приютов и благотворительных учреждений; произошло оно в важный католический праздник, День Всех Святых, когда практически все люди молились в церкви и спастись у них не было возможности. Вслед за Вольтером собирал данные о Лиссабонской катастрофе И. Кант, пытаясь решить проблему происхождения землетрясений и ответить на самый страшный вопрос — как Бог мог допустить такую несправедливость и является ли он всеблагим и всемогущим.

Следующим ударом по Чивите было Калабрийское землетрясение 1783 г. — 7 баллов и цунами, разрушившее Калабрию («носок» итальянского «сапога», территория античных колоний Великой Греции), 80 тыс. жертв. В гигантские провалы уходили древнегреческие храмы и театры, из 70-метровых провалов забили мощные лавовые фонтаны. Сейсмическое безумие продолжалось два месяца, толчки чувствовались по всей Италии. Первое подробное научное написание землетрясения было сделано на английском языке дипломатом, археологом и вулканологом, искусствоведом и коллекционером Уильямом Гамильтоном, английским послом в Неаполитанском королевстве, мужем известной Эммы Гамильтон⁶.

В 1908 году произошло Мессинское землетрясение и цунами; проснулись древнегреческие чудовища — в проливе между Сциллой и Харибдой образовалась глубокая воронка, затянувшая в себя корабли, а через час появилась огромная волна, смывшая город и прорвавшаяся вглубь Сицилии: 200 тыс. жертв, разрушена Мессина, Реджо-ди-Калабрия, Пальми и еще 20 населенных пунктов в районе Мессинского пролива⁷. По роковому стечению обстоятельств, в Мессине погибла практически вся творческая элита Сицилии — художники, поэты, певцы, писатели. Чудом устояла среди провалов одна из древнейших в Сицилии церковь XII в. Санта-Мария-Аннунциата-деи-Каталани арабо-норманнской архитектуры, построенная на фундаменте

античного храма Нептуна. С Мессинским землетрясением связана героическая страница истории русского флота — спасательная операция моряков русской эскадры, в результате которой в Сицилии появились им памятники и названия улиц в Мессине и Таормине; все моряки были награждены орденами и медалями «за оказание помощи пострадавшим во время бедствия в Мессине и Калабрии», и им был вручен шелковый стяг с вышитыми золотом словами: «Вам, великодушным сынам благородной земли, героизм которых войдет в историю...»

Мессинское землетрясение потрясло современников и неоднократно описано в литературе; одно из самых эмоциональных описаний принадлежит жившему тогда в Италии Максиму Горькому⁸. Огромное впечатление катастрофа произвела на путешественника по Италии Александра Блока («Безжалостный конец Мессины...» из поэмы «Возмездие» 1919 г.), воспринявшего Мессинское землетрясение как апокалиптическое знамение конца Европы⁹. Толчки продолжались еще шесть лет.

Далее последовал целый ряд сейсмических ударов, каждый из которых повлек невосстановимые потери для маленького города на скале.

В 1915 году произошло землетрясение в Центральной Италии (эпицентр в Абруццо), 40 тыс. жертв. Помимо обычных разрушений скалы, Чивите был нанесен и демографический урон: усилилась эмиграция в Америку. Землетрясение в Абруццо повторилось в 2009 г., потом в 2017 г., разрушено большое количество исторических зданий.

1976 год — землетрясение во Фриули, северо-восток полуострова: колокольни Венеции раскачивались и звонили, но устояли, так как сваи сработали как антисейсмические конструкции.

1980 год — землетрясение в Неаполе: треть города ушла под землю, в Тоскане чудом устоявшая Пизанская башня вибрировала 22 минуты после окончания толчков.

1997 год — землетрясение в Умбрии, нанесен невосполнимый ущерб фрескам Сакро-Конвенто в Ассизи. Автору этой статьи выпало нелегкое испытание увидеть содержимое ящиков с мелкими фрагментами штукатурки и с надписями Джотто, Чимабуе, Симоне Мартини.

⁶ Davis John A., Capuano G. The Hamilton Letters: The Naples Dispatches of Sir William Hamilton. — I. B. Tauris, 2008.

⁷ Никонов А. А. Между Сциллой и Харибдой: подробности Мессинской катастрофы // Известия науки. 26.06.2009.

⁸ Горький М., Мейер В. Землетрясение в Калабрии и Сицилии. СПб. 1909.

⁹ Блок А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М. 1989. С. 327–365.

Череду безвозвратных утрат культурного наследия можно продолжить. Чивита — не единственное место в Италии, которое может быть потеряно в обозримом будущем. Тонущая Венеция, Неаполь, находящийся в крайне опасной сейсмической и вулканической зоне, утонувший античный город Байя, Пизанская башня, все более клонящаяся под ударами стихий, Равенна, тонущая в грунтовых водах, — только небольшое из печального списка итальянской Атлантиды. Дискуссия о теодицеи, начатая Фомой Аквинским в XIII в., возобновленная Вольтером и продолженная Кантом, ставит перед нами все новые вопросы о бессилии человека перед силами природы, о проблеме коллективной вины и наказания рода человеческого, ускользающей красоте, смерти культуры и погружении культурного слоя (в прямом и переносном значении) в пропасть дантовской бездны.

1. Чивита-ди-Баньореджо. Общий вид

2. Чивита-ди-Баньореджо. Общий вид

3. Чивита-ди-Баньореджо. Улица

4. Чивита-ди-Баньореджо. Улица, кафе

6. Чивита-ди-Баньореджо. Улица

5. Чивита-ди-Баньореджо. Собор

7. Чивита-ди-Баньореджо. Обрыв

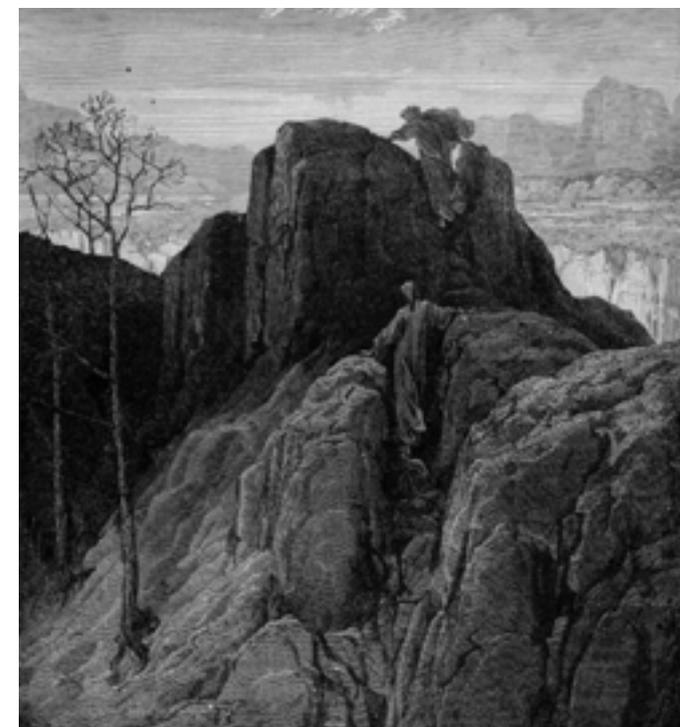
8. Чивита-ди-Баньореджо. Улица

9. Гюстав Доре, иллюстрация к «Божественной комедии» Данте, «Фарината дельи Уберти, встающий из саркофага»

10. Гюстав Доре, иллюстрация к «Божественной комедии» Данте, «Я заблудился в сумрачном лесу...»

11. Гюстав Доре, иллюстрации к «Божественной комедии» Данте, «Данте и Вергилий»

12. Некрополь Орвието

14. Некрополь Орвието. Этрусская надпись.

13. Этрусская некрополь Орвието.

15. Собор Орвието

16. Орвието

17. Подземелья Орвието

Использованная литература

- Блок А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М.: Правда, 1989. С. 327—365.
- Вольтер. Избранные сочинения. М.: РИПОЛ классик, 1997. 848 с.
- Горький М., Мейер В. Землетрясение в Калабрии и Сицилии. СПб.: Знание, 1909. С. 230.
- Данте Алигьери. Божественная комедия, Ад, песнь VI.
- Казанова Антонио. История моей жизни. Кн. 2, гл. 26. М.: Вся Москва, 1991.
- Никонов А. А. Между Сциллой и Харибдой: подробности Мессинской катастрофы // Известия науки. 26.06.2009.
- Davis John A., Capuano G. The Hamilton Letters: The Naples Dispatches of Sir William Hamilton. — I. B. Tauris, 2008.
- Franzina E. Storia dell'emigrazione italiana. Donzelli editore. Roma, 2002.

References

- Blok A. Stikhotvoreniya. Poemy. Vospominaniya sovremennikov. [Poems. Poems. Memoirs of contemporaries] М.: Pravda, 1989.
- Vol'ter. Izbrannyye sochineniya. [Selected compositions] М.: RIPOL klassik, 1997.
- Gor'kiy M., Meyer V. Zemletryasenie v Kalabrii i Sitsilii. [Earthquake in Calabria and Sicily] SPb.: Znanie, 1909.
- Dante Alig'eri. Bozhestvennaya komediya, Ad, pesn' VI. [Divine Comedy, Inferno, Canto VI]
- Kazanova Antonio. Istoriya moey zhizni. [Story of my life] Kn. 2, gl. 26. М.: Vsy Moskva. 1991&
- Nikonov A. A. Mezhdru Stsilloy i.Kharibdoy: podrobnosti Messinskoy katastrofy [Between Scylla and Charybdis: details of the Messinian catastrophe] // Izvestiya nauki. 26.06.2009.
- Davis John A., Capuano G. The Hamilton Letters: The Naples Dispatches of Sir William Hamilton. — I. B. Tauris, 2008.
- Franzina E. Storia dell'emigrazione italiana. Donzelli editore. Roma, 2002.

Юбилей профессора Алексея Борисовича Егорова

О. Ю. Климов, И. Ю. Шауб

3 ноября 2012 г. отметил свое 70-летие известный российский антиковед, исследователь истории Древнего Рима, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории СПбГУ (до 2019 г.), профессор Санкт-Петербургской духовной академии, член редакционного совета журнала «Новый Гермес» Алексей Борисович Егоров.

Свой жизненный путь Алексей Борисович Егоров начал 3 ноября 1952 г. в городе Калинин (ныне Тверь); там прошли первые месяцы его жизни, но вся дальнейшая жизнь связана с Ленинградом-Петербургом. В городе на Неве юбиляр учился в школе, а затем в университете (ЛГУ, теперь СПбГУ), работал преподавателем исторического факультета Института истории более 40 лет. Мать юбиляра, Алла Самойловна Егорова, была выпускницей матмеха ЛГУ, работала в Ленинградской сельскохозяйственной академии и в Академии тыла и транспорта; отец, Борис Алексеевич Егоров, после окончания Ленинградского политехнического института, где он изучал электромеханику, преподавал в Военно-морском инженерном институте (бывшем училище имени Дзержинского).

В школьные годы Алексей Борисович отличался разнообразными интересами, что позволило ему приобрести обширные знания и широкий кругозор. Он с интересом занимался английским языком, географией, физикой, математикой, но с особым увлечением историей. Интерес к этой дисциплине у А. Б. Егорова возник в немалой степени под влиянием деда, Алексея Григорьевича Егорова, кадрового военного, генерал-майора в от-

ставке, который приобщал внука к русской военной истории, изучая с ним яркие события прошлого, анализируя ход военных кампаний и отдельных сражений. Что касается древней истории, то интерес к ней пробудился у юбиляра в результате самостоятельного чтения источников и научной литературы. В свои школьные годы А. Б. Егоров познакомился в переводах со многими произведениями греческих и римских авторов. Среди его любимых произведений — «Сравнительные жизнеописания» Плутарха и «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. По словам самого юбиляра, огромное впечатление на него в юные годы произвела также «Римская история» Теодора Моммзена, которая в немалой степени подсказала направление будущей научной специализации.

Увлечение историей оказалось настолько сильным, что в 1967 г. Алексей Борисович стал участником городской школьной олимпиады по этому предмету. Одним из рецензентов письменных работ школьников-победителей городской олимпиады по истории был Эдуард Давидович Фролов, в то время доцент кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ. Э. Д. Фролов высоко оценил работу школьника, отметил его увлечение историей и пригласил посещать свой спецкурс «Греческие тираны». Так состоялось знакомство А. Б. Егорова с историческим факультетом университета и с кафедрой истории Древней Греции и Рима, которое в дальнейшем определило жизненный путь юбиляра. Незаурядные способности школьника, его увлеченность историей и успехи в изучении этой дисциплины были замечены и руководством исторического факультета, поэтому при поступлении в университет А. Б. Егоров предъявил, как один из призеров олимпиады по истории, рекомендацию за подписью знаменитого ученого, декана факультета, профессора Владимира Васильевича Мавродина.

В 1969 г. А. Б. Егоров окончил среднюю школу № 24 Василеостровского района и в том же году поступил на исторический факультет, заранее определившись со специализацией. Он выбрал античную историю, сконцентрировав свои научные интересы на политической истории Древнего Рима, преимущественно периода гражданских войн и перехода от республики к империи. Поступление на кафедру истории Древней Греции и Рима тогда было делом крайне сложным. А. Б. прошел экзаменационные испытания блестяще, получив на вступительных экзаменах 20 баллов из 20 возможных. С завидной стойкостью он перенес и испытания полевыми работами, на которые по тра-

диции отправлялись первокурсники. Сентябрь 1969 г. А. Б. провёл в деревне Топольки под Светогорском близ границы с Финляндией, где первокурсники в спартанских условиях (работа под дождем, холод, скудное питание, неналаженный быт) занимались сбором картофеля. В этой ситуации А. Б. демонстрировал стойкость, силу характера, которые трудно было ожидать от человека, полностью погруженного в книги, в историю.

Обучение в университете принесло А. Б. обширные общеисторические знания и весьма основательную подготовку по антиковедению. Он прослушал множество специальных дисциплин, занимался древними и современными языками, получил навыки самостоятельной научной работы. А. Б. окончил университет досрочно, в 1973 г., получив диплом с отличием, и сразу же был зачислен в аспирантуру. Аспирантуру он также прошел досрочно — за два года, поскольку в 1975 г., в возрасте всего 22 лет, был принят на должность ассистента кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ. А. Б. за годы работы в университете стал авторитетным лектором, крупным известным ученым, с мнением которого считаются как начинающие исследователи, так и признанные специалисты. Научная деятельность А. Б. началась еще в годы обучения в университете, когда он, будучи студентом, делал под руководством видных ученых первые шаги в науке. Все курсовые работы А. Б., посвященные римским политическим деятелям эпохи кризиса Республики (Серторию, Марию, Сулле и т. д.), а также его дипломное сочинение «К вопросу о политических партиях в Риме в I в. до н. э.», были написаны под руководством известного ученого, специалиста по истории этрусков и Древнего Рима Николая Николаевича Залесского. А. Б. Егорову посчастливилось обучаться в студенческие годы у таких выдающихся антиковедов, как Ксения Михайловна Колобова, Эдуард Давидович Фролов, Юрий Викторович Андреев. Кроме того, среди учителей А. Б. Егорова, которые помогли ему прекрасно овладеть древнегреческим и латинским языками, наряду с преподавателями кафедры истории Древней Греции и Рима Ю. В. Андреевым и Э. Д. Фроловым, были и такие блестящие филологи-классики, как Наталия Александровна Чистякова, Александр Иосифович Зайцев и Никита Виссарионович Шебалин.

В 1977 г. Алексей Борисович успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политические партии в Риме в период гражданских войн II–I вв. до н. э.», которая носила дискуссионный характер. В диссертации А. Б. основательно исследовал по-

ложение в Римской республике во II–I вв. до н. э., рассматривал деятельность тех политических направлений, которые определяли жизнь Рима — оптиматов и популяров, их состав и политическую роль. Опубликованные по материалам исследования статьи сразу вызвали интерес специалистов, поскольку базировались на глубоком владении источниками, знании историографической традиции, содержали по тем временам свежие оценки и наблюдения. В дальнейшем А. Б. Егоров сохранил интерес к римской истории эпохи гражданских войн: это было время, когда ломался сложившийся столетиями уклад, решительно менялись государственные и социальные институты, возвышались политические деятели, стремившиеся к установлению сильной единоличной власти, такие как Л. Корнелий Сулла, Гай Марий, Г. Юлий Цезарь, Октавиан Август. Результатом многолетних исследований данных проблем стало издание монографии «Рим на грани эпох (проблемы рождения и формирования принцепата)» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1985), которая легла в основу докторской диссертации Алексея Борисовича.

В этой монографии — очень важной, сразу же привлечшей внимание специалистов, — А. Б. Егоров обратил внимание на сложность римской республиканской политической системы, на большую роль в ее структуре так называемого монархического элемента, который был представлен магистратами, обладавшими империем, — прежде всего, это были консулы. По мнению исследователя во II–I вв. до н. э. в Риме сложилась противоречивая ситуация, при которой, с одной стороны, римская гражданская община стремилась сохранять контроль над магистратами и сдерживать их самовластные устремления. Этой цели служили как постепенное возрастание роли народных собраний, усиление контроля со стороны сената, так и регламентация системы магистратур, которая предусматривала определенный порядок прохождения должностей, ограничение полномочий должностных лиц коротким сроком, их ответственность перед сенатом и комициями и т. д. Вместе с тем объективно получил развитие ряд факторов, которые все-таки способствовали усилению «монархического» элемента. К их числу А. Б. Егоров относил в первую очередь великие завоевания, усилившие роль войны и решительно изменившие политическую карту Средиземноморья. В числе других важных факторов Алексей Борисович упоминает профессионализацию армии, которая началась с реформы Гая Мария в конце II в. до н. э., а также упадок государственных институтов Римской республики и социальный, духовный,

идеологический кризис, который переживала римская община. В результате длительного и очень болезненного периода «гражданских войн» в Риме произошло выдвижение политических лидеров, опиравшихся на армию и использовавших ее в собственных целях. Книга Алексея Борисовича посвящена важнейшим этапам этой борьбы: он характеризует реформы братьев Гракхов, войну Гая Мария и Л. Корнелия Суллы, Гн. Помпея и Г. Юлия Цезаря. При этом А. Б. Егоров подчеркивает, что переход от республики к империи нельзя рассматривать лишь как изменение политического строя: он убедительно показал противоречивый итог «гражданских войн» — формирование своеобразного политического дуализма, т. е. режима принципата, который сохранял форму республики, но вводил новые элементы, которые обеспечивали принцепсу сильную власть. Данный процесс отражал дуализм более широкого характера — сохранение в Риме черт полиса / гражданской общины с укрепляющимися имперскими принципами.

В книге было показано, что в I в. н. э. в правление Юлиев-Клавдиев происходила эволюция всей имперской системы, причем этот процесс протекал противоречиво. В отдельные периоды этого времени проявляли себя полисные, в том числе республиканские, традиции, но постепенно все более усиливался державный элемент. Охарактеризовать в нескольких предложениях это содержательное исследование А. Б. Егорова невозможно: оно полно интересных наблюдений и выводов, а также поучительных исторических параллелей. Поэтому охарактеризованная монография заняла свое прочное место в ряду отечественных исследований по римской истории. В 1993 г. А. Б. Егоров на ее основе блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «Становление и развитие системы принципата».

В кругу разнообразных научных интересов А. Б. особенно заметен его глубокий интерес к проблемам римской государственности. Работая в этом направлении, Алексей Борисович издал учебное пособие «Римское государство и право (царский период и эпоха республики)» (СПб., 2006), в котором основное внимание уделено характеристике государственных институтов Рима и их эволюции, а также проанализировал развитие римского публичного права.

Одной из наиболее значительных работ, написанных А. Б. Егоровым, является книга «Антоний и Клеопатра (Рим и Египет: встреча цивилизаций)» (СПб., 2012). Несмотря на то что сюжет об истории Антония и Клеопатры стал весьма попу-

лярным в науке, литературе и искусстве, А. Б. Егоров сумел найти свой собственный подход к этой теме. Прежде всего, он показал не только историю двух знаменитых политических фигур I в. до н. э. — римского полководца и политика Марка Антония и последней царицы Египта из династии Птолемеев Клеопатры VII, которых соединила любовь и обоюдный политический интерес. История соединения Антония и Клеопатры раскрывается на фоне истории взаимодействия цивилизаций — египетско-эллинистической и римской. На широком историческом материале А. Б. Егоров охарактеризовал процесс втягивания Египта в сферу римского влияния и постепенного поглощения Римом. Как известно, после смерти Клеопатры Египет вошел в состав Римской империи и занял в ней свое весьма важное положение, во многом сохраняя своеобразие развития.

Немалый интерес специалистов и широкой публики, увлеченной античной историей, вызвала книга А. Б. Егорова «Юлий Цезарь: политическая биография» (СПб., 2014). Юбиляр поставил перед собой непростую задачу — охарактеризовать политическую деятельность выдающегося римского политика и полководца, его восхождение к вершинам власти и проведенные им реформы. Немалая трудность данной задачи состояла в том, что об этом писали многие ученые; следовало избежать повторения уже опубликованных жизнеописаний Цезаря и привести свои собственные оценки и характеристики. А. Б. вполне успешно с этой задачей справился. Юбиляр не только подробно описал жизненный путь Цезаря, его политическую деятельность, но по многим дискуссионным вопросам смело выражает свое мнение, полемизирует с признанными авторитетами. Так, например, он не соглашается с известным отечественным исследователем С. Л. Утченко, который отрицал телеологизм в деятельности Цезаря, считая, что полководец и политик пришел к своей единоличной власти не вследствие давнего замысла и реализации определенного жизненного плана и издавна поставленной цели, но в результате благоприятно сложившихся условий, которыми он сумел талантливо воспользоваться. А. Б., напротив, полагал, что политическое первенство Цезаря было предопределено его происхождением, воспитанием, жизненным опытом и Цезарь вполне сознательно к этому первенству стремился. А. Б. Егоров показывает обширность преобразований Цезаря, наличие у него больших планов. В своей книге А. Б. подробно разбирает основы власти диктатора, его титулатуру, те государственные должности, которые занимал Цезарь в разные периоды своей карьеры,

показывает зарождение новой государственной системы и новой политической культуры. Несомненной ценностью обладают историографические разделы книги, в которых А. Б. Егоров подробно разбирает и оценивает труды зарубежных и отечественных ученых, посвященные Цезарю.

В 2017 г. А. Б. Егоров вновь обратился к проблемам истории римской государственности, опубликовав монографию «Рим: от республики к империи» (СПб., 2017). Эта книга посвящена анализу развития политических институтов республиканский и зарождавшихся и укреплявшихся императорских в период с I в. до н. э. до III в. н. э. А. Б. Егоров показывает проявления кризиса Римской республики, раскрывает правовые аспекты перехода от республики к империи, зарождение новых государственных институтов. По мнению автора книги, создание системы императорской власти было итогом многих проб и ошибок, политического поиска. Основу этой власти составили магистратуры с империем — консулат, проконсулат, диктатура и трибунал. В результате, как пишет А. Б. Егоров, «Август сделал выбор в сторону синтеза проконсульского империя и трибунской власти, что и определило правовую основу принципата» (с. 61). В эпоху принципата происходило становление сильной единоличной власти, которая в Риме приобрела ряд особенных черт, формировался императорский бюрократический аппарат, менялись состав и роль сената, магистратов и других органов, перешедших в империю из республики. Данная монография стала еще одним весьма значительным вкладом юбиляра в исследование римской истории.

В настоящее время А. Б. Егоров успешно продолжает свою научную деятельность, публикует статьи, выступает с научными докладами на конференциях. Научные работы А. Б. публикуются во многих солидных периодических научных изданиях и сборниках трудов — в «Вестнике Санкт-Петербургского университета», в альманахе «Мнемон. Исследования и публикации по античной истории», в «Ставропольском альманахе Российского общества интеллектуальной истории», в военно-историческом журнале «*Para Bellum*» и других. Для редколлегии журнала «Новый Гермес» большой честью является то, что А. Б. руководил ее работой в течение многих лет, в настоящее время, оставив пост председателя, входит в состав редколлегии. Алексей Борисович имеет широкую профессиональную известность и высокий научный авторитет среди коллег и читателей — любителей античной истории.

А. Б. Егоров является известным преподавателем древней истории. В ЛГУ/СПбГУ он проделал долгий успешный путь от ассистента до профессора (с 1994 г.), став одним из ведущих преподавателей кафедры. Живые, интересные, насыщенные ярким материалом, побуждающие к размышлениям лекции Алексея Борисовича по праву пользовались большой популярностью среди студентов факультета Института истории. А. Б. Егоров вел весьма важные для подготовки антиковедов учебные курсы: «Античное христианство», «Римское государство и право», «Античная цивилизация», спецкурсы по истории гражданских войн в Риме и по истории принципата. В течение многих лет он вел также общий курс по истории Рима, который неизменно вызывал очень высокий интерес со стороны студентов. К великому сожалению, внедрение новых принципов проведения конкурса по избранию на должности преподавателей привело к тому, что Институт истории вынужденно покинул ряд ведущих специалистов, в том числе — в 2019 г. — и Алексей Борисович. Успешная преподавательская деятельность А. Б. Егорова стала причиной того, что еще в 2008 г. он был приглашен на должность профессора Санкт-Петербургской духовной академии, где с 2019 г. уже в качестве штатного сотрудника преподает историю Древней Греции и Рима. Свои богатые знания античной истории и богатый опыт преподавания А. Б. отразил в учебном пособии «История Древней Греции» (СПб., 2014), которое было опубликовано в Санкт-Петербургской духовной академии. Это учебное пособие подготовлено весьма основательно, содержит полное изложение истории Древней Греции от зарождения цивилизации на Крите и в Балканской Греции до подчинения Греции и эллинистического мира Риму. В нем излагаются основы политической истории, характеризуются тенденции социального развития, анализируются изменения государственного строя, описываются достижения в области культуры.

Важным направлением деятельности Алексея Борисовича стало руководство молодыми исследователями. Под его началом выполняются курсовые, дипломные работы, кандидатские (более десяти) и докторские (А. П. Беликовым и Н. В. Чекановой) диссертации. В этой деятельности юбиляр показал себя очень доброжелательным, внимательным научным руководителем.

Важно отметить замечательные человеческие качества А. Б. Егорова. При своей интеллигентности, застенчивости и внешней мягкости он принципиален, стойко переносит жизненные трудности. Эти качества проявились, например, в юно-

сти на военных сборах в Кеми. В зрелые годы эти же качества характера позволили ему при неоценимой поддержке мамы одолеть тяжелое заболевание, нарушившее на много лет плавный ход успешной научной и преподавательской деятельности.

Наш дорогой юбиляр, глубокоуважаемый коллега отличается высоким профессионализмом, исключительным трудолюбием, преданностью избранному делу, в общении с коллегами, студентами и аспирантами — доброжелательностью, приветливостью, порядочностью, верностью своему слову.

Авторы журнала «Новый Гермес», а также многочисленные коллеги-антиковеды поздравляют Алексея Борисовича с юбилеем и от всей души желают ему доброго здоровья и счастья — залогов осуществления всех его многочисленных творческих замыслов.

**Новая книга о «советской древности»
(Карпюк С. Г. «Советская древность»:
история науки и общества в 1930—1960-е годы.
М.: Институт всеобщей истории, 2021. — 411 с.)**

О. Ю. Климов

В последние десятилетия в отечественной науке определился интерес к российской и советской науке об античности. Его рождению послужили труды Э. Д. Фролова, которые были в дальнейшем продолжены целой группой исследователей. Среди них Ю. А. Виноградов, А. К. Гаврилов, С. С. Казаров, С. Г. Карпюк, С. Б. Крих, А. М. Скворцов и другие ученые. Отметим, что систематической истории советской науки о классической древности пока не написано: Э. Д. Фролов в своей книге очерков об истории отечественного антиковедения ограничился краткой общей характеристикой перемен, произошедших в советский период, а также составил четыре весьма полных, содержательных очерка о своих учителях, антиковедах старшего постреволюционного поколения — о К. М. Колобовой, С. И. Ковалеве, А. И. Доватуре, С. Я. Лурье¹. С. Б. Крих предпринял весьма интересную попытку восстановить процесс складывания советского «образа древности», который базировался на марксистской концепции исторического процесса. Им также были охарактеризованы взгляды некоторых видных советских антиковедов — А. И. Тюменева, В. В. Струве, А. Б. Рановича, Н. А. Машкина, Е. М. Штаерман и их вклад в формирование советской картины развития древних рабовладельческих обществ². С. С. Казаров обратился к проблемам «регионального» антико-

¹ Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. второе, исправленное и дополненное. СПб., 2006.

² Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013.

ведения, посвятив две содержательных монографии развитию антиковедения в Донском регионе³. В. Н. Парфенов выступил в роли составителя и автора нескольких разделов коллективного труда, посвященного известному ученому и педагогу, создателю саратовской школы антиковедения В. Г. Боруховичу⁴. Кроме того, рядом исследователей опубликованы статьи, посвященные антиковедению советского периода или творчеству отдельных ученых⁵. Но весь этот комплекс важных публикаций не освещает тему с достаточной полнотой и не содержит систематического изложения истории советской науки о древнем мире. Поэтому рецензируемая книга, раскрывающая многие важные аспекты данной темы, заслуживает особого внимания и интереса.

Главный научный сотрудник Института всеобщей истории Академии наук Российской Федерации С. Г. Карпюк является известным исследователем древнегреческой истории, в число научных интересов которого давно вошла также история советской

³ Казаров С. С. 1). А. Д. Дмитриев и развитие антиковедения на Дону. Ростов-на-Дону, Таганрог, 2018; 2). Предшественники. Антиковеды Варшавского (Донского) университета. Ростов-на-Дону, Таганрог, 2020. Рецензии: Климов О. Ю. 1). Рец.: Казаров С. С. А. Д. Дмитриев и развитие антиковедения на Дону. Ростов-на-Дону, Таганрог, 2018 // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2018. Вып. 10. С. 280–288; 2). Предыстория антиковедения на Дону. Рецензия на: Казаров С. С. Предшественники. Антиковеды Варшавского (Донского) университета (1915–1931). Ростов-на-Дону, Таганрог, Издательство Южного федерального университета. 2020. 144 с. // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2020. Вып. 12. № 2. С. 211–223.

⁴ Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах / сост. текста, вступ. ст. В. Н. Парфенова. Саратов, 2009.

⁵ Например: Арутюнян А. Ж. Жизнь и творчество Гагика Хореновича Саркисяна // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2015. Вып. 15. С. 483–490; Климов О. Ю. Проблемы эллинистической истории в научном творчестве К. М. Колобовой // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 581–595; Кузьмин Ю. Н., Макарова О. М. А. Е. Паршиков и история Афинской морской державы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. Вып. 14. С. 443–454; Скворцов А. М. Разгром античного кружка в Ленинграде (по материалам следственных дел архива ФСБ) // Вестник древней истории. 2017. Т. 77. № 1. С. 210–223. Мы не рассматриваем труды, посвященные истории археологических исследований античных памятников в советское время.

науки об античности⁶. Проблемами отечественной историографии античной истории Сергей Георгиевич плодотворно занимается, опубликовав серию статей, которые в основном составили настоящую монографию. Книга С. Г. Карпюка построена на весьма богатой базе источников и литературы. Автором изучены архивные материалы, весь комплект журналов «Вестник древней истории», протоколы заседаний редколлегии журнала, многочисленные научные публикации советских и ряда зарубежных ученых, проведены интервью и беседы с ведущими учеными старшего поколения — современниками и участниками тех событий и процессов, о которых идет в книге речь.

Монография включает пять значительных разделов, которые раскрывают разные стороны истории советского антиковедения. Первый раздел, озаглавленный «Недревняя история "Вестника древней истории"» содержит пять глав, анализирующих историю главного отечественного журнала о древности с момента его основания в 1937 г. до 2008 г. — до окончания деятельности академика Г. М. Бонгард-Левина. Это первая и единственная история данного журнала в отечественной науке. Одна глава посвящена его основанию, в другой анализируются передовицы, служившие важным средством управления сообществом антиковедов: в них задавалась теоретическая установка, указывались приоритетные научные темы, оценки исторических процессов и событий. Отдельная глава посвящена влиянию «оттепели» и появлению такой замечательной формы общественно-научного общения, как авторско-читательские конференции журнала «Вестник древней истории». Автору этих строк довелось в 80-х — начале 90-х годов XX в. участвовать в нескольких таких конференциях. Для начинающего провинциального преподавателя и исследователя древней истории участие в таком представительном форуме было большим событием: открывалась возможность прослушать доклады корифеев антиковедения — известных ученых, поучиться на докладах коллег, узнать о новых тенденциях, идеях, методах в нашей науке, завести профессиональные знакомства, договориться о публикации будущих статей и т. д. Заключительная глава первого раздела книги посвящена истории журнала «Вестник древней истории» в те два

⁶ Карпюк С. Г. 1). Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003; 2). Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция). М., 2010; 3). Лекции по истории древней Греции. М., 1996.

десятилетия, когда редакцию возглавлял Г. М. Бонгард-Левин. С. Г. Карпюк отмечает ряд новых явлений, вошедших в работу редколлегии журнала: это дискуссии по ряду проблем, материалы «круглых столов», публикации полемических статей, в целях укрепления международных научных связей — трудов зарубежных ученых. Откровенно автор пишет о тех значительных трудностях, которые главному редактору журнала приходилось преодолевать в условиях экономической турбулентности 90-х годов XX века. По мнению С. Г. Карпюка, Г. М. Бонгард-Левин сохранил все лучшее, что было создано его предшественниками, успешно направлял развитие журнала, превратив его в более современное высоконучное издание. Можно к этому добавить, что «Вестник древней истории» установил высокий научный уровень, стал образцом, на который ориентировались те периодические антиковедные издания, что стали создаваться усилиями коллег в университетах страны — в Санкт-Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде, Саратове.

Второй раздел книги «Война и наука» составили очерки, посвященные предвоенной дискуссии о крито-микенской цивилизации, а также характеристике деятельности Института истории АН СССР, Московского отделения Института истории материальной культуры (ИИМК) и Института истории материальной культуры АН СССР в период 1941–1945 гг. Дискуссия об общественном строе древнейшего Крита и Ахейской Греции, прошедшая в 1940 году, явилась ярким событием в процессе формирования отечественной картины развития древнегреческой истории. На этом поле вступили в противостояние два методологических подхода: вульгарный линейно-стадиальный представлял Б. Л. Богаевский и поддержавший его академик А. И. Тюменев. Другой подход, основанный на анализе источников, отстаивал В. С. Сергеев, которого поддержали многие другие ученые. Дискуссия протекала весьма горячо; в ходе ее Б. Л. Богаевский активно прибегал к демагогии, обвинял своих оппонентов в монархизме, в отказе от марксизма. Как известно, Б. Л. Богаевский утверждал, что на минойском Крите и в Микенах не сложилась цивилизация, что знаменитые дворцы представляли собой общинные жилища, наподобие поселений индейцев пуэбло. В настоящее время такая оценка критских дворцов представляется историографическим курьезом, но в описываемое время она активно продвигалась ее автором и подавалась как пример истинно марксистского анализа.

Следующие главы данного раздела посвящены анализу работы Института истории РАН в годы Великой Отечественной войны. С. Г. Карпюк весьма подробно характеризует работу учреждения, деятельность ученых-историков. Автор сопровождает свое повествование многочисленными документами, многие из которых впервые стали доступны широкому читателю. Здесь проанализирована деятельность не только антиковедов, но в целом коллектива Института истории РАН и его руководства. Отдельная глава данного раздела посвящена работе Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН в 1941–1942 гг., следующая за ней — деятельности ИИМК в 1943–1945 гг.

Третий раздел книги составляет несколько биографических очерков, озаглавленных «Люди советской науки». С. Г. Карпюк включил в данный раздел повествование о трех известных антиковедах — о А. В. Мишулине, К. К. Зельине и Г. Г. Дилигенском. Рассказ о каждом из этих ученых строится на богатом и разнообразном материале — на документах из Архива Академии наук, на воспоминаниях, на трудах многих ученых, в том числе, разумеется, тех, биография которых раскрывается. Названные ученые показаны людьми своего непростого времени, увлеченными новыми идеями, создающими новую историческую науку. Об этой искренней увлеченности говорит, например, такой факт: А. В. Мишулин, исследовавший рабские восстания в позднереспубликанском Риме, назвал своего родного сына Аристоником в честь претендента на престол Пергамского царства, которого в отечественной науке долгое время считали руководителем восстания рабов и свободной бедноты⁷. Ученый, вероятно, повлиял на то, чтобы его племянник (ставший знаменитым советским артистом) получил имя Спартак. Достоинством данной главы является то, что С. Г. Карпюк включил в нее некоторые редкие, малоизвестные материалы — статью А. В. Мишулина в газете «Правда», опубликованную в 1940 году, которую сопро-

⁷ Карпюк С. Г. «Советская древность». С. 194. прим. 41. О восстании Аристоника см.: Hansen E. The Attalids of Pergamon. Ithaca, 1971. P. 150–159; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977. S. 141–147; Deubner Fr. Bellum Asiaticum. Der Krieg der Römer gegen Aristonikos von Pergamon und die Einrichtung der Provinz Asia. 2., überarbeitete Auflage. München, 2006. S. 53–190; Климов О. Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010. С. 125–150. Об оценке восстания в советской историографии: Климов О. Ю. Пергамское царство. С. 131–132, 138–140.

водил своими комментариями, а также «Замечания по поводу письма Дж. Томпсона в редакцию ВДИ», написанные К. К. Зельным. Последний текст не публиковался прежде и издается по машинописной рукописи, сохранившейся в личном архиве ученого.

Читателю будет интересно обратить внимание на то, что А. В. Мишулин, выступая со статьями в «Правде» — главном печатном органе страны, осмеливался высказывать ряд достаточно острых полемических идей. Так, он выразил сомнение по поводу принадлежности гомеровского общества первобытному строю и в этой связи подверг критике взгляды Б. Л. Богаевского. В свою очередь, оценки, данные А. В. Мишулиным, были подвергнуты критике со стороны А. И. Тюменева, который обвинил коллегу ни много ни мало в ревизии марксизма, так как некоторые из тезисов А. В. Мишулина противоречили идеям Ф. Энгельса, выраженным в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Обвинение это по тем временам было весьма серьезным и могло повлечь за собой тяжелые последствия. К счастью, ситуация не получила дальнейшего развития. С. Г. Карпюк характеризует А. В. Мишулина как человека, сочетавшего в себе качества ученого и партийного функционера, и делает вывод об очень большой роли его в формировании московского центра изучения древней истории: «...к середине XX в. московские антиковеды стали доминировать среди своих коллег» (с. 148).

Глава, посвященная К. К. Зельну, содержит ряд важных характеристик этого очень значительного, во многом недооцененного ученого, но главное внимание С. Г. Карпюк посвятил анализу полемики, которую вели английский антиковед-марксист Дж. Томпсон и К. К. Зельин. Автор книги показывает К. К. Зельина ученым, который не был склонен к догматическому теоретизированию, для него были свойственны глубокий интерес к источнику, выводы на основе источников, но не следование социологическим схемам. Завершая характеристику научной полемики Дж. Томпсона и К. К. Зельина, С. Г. Карпюк отмечает, что «даже в 1952–1953 годах, в период сильнейшего идеологического давления, у советских историков-античников оставалась возможность вести на страницах ВДИ научную полемику»⁸.

Автор рецензируемой книги обращает внимание на то, что некоторые из коллег в МГУ им. М. В. Ломоносова характеризовали К. К. Зельина как историка-немарксиста, критиковали его

⁸ Карпюк С. Г. «Советская древность». С. 221–222.

за антимарксистские взгляды⁹. Упреки в адрес К. К. Зельина высказывались не случайно: он являлся ученым с нешаблонным мышлением, не принимал идеологические установки как догму и сумел в своих трудах создать более сложную картину политической истории и социального развития древних обществ, чем это предлагалось в трудах советских ортодоксальных историков. Так, в монографии, посвященной политической борьбе в Аттике в VI в. до н. э., К. К. Зельин продвигал мысль о том, что группировки педиев, паралиев и диакриев представляли собой объединения, сложившиеся вокруг знатных кланов Аттики, а сама борьба названных группировок была не столкновением разных социальных сил — крупных землевладельцев, торгово-ремесленной верхушки, городской и сельской бедноты — между собой, но являлась противостоянием знатных родов, опиравшихся на рядовое население той части страны, где эти роды доминировали¹⁰. Таким образом, уже в начале 60-х гг. XX в. ученый продвигал весьма смелую для советской науки оценку значительных политических событий, впрочем высказывавшуюся прежде в немецкой историографии. В монографии, посвященной земельным отношениям в эллинистическом Египте, К. К. Зельин обратил внимание на сложность системы землевладения и землепользования, сложившейся при Птолемах, охарактеризовал разные категории земельной собственности, показал процесс постепенного установления если не права частной собственности, то прочного гарантированного частного владения на землю в хозяйствах «царских земледельцев», катеков и других держателей государственной земли при сохранении права верховной собственности за государством¹¹. Ученый делает весьма смелое для своего времени утверждение относительно того, что «в эллинистическом Египте рабовладение само по себе играло, несомненно, меньшую роль, чем в современном ему Риме или Карфагене, но во всей общественной структуре государства Птолемея можно усмотреть начала несвободы и прямого принуждения, происхождение которых так или иначе связано с историей общества, где рабство оказывало действительное влияние на социальные

⁹ Карпюк С. Г. «Советская древность». С. 218–219.

¹⁰ Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н. э. М., 1964.

¹¹ Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II–I вв. до н. э. М., 1960. Например, с. 345–346, 437, др.

отношения и политические институты»¹². Не менее смелой была попытка классификации форм зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. Ученый показал, что социально-классовая структура общества в эллинистических государствах представляла собой весьма сложную конструкцию, в которой важное место занимали разные категории нерабского статуса — свободные и полусвободные люди. Он писал: «Рабство было лишь одной из форм зависимости, наиболее ярким выражением общего принципа непосредственного господства, но далеко не единственным, а во многих странах и не главным»¹³. Характеризуя формы зависимости в государствах эллинистического мира, К. К. Зельин подчеркивал большую роль внутригосударственной эксплуатации, когда государство сочетало принуждение и ограничение свободы производителей с договорными отношениями¹⁴. Объективная основательная оценка научного наследия К. К. Зельина — дело специального исследования, которое, хочется надеяться, будет произведено. Замечательно, что в рецензируемой монографии этому ученому уделено немало внимания и раскрыты некоторые малоизвестные стороны его деятельности.

Завершает третий раздел книги очерк о Г. Г. Дилигенском. В нем раскрывается биография исследователя, совершившего труднообъяснимый переход от изучения поздней античности к проблемам новой и новейшей истории стран Запада. Причем этот переход был совершен на подъеме научной карьеры ученого, в расцвете его творческих сил, после публикации серии солидных статей и одной монографии. Г. Г. Дилигенский сменил место работы, направил свою научную деятельность на изучение рабочего и коммунистического движения в странах Запада, на исследование социальной психологии рабочего класса Франции и других стран. По мнению С. Г. Карпюка, подобный поворот был связан с эпохой «оттепели», которая открывала ученому возможность более свободной реализации его творческого потенциала именно в сфере современной истории, чем в области истории древней. Все биографические очерки содержат весьма полезную, нередко малоизвестную информацию об этих

¹² Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений... С. 436–437.

¹³ Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969. С. 7.

¹⁴ Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости... С. 115.

трех крупных ученых, но, к сожалению, при этом о К. К. Зельине недостает сведений, которые позволили бы составить полноценное представление об исследователе — сведений об образовании, об особенностях личности, более подробно о достижениях в области античной истории, не связанных с полемикой с Дж. Томпсоном¹⁵.

Четвертый раздел монографии посвящен малоизвестному, даже уникальному сюжету — «Американцы и древняя история в СССР». В нем раскрыты некоторые аспекты научной и общественно-политической деятельности двух представителей зарубежной исторической науки — Мозеса Финли и Эмили Грейс (Казакевич). Мозес Финли (Финкельштейн) был, как явствует из посвященных ему нескольких очерков, не только крупным ученым, но и активным общественным деятелем. В частности, отдельный очерк раскрывает деятельность Мозеса Финли по организации помощи СССР в годы Великой Отечественной войны. В главу включены тексты переписки М. Финли с дипломатическими работниками Посольства СССР в США — в частности, с А. А. Громыко. В книге также приводится в переводе справка о биографии и научной деятельности М. Финли, подготовленная Э. Грейс для руководства Института истории АН СССР, ряд других документов, которые прежде не были доступны и известны антиковедам. Для читателя представляют немалый интерес включенные в этот же раздел монографии две биографии — Мозеса Финли и Э. Л. Казакевич (Эмили Грейс), в которых показана непростая жизнь этих двух незаурядных личностей и крупных ученых.

Наконец, пятый раздел раскрывает историю создания Института всеобщей истории АН СССР / РАН с преимущественным вниманием к тем отделам учреждения, которые были связаны с изучением древней истории. В основе главы — материалы Архива АН СССР, рассказы старших коллег, работавших в Институте в те годы. Приводятся документальные данные о проведенных структурных реорганизациях учреждения, о штатном расписании, об установленном размере заработной платы, о бытовых условиях, в которых трудились сотрудники, о неоднократных

¹⁵ Имеется содержательный очерк о К. К. Зельине (Павловская А. И. Константин Константинович Зельин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 94–104), но он отличается краткостью и не предлагает полной характеристики научного творчества этого выдающегося ученого.

попытках разделения Института истории на два исследовательских учреждения. С. Г. Карпюк показывает, что первоначально был основан Институт истории АН СССР, но в течение нескольких первых лет его работы выявилась необходимость разделения научных исследований на те, что посвящены истории СССР и проблемам всеобщей истории. Поэтому начиная с 1940 г. руководство Института истории АН СССР ставило вопрос о разделении и создании двух институтов — Института истории СССР и Института всеобщей истории. К этому было немало препятствий — организационных, финансовых, но также и идеологических — например, желание некоторых функционеров сохранять контроль над историческими исследованиями, что было значительно проще в условиях существования одного учреждения. Все-таки такое разделение состоялось. С. Г. Карпюк отмечает, что создание отдельного Института всеобщей истории АН СССР стало следствием соединения ряда факторов — объективных и субъективных.

Книга содержит немало живых подробностей о людях, о профессиональных и личных отношениях между людьми в учреждениях Академии наук, о научных дискуссиях по важнейшим историческим проблемам. Для понимания обстановки того времени важна информация, например, о непростых взаимоотношениях ряда крупных советских ученых между собой, о сложной адаптации Э. Грейс (Э. Л. Казакевич) к жизни в СССР, об активной деятельности Мозеса Финли по оказанию помощи сражавшемуся с гитлеровской Германией Советскому Союзу и о тех гонениях, которым ученый был подвергнут в США в годы «маккартизма».

Монография С. Г. Карпюка дает основания для некоторых выводов и наблюдений общего характера, касающихся в целом советского периода в развитии отечественного антиковедения. На основе проведенного ученым анализа ясно, что к 60–70-м годам XX в. в СССР произошло возрождение антиковедных исследований, была воссоздана система подготовки кадров, появились глубокие ученые, создавались серьезные научные труды. Государство стало уделять антиковедению определенное внимание. Понятно, что в центре его заботы стояли социально-политические науки, и потому главное внимание уделялось исследованиям в области научного коммунизма, атеизма, политической экономии социализма, истории КПСС, но и другие области гуманитарного знания тоже стали пользоваться определенной поддержкой. Выразилось это в создании отделов/секторов античной археологии, древней истории в исследовательских

институтах, кафедр всеобщей истории в университетах, на которых преподавание древней истории обычно поручалось специалисту, прошедшему необходимую подготовку в аспирантуре. Была налажена подготовка кадров через аспирантуру, благодаря чему успешно готовились преподаватели университетов, педагогических институтов, сотрудники научно-исследовательских учреждений, музеев, научных библиотек¹⁶. В избранный автором монографии период советской истории стали более активно и системно осуществляться археологические исследования в Северном Причерноморье. Важно обратить внимание на возможность ведения научной дискуссии даже в те десятилетия господства идеологии, которая признавалась единственно возможной и верной. Идеологизация в преподавании и в научных исследованиях по античной истории присутствовала, но в немалой степени носила внешний, формальный, ритуальный характер. Автору этих строк при завершении работы над кандидатской диссертацией в начале 80-х годов было предложено упомянуть о том, что методологическую основу работы составляет исторический материализм, рекомендовалось сделать во введении хотя бы одну ссылку на труды К. Маркса и Ф. Энгельса; этого было достаточно. Весь остальной текст носил совершенно академический характер, лишенный какой-либо идеологизации. Подобная ситуация была типичной для антиковедных исследований того времени. Продолжая тему научных дискуссий, отметим, что к тем примерам, которые привел в своей книге С. Г. Карпюк, можно добавить обсуждение фундаментальной методологической проблемы — о формационной принадлежности древних обществ, которая развернулась в 60–70-е годы XX в. В ходе ее ставились под сомнение некоторые постулаты, казавшиеся незыблемыми, — например, о рабовладельческой общественно-экономической формации, о классово-сословной структуре античного общества¹⁷. Впрочем, значительная часть этой дискуссии проходила уже за теми хронологическими рамками, которые определил автор монографии. В тот период развития науки, о котором пишет С. Г. Карпюк, издавались монографии, статьи, сборники научных трудов, труды некоторых античных авторов. Масштабы издательской деятельности и издательские возмож-

¹⁶ См. также: Фролов Э. Д. Русская наука об античности. С. 445–447, др.

¹⁷ О дискуссиях по поводу рабовладельческой общественно-экономической формации см.: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 13–82 (литература: С. 320–335).

ности, конечно, не сравнимы с современными, тем не менее возможности опубликовать статью или даже книгу для ученого существовали. Это некоторые из соображений общего характера, на которые наводит материал рецензируемой книги.

Текст монографии хорошо вычитан, отредактирован, издан практически без опечаток. Единственное, что можно указать: на с. 327 допущена досадная промашка — удвоение фразы. С сожалением приходится отмечать, что книга С. Г. Карпюка издана малым тиражом — всего 500 экземпляров. Если принять во внимание, что курс отечественной историографии читается на всех исторических факультетах страны, ясно, что такого тиража будет совершенно недостаточно для того, чтобы удовлетворить интерес исследователей, аспирантов, студентов, а также любителей истории. Обратим внимание также на то, что иногда повествование автора книги выходит за те временные рамки (30–60-е гг. XX в.), которые определены в ее названии.

Отметим, что книга С. Г. Карпюка предлагает не обычный традиционный обзор историографии с изложением биографии ученого, его трудов и основных идей, но показывает развитие антиковедения на фоне общественно-политической жизни страны, в связи с теми процессами, которые протекали в области политики, идеологии и культуры. Разумеется, книга содержит и основательный научный анализ трудов антиковедов этого периода. Кроме того, в монографии раскрыт весьма важный аспект развития нашей науки — организационный и институциональный, показана история тех научных учреждений, которые осуществляли исследования в области древней истории. Наконец, весьма важна «биографическая» часть этой монографии, посвященная ряду ученых, информации о которых прежде было недостаточно. Монография С. Г. Карпюка полна интересных подробностей, живых деталей, которые позволяют читателю лучше понять особенности времени и деятельности того или иного ученого. В целом рецензируемая книга представляет собой важное и нужное издание, весьма основательно подготовленное, которое предоставляет читателю ценный материал по истории советского антиковедения. Значение данной книги во многом также в том, что она подсказывает и пути дальнейшей работы, и новую проблематику другим ученым, которые намерены заниматься этими вопросами, тем самым послужит хорошим стимулом к новым исследованиям отечественного антиковедения.

Использованная литература

- Арутюнян А. Ж. Жизнь и творчество Гагика Хореновича Саркисяна // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2015. Вып. 15. С. 483–490.
- Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II–I вв. до н. э. М.: Наука, 1960. — 467 с.
- Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н.э. М.: Наука, 1964. — 272 с.
- Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М.: Наука, 1969. — 244 с.
- Казаров С. С. А. Д. Дмитрев и развитие антиковедения на Дону. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного Федерального университета, 2018. — 102 с.
- Казаров С. С. Предшественники. Антиковеды Варшавского (Донского) университета (1915–1931). Ростов-на-Дону — Таганрог: Издательство Южного Федерального университета, 2020. — 144 с.
- Карпюк С. Г. Лекции по истории Древней Греции. М.: Ладомир, 1996. — 160 с.
- Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М.: ИВИ РАН, 2003. — 310 с.
- Карпюк С. Г. Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция). М.: ИВИ РАН, 2010. — 219 с.
- Климов О. Ю. Проблемы эллинистической истории в научном творчестве К. М. Колобовой // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 581–595.
- Климов О. Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010. — 400 с.
- Климов О. Ю. Рецензия: Казаров С. С. А. Д. Дмитрев и развитие антиковедения на Дону. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2018 // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2018. Вып. X. С. 280–288.
- Климов О. Ю. Предыстория антиковедения на Дону. Рецензия на: Казаров С. С. Предшественники. Антиковеды Варшавского (Донского) университета (1915–1931). Ростов-на-Дону, Таганрог, Издательство Южного федерального университета. 2020. 144 с. //

Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2020. Вып. 12. № 2. С. 211-223.

Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: Издательство Красандр, 2013. — 320 с.

Кузьмин Ю. Н., Макарова О. М. А. Е. Паршиков и история Афинской морской державы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. Вып. 14. С. 443-454.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. — 359 с.

Павловская А. И. Константин Константинович Зельин // Портреты историков. Время и судьбы. Том 2. Всеобщая история. М., Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 94-104.

Парфенов В. Н. (сост.). Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах / сост. текста, вступ. ст. В. Н. Парфенова. Саратов, 2009. — 224 с.

Скворцов А. М. Разгром античного кружка в Ленинграде (по материалам следственных дел архива ФСБ) // Вестник древней истории. 2017. Т. 77. № 1. С. 210-223.

Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2002; Издание второе, исправленное и дополненное — СПб., 2006. — 608 с.

Deubner Fr. *Bellum Asiaticum. Der Krieg der Römer gegen Aristonikos von Pergamon und die Einrichtung der Provinz Asia.* 2., überarbeitete Auflage. München: Herbert Utz Verlag, 2006. — 326 s.

Hansen E. *The Attalids of Pergamon.* Ithaca: Cornell University Press, 1971. — 531 p.

Hopp J. *Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden.* München: C. H. Beck Verlag, 1977. — XII, 167 s.

References

Deubner Fr. *Bellum Asiaticum. Der Krieg der Römer gegen Aristonikos von Pergamon und die Einrichtung der Provinz Asia.* 2., überarbeitete Auflage. München: Herbert Utz Verlag, 2006. — 326 S.

Frolov E. D. *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriographicheskie ocherki.* [Russian Science on Classical History. Historiographical essays]. SPb.: Publishing Center "Humanitarian Academy", 2002. 2nd edition, 2006. — 608 p. (in Russian).

Hansen E. *The Attalids of Pergamon.* Ithaca: Cornell University Press, 1971. — 531 p.

Harutiunian H. *Zhizn' I tvorchestvo Gagika Khorenovicha Sarkisjana* [Life and works by Gagik Khorenovich Sarkisjan] // *Mnemon. Issledovanija I publikatsii po istorii antichnogo Mira* [Mnemon. Investigationa and Publications in Ancient History]. 2015. Issue 15. P. 483-490 (in Russian).

Hopp J. *Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden.* München: Verlag C. H. Beck, 1977.

Karpiuk S. G. *Lektsii po istorii Drevney Gretsii.* [Lectures on the History of Ancient Greece]. Moscow: Ladomir, 1996. — 160 p.

Karpiuk S. G. *Obshchestvo, Politika I Ideologija v klassicheskikh Afinah.* [Society, Politics and Ideology in the classical Athens]. Moscow: IVI RAS, 2003. — 310 p.

Karpiuk S. G. *Klimat I geografija v chelovecheskom izmerenii* (Arkhaischeskaja I klassicheskaja Gretsija [Climate and geography in the Human Dimension (Archaic and Classical Greece)]). Moscow: IVI RAS, 2010. — 219 p.

Kazarov S. S. A. D. *Dmitrev I razvitije antikovedenija na Donu.* Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzniy Federalnyi Universitet Publishing House, 2018. — 102 p. (in Russian)

Kazarov S. S. *Predshestvenniki. Antikovedy Varshavskogo (Donskogo) universitets (1915-1931).* Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzniy Federalnyi Universitet Publishing House, 2020. — 144 p. (in Russian)

Klimov O. Yu. *Pergamskoje tsarstvo. Problemy politicheskoy istorii I gosudarstvennogo ustrojstva* [The Pergamon Kingdom. Aspects of political History and state system]. St.Petersburg: Filologicheskij fakultet; Nestor-Istorija Publishing House, 2010. — 400 p.

Klimov O.Yu. *Rec.: S. S. Kazarov. A. D. Dmitrev I razvitie antikovedeniya na Donu* [The peripheral Historian and his time: S.S. Kazarov. A. D. Dmitrev and the development of Classical studies on Don region]. Rostov-na-Donu; Taganrog, 2018 // *Novyi Hermes. Vestnik antichnoi istorii, arheologii I klassicheskoi philologii.* 2018. Issue X. P. 280-288 (in Russian).

Klimov O.Yu. *Prehistory of Classical Studies on Don region. Rec.: S. S. Kazarov. Predecessors. Classicists of Warsaw (Don) University (1915-1931).* Rostov-na-Donu; Taganrog, 2020. 144 p. // *Novyi Hermes. Vestnik antichnoi istorii, arheologii I klassicheskoi philologii.* 2020. Issue XII. No. 2. P. 211-223 (in Russian).

Krikh S. B. *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in the Soviet Historiography]. M.: Publishing House "Krasandr", 2013. — 320 p. (in Russian).

Parfenov V. N. (ed.). *Vladimir Grigorievich Borukhovich v vospominaniyah I pismah* [Vladimir Grigorievich Borukhovich in memories and letters] / Editor and author of preface V. N. Parfenov. Saratov: 2009. — P. (in Russian).

Pavlovskaya A. I. *Konstantin Konstantinovich Zeliin* [Konstantin Konstantinovich Zeliin] // *Portreti istorikov. Vremia I sudbi*. Vol. 2. *Vseobshchaja istorija*. Moscow, Jerusalem: Universitetskaja kniga, Gersheim, 2000. P. 94-104 (in Russian).

Skvortsov A. M. *Razgrom antichnogo kruzhka v Leningrade (po materialam FSB)* [The defeat of the classical fellowship in Leningrad (on the materials of the FSB)] // *Bulletin of Ancient History*. 2017. Vol. 77. No. 1. P. 210-223.

Zeljin K. K. *Issledovaniya po istorii zemelnyh otnoshenij v ellinisticheskom egipte. II-I vv.do n.e.* [Investigations on the history of Agrarian relations in the Hellenistic Egypt. II-I c. B.C.]. Moscow: Nauka Publishing House, 1960. — 467 p.

Zeljin K. K. *Bor'ba politicheskikh gruppirovok v Attike v VI v. do n.e.* [The Struggle of the political factions in Attica in VI c. B.C.]. Moscow: Nauka Publishing House, 1964. - 272 p.

Zeljin K. K., Trofimova M. K. *Formy zavisimosti v Vostochnom Sredizemnomorje v ellinisticheskiy period* [The Forms of Dependence in the Eastern Mediterranean of the Hellenistic period]. Moscow: Nauka Publishing House, 1969. — 244 p.

Альберт Шwegлер
Римская история: сецессия плебса и трибунат

Перевод с немецкого А. А. Павлова и Н. А. Вуттке

Альберт Шwegлер (1819–1857) прожил весьма короткую, но насыщенную жизнь, став символом служения науке. Он был старшим сыном небогатого вюртембергского священника М. Э. Шwegлера, в семье которого было еще восемь младших братьев и сестер. В 1828 г. он поступил на учебу в латинскую школу, с 1832 по 1836 г. учился в семинарии в Шентале, а с 1836 г. — в университете Тюбингена, где изучал теологию и философию. В 1841 г. защитил диссертацию в Берлинском университете, посвященную Лукиану Самосатскому. Первой его работой, которой он обратил на себя внимание, было исследование «Монтанизм и церковная история второго века» (1841). В 1843 г. А. Шwegлер стал приват-доцентом философии и литературы в Тюбингене. В 1846–1847 гг. он издает двухтомную «Краткую историю философии», которая была переведена впоследствии на ряд языков и выдержала семнадцать изданий (последнее в 1950 г.). Тем не менее главным его сочинением является, пожалуй, незаконченная «Римская история», которой он занялся после поездки в Италию в 1846 г. и получения должности профессора римской литературы и римских древностей в Тюбингене. В 1853 г. появился ее первый том (объемом в 800 страниц), посвященный царскому периоду.

ду, а в 1856 г. — второй (755 страниц), в котором рассматривалась история Рима от падения царской власти до децемвирата. А. Шwegлер полностью ушел в эту работу, оставив общественные занятия. Огромное перенапряжение, неустроенность личной жизни (он не был женат и не имел детей), скудность материального обеспечения, сопровождавшая его на протяжении жизни, привели его к истощению и ранней смерти. Третий том был издан уже посмертно в 1857 г. его учителем Ф. Бауром. Он охватывал республиканский период до законов Лициния–Секстия. «Римская история» А. Шwegлера во многом продолжала традиции Б. Г. Нибура, однако стала первым поистине фундаментальным трудом по истории Древнего Рима. Вместе с тем вскоре после выхода в свет «Римской истории» Т. Моммзена она оказалась в ее тени и известна сегодня только специалистам.

Трибунат

[260] На двух магистратах, чье происхождение традиция возводит к первой сецессии и которые с этого момента фигурируют в римской истории, необходимо остановиться подробнее. Остановимся сначала на трибунате¹.

Первоначальная трибунская *potestas*² состояла в соответствии с единогласным мнением традиции в *jus auxilii*, то есть

¹ Библиография: *Soldan A. F.* De origine, causis et primo tribunorum plebis numero. Hanov., 1825; *Schirmer K.* De trib. pot. origine ejusque ad XII tabulas progressu. Torini, 1826; *Newman F. W.* On the growth of the tribune's power before the decemvirate // *Classical Museum.* 1849. VI. P. 205 ff.; *Bender C. L.* De intercessione tribunicia. Part. I–II. 1842, 1850 (Programme des altstädtischen Gymnasiums zu Königsberg); *Schoenebeck.* De potestate tribunicia (Progr. des Gymnasiums in Bromberg, 1851); *Rein A.* Tribuni plebis in Pauly's R. E. VI. 2100–2116.

² Трибуны обладали *potestas* (potestas tribunicia — *Liv.* II. 35, 3; 43, 4; 44, 2; 54, 5; III. 41, 5; 55, 10; 56, 1; IV. 3, 6; 26, 10; 44, 5; V. 11, 3; VIII. 34, 6; 35, 5), но не *imperium*. *Liv.* VI. 37, 4: non posse aequo jure agi, ubi imperium penes illos (patricios), penes se auxilium tantum sit. Мы сталкиваемся с грубым невежеством в сфере употребления государственно-правовой терминологии у Веллея Патеркула, когда тот говорит (II. 2, 3): Tib. Gracchus Octavio college imperium abrogavit. Поскольку трибуны не обладали *imperium*, то у них не было и ликторов (*Plut. Q. R.* 81), только посыльные — *victores* (*Liv.* II. 56; III. 56; *Val. Max.* IX. 1, 8; *Varr.* ap Gell. XIII. 12, 6).

в праве защищать плебеев, которые обращались к ним за помощью, от злоупотреблений консульской должностной власти³. Для оказания этой помощи [261] требовалось их личное присутствие и вмешательство⁴. Поэтому, чтобы нуждающиеся в защите могли обратиться к ним в любое время дня и ночи⁵, они не должны были оставаться на ночь в поле⁶ или отсутствовать весь день в Риме⁷; двери их дома должны были всегда оставаться открытыми — и днем, и ночью⁸. Чтобы гарантировать возможность реализовывать это право защиты в любых обстоятельствах, им была предоставлена привилегия личной неприкосновенно-

³ *Jus auxilii* засвидетельствовано в следующем пассаже Ливия (II. 33): concessum est in conditions, ut plebe sui magistratus essent sacrosanct, quibus auxilii latio adversus consules esset. II. 35, 3; III. 9, 11; 13, 6; appellati tribuni jus auxilii sui expedient; 55, 6; 67, 9; IV. 53, 2; VI. 27, 9; 37, 4; IX. 26, 16; 34, 3; X. 37, 9; XXXIX. 5, 4; *Dionys.* VI. 87; VII. 17; IX. 46; X. 4; *Flor.* III. 13, 1; *Plut.* Coriol. 7; *App.* B.C. I. 1, 33; *Dio Cass.* fr. 17, 15; *Eutrop.* I, 13; *Zonar.* VII. 15; *Cic.* Quint. 20, 63; per eum magistratum, qui auxilii causa constitutes est; *Leg.* III. 3, 9; 7, 16; *Gell.* N.A. XIII. 12, 9; *Fest.* s.v. Sacer mons. P. 318; *Isid.* IX. 4, 18.

⁴ *Gell.* N. A. XIII. 12, 9: tribuni plebis antiquitus creati sunt intercessionibus faciendis, ut injuria, quae coram fieret, arceretur; ac propterea jus abnoctandi ademptum, quoniam ut vim fieri vetarent, adsiduitate eorum et praesentium oculis opus erat. Для древнейшего времени едва ли возможно то, что допускает Зонара (VII. 15), говоря о том, что апелляции к отсутствующему трибуну было достаточно, чтобы воспрепятствовать магистратскому процессу. Волерону Публилию, например, обращение к трибунам не помогло, так как они не появились. *Liv.* II. 55.

⁵ Техническое выражение для этого — *appellare tribunos*: *Liv.* II. 55, 4; III. 13, 6; 56, 5, 11; IV. 53, 8; 56, 10; VIII. 33, 8; IX. 26, 10; 34, 26; XXXIII. 42, 4; XXXVI. 3, 5; XXXVII. 51, 4; XXXVIII. 52, 8; XLII. 32, 7; XLIII. 16, 5, 10; *Cic.* Sest. 64, 135; Quint. 7, 29; 20, 63; Tull. 38; Vat. 14, 34; *Plin.* H. N. XXI. 6, 8. *Provocare ad tribunos* — неправомерное выражение, которое появляется только у поздних авторов. См.: *Becker W. A.* Handb. II. 2, 265, прим. 661; *Marquardt K. J.* Handb. II. 3, 158, прим. 683.

⁶ *Gell.* N. A. XIII. 12, 9: tribunis jus abnoctandi ademptum, quoniam, ut vim fieri vetarent, adsiduitate eorum ad praesentium oculis opus erat. *Serv.* Aen. V. 738: cum tribunum plebis abnoctare ab urbe non liceret, licebat tamen exire post noctem mediam et ante mediam reverti. *Dionys.* VIII. 87; *Dio Cass.* XXXVII. 43.

⁷ *Gell.* N. A. III. 2, 11: tribuni plebei, quos nullum diem abesse Roma licet. *Macrob.* Sat. I. 3, 8.

⁸ *Plut. Q. R.* 81: ὅθεν οὐδ' οἰκίας αὐτοῦ κλείεσθαι νενόμισται θύραν, ἀλλὰ καὶ νύκτωρ ἀνέφωγε καὶ μεθ' ἡμέραν, ὥσπερ λιμὴν καὶ καταφυγὴ τοῖς δεομένοις.

сти: они считались *sacrosancti*⁹. Тот, кто покушался на них, препятствуя [262] им исполнять их право защиты, считался *sacer*¹⁰, он мог быть убит безнаказанно каждым¹¹. Его имущество конфисковывалось и посвящалось Церере¹². Чтобы избавиться окончательно от фальсификации трибуната, было установлено, якобы уже в подкрепленном клятвой соглашении сословий, что ни один патриций не должен занимать эту должность¹³.

Защитительное право трибунов и прочая их должностная власть [263] касались первоначально только плебса¹⁴; трибуны

⁹ Liv. II. 33: ut plebe sui magistratus essent sacrosancti. III. 55, 6: ipsis tribunis, ut sacrosancti viderentur, renovarunt; 55, 10: tribunos veteri jure jurando plebis, cum primum eam potestatem creavit, sacrosanctos esse; IV. 3, 6: sacrosancta potestas; 6, 7: tribuni, quos foedereicto cum plebe sacrosanctos accepissent; 44, 5: potestatis sacrosanctae; IX. 8, 15; 9, 1; XXIX. 20, 11; Dionys. VI. 89; VII. 22, 45, 50; VIII. 87; IX. 1, 44, 48; X. 39; XI. 55; Val. Max. VI. 1, 1, 7; 5, 1, 4; Plin. H. N. VII. 45, 143; Flor. III. 15, 6; Plut. Tib. Gracch. 14; 15; 21; C. Gracch. 3; Q. R. 81; App. B. C. I. 13, 33; II. 33, 108; 138; IV. 17, 93; Dio Cass. LIII. 17, 9; Fest. s. v. Sacrosanctum. P. 318; Zonar. VII. 15. Впрочем, трибуны пользовались неприкосновенностью только в пределах одной мили от городской черты, Liv. III. 20: neque enim provocationem esse longius ab urbe mille passuum, et tribunos, si eo veniant, in alla turba Quiritium subjectos fore consulari imperio. App. B. C. II. 31; Dio Cass. LI. 19.

¹⁰ Ссылки на источники см. выше, с. 253, прим. 3. Правонарушение, за которым следовало *consecratio bonorum*, определяется в источниках по-разному. Cic. Tull. 47: lex antiqua de legibus sacratis jubet impune occidi eum, qui tribunum plebis pulsaverit; Liv. III. 55: (восстановленный lex sacrata требовал) ut qui tribunis plebis nocuisset, ejus caput Jovi sacrum esset; Dionys. VI. 89: (lex sacrata установил) δημάρχων ἄκοντα μηδεὶς ἀναγκάζετω δρᾶν; X. 32: (в соответствии с подкрепленным клятвой законом) οὐδεὶς συνεχωρεῖται, πράττειν οὐδὲν ἐναντίον δημάρχῳ; X. 42: (священные законы запретили) ἀναγκάζειν τοὺς δημάρχους ὑπομένειν τι τῶν ἀβουλήτων; Zonar. VII. 15: (законом было установлено, что тот должен был стать sacer) ὅστις δημάρχῳις ἔρωφ ἢ λόγῳ προσκρούσῃ.

¹¹ Ссылки на источники см. выше, с. 254, прим. 2.

¹² Ссылки на источники см. выше, с. 255, прим. 3.

¹³ Liv. II. 33: neve cui partum capere eum magistratum liceret; IV. 25: majores suos cavisse, ne cui Patricio plebeji magistratus paterent; Cic. Sest. 7, 16: constrictum legume sacratum catenis; de provinc. cons. 19, 46: si patricius tribunus plebis fuerit, contra leges sacratas fuisse; Paul. Diac. Plebeium. P. 231; Zonar. VII. 15.

¹⁴ Liv. II. 56: consul Appius negare, jus esse tribuno in quemquam, nisi in plebeium. Лелий Феликс у Геллия (XV. 27, 4): tribuni neque advocant patricos,

были магистратами только плебса (*magistratus plebis*), а не народа (*magistratus populi*)¹⁵, что могло с патрицианской точки зрения в древнейшие времена рассматриваться таким образом, что они не были магистратами¹⁶.

Обладая первоначально столь ограниченными полномочиями, трибунская власть со временем превратилась в неограниченную, довлеющую над всем государством. Эта эволюция приходится в значительной мере на период борьбы сословий. Впоследствии мы остановимся сначала на тех полномочиях, которые приобрела трибунская власть ко времени децемвирата.

Из *jus auxilii* уже в раннее время возникает *jus intercedendi*. Первоначально трибунам принадлежало право защищать отдельного плебея от произвола магистрата. Они не могли препятствовать общим предписаниям власти, требованиям консула или сената: так, например, они не могли запретить консулу набирать войско, собирать налоги; но они могли заявить, что будут защищать всякого отдельного плебея, который стал бы отказываться от набора в войско или от уплаты налогов, против принуждения или исполнения этого предписания власти, *auxilio se futuros*¹⁷. Само собой разумеется, что такое предложение [264] трибунов охотно принималось всеми теми, кто хотел освободиться от этих тягот, так что в большинстве случаев применение

neque ad eos referre ulla de re possunt. Тем не менее уже в раннее время также и патриции обращаются к трибунам за помощью. См.: Liv. III. 13, 6; III. 56, 5; VIII. 33, 7; IX. 26, 12, 16; IX. 34, 26.

¹⁵ Liv. II. 35, 3: auxilii non poenae jus datum illi potestati, plebisque non partum tribunos esse; 56, 12: non populi sed plebis eum magistratum esse.

¹⁶ Liv. II. 56: (tribunorum) privatam esse clamitans, sine imperio, sine magistratu; Plut. Q. R. 81; Zonar. VII. 15: δύο προστάτας ὡς ἀρχήν τινα ἀπεδείκνυσαν — τὸ γὰρ τῶν ἀρχόντων ὄνομα οὐκ ἔσχον εὐθύς. Все же уже с древнего времени они именуются у Ливия *plebeji magistratus*: II. 33, 1; 34, 9; 44, 9; 56, 2, 12; III. 39, 9; 52, 8; 59, 4; IV. 25, 11; VI. 11, 7; 34, 4; 41, 5.

¹⁷ Например: Liv. III. 11, 1: ex parte altera consules in conspectu tribunorum positos sellis delectum habebant. eo decurrunt tribuni, contionemque secum traxunt. citati pauci velut rei experiundae causa, et statim vis coorta. quemcunque lector jussu consulis prendisset, tribunus mitti jubebat; III. 30, 3: inde posito legis certamine nova de delectu contentio orta, vincebaturque consulare imperium tribunicio auxilio; IV. 30, 15; 53, 2: ad quorum famam hostium delectum habentem Valerium consulem M. Menenius tribunus plebis, legis agrariae lator cum impediret, auxilioque tribuni nemo invitus sacramento diceret; 60, 5: postremo indicto jam tribune edixerunt tribuni, auxilio se futuros, si quis in militare stipendium tributum non contulisset.

jus auxilii, то есть защита всех не желавших исполнять приказ, оказывалось равным препятствованию самому приказу. Из этого видно, как в праве предоставления помощи уже зарождались ростки интерцессии, которая постепенно должна была развиться из него. Интерцессия трибуната возникает первоначально только при тех решениях сената, для препятствования которым было достаточно *jus auxilii*. Но трибуны и в раннее время прибегали к возражению тогда, когда не могли прибегнуть к интерцессии, опирающейся на трибунское право помощи, — например, против проведения комиций, против слушаний дела и принятия решения в сенате¹⁸. Если задаться вопросом, как они приобрели это более широкое право *intercessio*, то ответ будет таков: через искусное применение *ius auxilii*. Если трибуны когда-то и обладали властью делать неисполнимыми те решения сената, которые предписывали набор войска или оплату военного налога, то сенат должен был считать благоразумным [265] принимать во внимание их возражение и при других подобных решениях, чтобы не оказаться в ситуации, когда именно возражение трибуна препятствовало бы реализации того и другого часто крайне необходимого и безотлагательного сенатского постановления¹⁹. Для него должно было быть более желательным, если бы трибу-

¹⁸ Первый пример такой интерцессии появляется в 295 г. *Liv.* III. 24: in mora tribuni errant, qui comitia quaestores habere de reo (по поводу обвиненного Вольствия Фиктора) se passuros negabant. 25: tribuni iudicium de Volscio impediabant. Согласно Дионисию (VIII. 90), трибуны еще в 271 г. препятствовали проведению комиций для избрания консулов, но все повествование здесь у Дионисия является столь путанным, что следует отказаться от содержащейся в нем информации. Примеры интерцессии от времени децемвирата. *Liv.* IV. 6: consules, quum per senatum, intercedentibus tribunis, nihil agi posset, consilia principum domi habebant (в 309 г.); IV. 43: quum senatus consules, quam tribunos creari mallet, neque posset per intercessiones tribunicias senatusconsultum fieri, respublica a consulibus ad interregnum, neque id ipsum (nam coire patricos tribuni prohibebant) sine ingenti certamine redit (в 333 г.); IV. 50: tribunis militum per senatum quaestiones decernentibus tribuni plebis intercedebant. — quum senatusconsultum fieri tribuni plebis non paterentur, iidem intercederent consularibus comitiis, res ad interregnum rediit (в 340 г.); *Dionys.* XI. 54. Термин *veto* впервые появляется у *Ливия* (VI. 35) во время борьбы вокруг лициниевых законопроектов.

¹⁹ *Hoffman F.* Der römische Senat. S. 121 ff. Так Канулей угрожает с тем, чтобы сенат вынудить принять его рогацію: nunquam consules se vivo delectum habituros, antequam ea, quae promulgate a se collegisque essent, plebes scivisset (*Liv.* IV. 1, 6).

ны заранее высказали свое возражение в отношении неугодного им сенатского решения, чем впоследствии бы препятствовали его исполнению. Таким образом, *jus intercessionis* постепенно стал формальным и признанным правом трибунов.

Кроме того, трибуны уже в очень раннее время претендовали и пытались применять *jus prensionis*, то есть право арестовывать римского гражданина, в том числе высшего магистрата, и отводить его в тюрьму²⁰. Они бесспорно пользовались им впоследствии²¹, в силу чего стало *jus prensionis* признанным правом трибуната²².

Права присутствовать на заседаниях сената, права, которым трибуны первоначально не обладали²³, да и не могли обращаться к нему [266] в своей должностной деятельности, они добились в достаточно раннее время. Однако отдельные этапы и шаги в развитии этого трибунского права более точно установить невозможно, так как деталь, которую Дионисий сообщает об этом, сомнительна; но что трибуны это право постепенно приобрели для себя, необходимо признать на основе вероятности, даже если это не было прямо зафиксировано в традиции²⁴. Согласно традиции, развитие этого спорного права происходило следующим образом. Первоначально трибуны, поскольку не имели права входить в зал заседания, слушали сенатские прения у дверей курии, сидя на своих скамьях²⁵: это не могло быть им воспреще-

²⁰ Примеры раннего времени: *Liv.* II. 56: adolescents nobiles srabant, nihil cedentes viatori. tum ex his prehendi quosdam Laetorius jubet; (и ниже) ardens ira tribunus viatorem mittit ad consulem (чтобы схватить его). *Dionys.* IX. 48: (Трибун Леторий заявил), ὅτι τὸν ὑπάτου εἰς φυλακὴν κελεύουσιν οἱ δήμαρχοι ἄγεσται. καὶ ὁ μὲν ὑπρέτης κελευσθεὶς ὑπ' αὐτοῦ προσῆγεν ὡς τοῦ σώματος ἐπιληψόμενος. X. 34.

²¹ Многочисленные примеры этого у Беккера (*Becker W. A.* II. 2, 284, прим. 721, 722). К ним можно еще добавить следующие: *Liv.* XXIX. 20, 11; *App.* B.C. IV. 17; *Plut.* Crass. 16; *Jul. Caes.* 61; *Q.R.* 50; *Dio Cass.* XXXIX. 39; *Zonar.* VII. 15; καὶ ὑπάτους ἔβαλλον εἰς τὸ δεσμωτήριον.

²² О *jus prensionis* трибунов превосходно повествует Геллий (N.A. XIII. 12), где со ссылкой на Варрона и Антистия Лабеоны утверждается, что tribunos plebis prensionem habuisse moribus majorum; vocationem (то есть право вызывать отсутствующего) veteri jure non habuisse.

²³ См. приведенные места в прим. 2 на с. 266.

²⁴ *Zonar.* VII. 15.

²⁵ *Val. Max.* II. 2, 7: tribunis plebis intrare curiam non licebat: ante valvas autem positae subselliis decreta partum attentissima cura examinabant, ut si qua ex iis improbasset, rata esse non sinerent. *Zonar.* VII. 15: τὸ μὲν πρῶτον

но в силу их личной неприкосновенности. Вскоре мы обнаруживаем их присутствующими в сенате, сначала по приглашению консула, затем без такового, по собственному желанию, чтобы вносить предложения в интересах их сословия или выдвигать свои претензии. Трибун Ицилий в 298 г. вынужден был даже принудить консула созвать сенат, намереваясь внести в сенат от себя рогацию (*lex de Aventino publicando*) и получить от него *auctoritas*²⁶. После децемвирата трибуны имели неограниченный доступ к заседаниям сената. Теперь они могли вследствие *lex Valeria Horatia* претендовать на это право в силу своей должностной деятельности: так как этот *lex*, который трибутные комиции в законодательной сфере приравнивал к центуриатным комициям, обязывал их всякий раз, когда они намеревались внести законодательную рогацию, предварительно обсуждать ее в сенате и получать его *auctoritas*²⁷.

[267] Помимо этого, трибуны уже в очень раннее время пользовались *jus cum plebe agendi* и на его основе вносили на голосование в особое собрание плебса законодательные рогации и принимали по ним решения.

Наконец вскоре после сецессии они присвоили себе важное право вызывать на суд плебса патрициев, которые нарушили клятвенный договор между сословиями, консулов, которые провинились своим противостоянием аграрным законам, сокрытием от плебса военных трофеев или неудачным ведением войны, что привело к печальным последствиям для государства, и требовать приговорить их к крупным штрафам или даже к смертной казни.

Из всего этого видно, что развитие трибуната шло большей частью по пути узурпации. Ни одно новое право не становилось частью трибунской власти, которое бы трибуны уже задолго до того не использовали, прежде чем оно признавалось правом как таковым. Если задаться вопросом, как стало возможным придать их власти столь безграничную широту, то ответ будет

таков: поскольку против их притязаний не существовало никакого законного способа или эффективного средства. Трибуны пользовались привилегией личной неприкосновенности; они не несли ответственности за свои должностные действия²⁸; наконец, они в соответствии с правом интерцессии обладали страшным оружием против любого сопротивления²⁹. Эта неприкосновенность, которая была придана трибунам с целью защиты их личности, стала для них вскоре побуждающим и стимулирующим фактором для активных действий: под прикрытием этой привилегии они заполучили одно право за другим, и то, [268] что первоначально было просто присвоенным и терпеливо сносилось, становилось со временем обычным правом.

На этом пути трибунат развился в институт, который приобрел столь специфическое и исключительное положение в римской государственной конституции, что можно только удивляться, как долго он мирно взаимодействовал с иными государственными институтами. Это была должность, против злоупотреблений которой не было никаких законных средств; ее обладатели были не только неподсудны, но и лично неприкосновенны, так что, согласно строгому праву, никто не мог наложить на них руку, чтобы препятствовать им даже при совершении преступления, убийства³⁰; должность, которая дает ее носителям

²⁸ Беккер (II. 2, 272) говорит: «Трибуны считались не только неприкосновенными во время исполнения ими служебных обязанностей, но также никто не мог потребовать от них отчета за их действия во время нахождения в трибунате и после сложения ими должности. Если нигде о том прямо не сказано, то в противном случае должны были быть известны примеры удачных их обвинений». Тем не менее имеется и очевидное свидетельство безответственности трибунов. У Дионисия (IX. 44) трибунат назван ἀρχὴ ἀνυπεύθυνος.

²⁹ О чем также говорит Дион Кассий (Zonar. VII. 15): τοῦ χρόνου προϊόντος πολλὰ αὐτοῖς ἐπέτρεψαν οἱ δήμαρχοι. ὁ γὰρ ποιεῖν αὐτοῖς οὐκ ἔξῃν, κατώρθουν ἐκ τῆς ἀνανταγωνίστου πρὸς πᾶν τὸ πρᾶττόμενον ὑψ' ἐτέρων ἐναντιώσεως (то есть благодаря праву интерцессии, против которого не имелось никакого средства воспрепятствования).

³⁰ Таким странным процессом является попытка трибуна Атиния скинуть цензора Метелла с Тарпейской скалы из личной мести. Liv. Ep. 59: C. Atinius Labeo tribunus plebis Q. Metellum censorem, a quo in senatu legend praeteritus erat, de saxo dejici jussit; quod ne fierit, ceteri tribuni plebis auxilio fuerunt. Plin. H. N. VII. 45, 143: Q. Metellus in ipso flore dignationis suae ab C. Atinio Labeone, tribuno plebis, quem e senatu censor ejecerat, revertens e campo meridian tempore vaeno foro et Capitolio ad Tarpejum

οὐκ εἰσῆσαν εἰς τὸ βουλευτήριον, καθήμενοι δὲ ἐπὶ τῆς εἰσόδου τὰ ποιούμενα παρῆτηρον καὶ, εἴ τι μὴ αὐτοῖς ἤρεσκε, παραχρήμα ἀνθίσταντο.

²⁶ Dionys. X. 31: Ср.: Zonar. VII. 15: τοῦ χρόνου προϊόντος καὶ τὴν γερουσίαν ἀθροῖζειν οἱ δῆμαρχοι αὐτοῖς ἐπέτρεψαν.

²⁷ Более подробно о присутствии трибунов в сенате и их участии в сенатских слушаниях см. у Хоффмана (Der röm. Senat. 1847. S. 109 ff.), Райна (Jahn's Jahrb. Bd. 58. 1850. S. 230 ff.) и в реальной энциклопедии (R. E. Bd. VI. S. 2106).

право останавливать всю политическую жизнь государства посредством единственного приказа, запрещать проведение народных собраний, сенатских заседаний, не является нормой в хорошо организованном государстве. То, что с трибунатом долгое время не было никаких злоупотреблений, свидетельствует не о целесообразности этого института, а только демонстрирует политическую мудрость римлян.

Тем не менее не следует оставлять без внимания наряду с этими темными сторонами также и светлую сторону этого странного института. Трибунаат способствовал прежде всего тому, чтобы гарантировать непрерывное и законное развитие римской конституционной системы, а республиканскому конституционному устройству — столь долгое и безмятежное существование. В Греции не раз появлялись тираны из предводителей угнетенного или недовольного простонародья, из *προστάτης* [269] *τοῦ δήμου*³¹. В Риме, напротив, учреждение трибуната, законного органа для выражения интересов и требований низших классов, направило оппозицию на путь регламентированной деятельности и предотвратило политические перевороты и насилие со стороны народных низов. В трибунах плебс приобрел законных представителей, от которых, если ему была причинена обида, он ожидал помощи, что могло действовать успокаивающе³². Трибунские собрания, которые, хотя и могли происходить весьма живо, служили скорее успокоению политических страстей, тогда как не находящая выхода кипящая страсть

задавленного населения часто оказывается весьма разрушительной.

Трибунаат все же был важен не только потому, что предотвращал незаконные взрывы возмущения: что весьма положительно сказалось на укреплении римской конституции того времени: он был подлинным двигателем развития римской конституции. Трибуны, согласно своему призванию быть гласом законной оппозиции, полагали, что благодаря своему положению они могут настаивать на реформировании существующих порядков и на ликвидации злоупотреблений. Именно это постоянное реформирование, это никогда не останавливающееся развитие и есть закон жизни государства; и только благодаря неутомимому, непрерывному совершенствованию и движению вперед римская конституция столь долгое время оставалась в полном здравии. Как только это движение остановилось и ее развитие перестало идти в ногу с развитием общественных отношений, ее жизненная сила была ею утрачена и началось разложение государства.

[270] Выше римский трибунаат был рассмотрен только с точки зрения его политической роли, которую он играл в государственной жизни. Но трибунаат древнейшей республики имел также и другую сторону, в соответствии с которой он должен быть рассмотрен: он был высшим органом плебейской общины. Можно предполагать, что он обладал в этом качестве довольно пространными полномочиями и кругом обязанностей, так как плебс образовывал тогда еще в административном и религиозно-культурном отношении закрытую от патрицианского гражданства четко обособленную общину, с внутренними нормами которой патрицианские магистраты не могли иметь дела. Также то обстоятельство, что эдилы, которые были заняты административной и полицейской деятельностью в плебейской общине, обозначены в источниках как помощники и секретари трибунов³³, позволяет допустить, что трибуны древнейшего времени были не только защитниками и представителями плебса, но и его должностными лицами. Какие должностные обязанности вменялись трибунам в этом качестве, источниками точно не передано: только одна из функций достаточно хорошо засвидетельствована, та, что они имели судебные полномочия и отправляли правосудие между плебеями³⁴. Это сообщение

raptus, ut praecipitaretur, convolante quidem numerosa illa cohort, quae patrem eum appellabat, sed tarde et tanquam in exsequias, cum resistendi sacroquesanctum repellendi jus non esset, virtutis suae opera et censurae periturus, aegre tribune qui intercederet reperto a limine ipso mortis revocatus est. alieno beneficio postea vixit, bonis inde etiam consecratis a damnato suo. 146: inter tot Metellos haec tam scelerata C. Atini audacia semper fuit inulta.

³¹ *Hdt.* III. 82; *Plat.* *Rep.* VIII. 565d: τοῦτο ἄρα δήλον, ὅτι, ἐάνπερ φύεται τύραννος, ἐκ προστατικῆς ρίψεως καὶ οὐκ ἄλλοθεν ἐκβλάστανει. *Arist.* *Pol.* V. 4, 4: σχεδόν οἱ πλείστοι τῶν ἀρχαίων τυράννων ἐκ δημαγωγῶν γεγύνασιν. *Dionys.* VI. 60. *Hermann Fr.* *Lehrb. d. griech. St. A.* 4 Aufl. S. 63, прим. 3, 4.

³² *Liv.* II. 35: in exeuntem e curia Coriolanum impetus factus esset, ni peropportune tribuni diem dixissent. ibi ira est suppressa. Se judicem quisque inimici factum videbat. *Cic.* *Leg.* III. 10, 23: nimia potestas est tribunorum plebis. quis negat? sed vis populi multo vehementior multoque saevior, quae, ducem quod habet, interdum lenior est, quam si nullum haberet. Dux enim suo se periculo progredi cogitate: populi impetus periculi sui rationem non habet.

³³ См. ниже, с. 276, прим. 5.

³⁴ *Dionys.* VI. 90: (эдилам подобало) ὑπηρετεῖν τοῖς δημάρχοις, ὅσων ἂν

кажется вполне достоверным: можно предполагать, что в те времена судебные процессы между плебеем и плебеем рассматривались плебейскими магистратами.

Относительно первоначального числа трибунов традиция неоднозначна. В целом источники едины в том, что на Священной горе ушедший плебс избрал двух трибунов³⁵: кажется, что эта традиция является древнейшей. [271] Но затем сведения авторов расходятся. По одной традиции, представителем которой является анналист Пизон, число трибунов оставалось неизменным до *lex Publilia*, то есть до 283 г., когда впервые при выборах трибунов в указанном году на 284 г. были избраны пять трибунов³⁶. По другой традиции, напротив, два избранных на Священной горе трибуна посредством кооптации прибавили к двум прежним еще трех коллег³⁷: так что, согласно этой традиции, трибунская колле-

δέονται, καὶ δίκας, ὅς ἂν ἐπιτρέψωνται ἐκεῖνοι, κρίνειν. *Lid. Mag.*: I. 38: δύο πλήθος προεχειρίσατο δημάρχους, ὡς' αὐτοὺς διαίταν τοῖς δημόταις. I. 44. *Zonar.* VII. 15: τοῦ χρόνου προϊόντος — οἱ δήμαρχοι καὶ δικάζειν ἐπετρέπησαν ἢ ἑαυτοῖς ἐπέτρεψαν.

³⁵ *Cic. Rep.* II. 34, 59; *Cornel. fr.* 23; *Liv.* II. 33, 2; *Zonar.* VII. 15; *Lyd. Mag.* I. 38. Ср. с вышеупомянутым сообщением информацию Аскония у Цицерона: *Cic. Cornel.* p. 76 *Orell.*: ceterum quidem non duo tribunos plebis, ut Cicero dicit, sed quinque tradunt creatos tum esse, singulos ex singulis classibus. sunt tamen, qui eundem illum duorum numerum, quem Cicero, ponant, inter quos Tuditanus et Pomponius Atticus Liviusque noster. idem hic et Tuditanus adjiciunt, tres praeterea ab illis duobus colleges creatos esse.

³⁶ *Liv.* II. 58, 1: tum primum (в 283 году) tributis comitiis creati tribuni sunt. Numero etiam additos tres, perinde ac duo antea fuerint, Piso auctor est. Соответственно и в другом месте у Ливия (II. 33, 3) подразумевается Пизон, когда он говорит: sunt, qui duos tantum in Sacro monte creatos tribunos dicunt. *Zonar.* VII. 15: (плебеи) проοτάτας αὐτίκα ἐξ ἑαυτῶν δύο προεχειρίσαντο, εἶτα καὶ πλείους ἴν' εἶεν αὐτοῖς κατὰ συμφορὰν βοηθοί. В отличие от предположения Беккера (*Becker W.A. Handb.* II. 2, 251, прим. 626) этот пассаж, по-видимому, скорее лучше соотносить с ниже приведенным пассажем Ливия, что сначала были избраны только два трибуна и они затем доизбрали в состав коллегии посредством кооптации трех коллег. Эта кооптация последовала непосредственно за избранием, в то время как использование Зонарой слова εἶτα предполагает некий длительный временной отрезок. Если Цицерон (*Cornell. fr.* 23) указывает, что на Священной горе было избрано два трибуна, а через год их стало десять, то это последнее утверждение является явно ошибочным. По единогласной традиции до десяти число трибунов было увеличено только в 297 г.

³⁷ *Liv.* II. 33, 2: ita tribuni plebei create duo: ii tres colleges sibi creaverunt. Эта традиция, согласно Асконию (см. выше: *Cic. Cornel.* P. 76), восходит к анналисту Г. Семпронию Тудитану.

гия уже с первого года состояла из пяти членов³⁸. К этим двум традициям добавляется и третья, согласно которой уже изначально на проведенных на Священной горе выборах были избраны пять трибунов³⁹.

Традиция единогласна в том, [272] что коллегия трибунов с 283 до 297 г. насчитывала пять членов. В 297 г. число трибунов было доведено до десяти⁴⁰, и это число осталось и впоследствии.

Имена избранных впервые трибунов сохранены традицией⁴¹; но сведения расходятся, и можно сомневаться в том, имеется ли о том достоверная информация. Особенно подозрительная фигура — это трибун Юний Брут, который у Дионисия, как руководитель и представитель ушедшего из Рима плебса, играет важную, но маловероятную роль⁴².

³⁸ О пяти трибунах Ливий говорит под 274 г. (II. 44): quattuor tribunorum adversus unum auxilio. Но также о двух (II. 43, 4): ejus college; 54, 9.

³⁹ См. *Dionys.* VI. 89; *Plut. Coriol.* 7.

⁴⁰ *Liv.* III. 30; *Dionys.* X. 30; *Zonar.* VII. 17.

⁴¹ *Liv.* II. 33: ita tribuni plebei create duo, C. Licinius et L. Albinus. Ii tres colleges sibi creaverunt. In his Sicinium fuisse, seditionis auctorem; de duobus, qui fuerint, minus constat; III. 54: C. Sicinius, progenies ejus, quem primum tribunum plebis creatum in Sacro monte, proditum memoriae est. Согласно Дионисию (VI. 89; VII. 14; XI. 28), на Священной горе сначала были избраны Л. Юний Брут и Г. Сициний Беллут, предводитель восставшего плебса; наряду с ними καὶ ἔτι πρὸς τούτοις Гай и Публий Лицинии и Гай Ицилий Руга (согласно Дионисию [VII. 26], правильным вариантом является именно Руга). *Plut. Coriol.* 7: (согласно ему, плебеи добились права избирать пять трибунов) εἰλοντο πρῶτους, οἷς ἐχρήσαντο καὶ τῆς ἀποσάσεως ἡγεμόσι, τοῖς περὶ Βροῦτον Ἰοῦνιον καὶ Σικίνιον Βέλλουτον. Асконий (*Cic. Cornel.* P. 76): nomina duorum, qui primi create sunt, haec traduntur: L. Sicinius L. F. Bellutus, L. Albinus C. F. Paterculus (где, однако, поставлена конъектура Альбиний: в издании Принцепса и Альдо — Лавиний, в *Cod. Laug.* LIV, 27 согласно замечанию Нибура (*R. G.* I. 646, прим. 1357) — Лактиний). *Lyd. Mag.* I. 44: ἐχειροτόνεσεν ὁ δῆμος δύο δημάρχους ἑαυτῶ, Γάιον Λικίνιον καὶ Λούκιον Ἀλβίνον. *Suid.* Δήμαρχοι. P. 1243, 15: ὁ δῆμος δημάρχους εἶλετο Σικίνιον καὶ Βροῦτον.

⁴² *Dionys.* VI. 70. Он появляется у него также в течение двух последующих лет в качестве эдила (VII. 14), причем играет ту же роль хитрого и смелого демагога. Об этом Юнии Бруте, который играет столь замечательную роль, Ливий не говорит ни слова — доказательство того, что древние анналисты о нем еще ничего не знали. Не появилось у них еще и его имени. Кроме Дионисия, только Плутарх и Суда упоминают о его деятельности (см. предыдущее примечание), но биография Кориолана у Плутарха построена главным образом на сведениях, содержащихся у Дионисия (см.

[273] О способе избрания, который имел место при появлении трибунов, речь пойдет ниже в связи с рассмотрением *lex Publilia*. Из него становится ясно, что трибуны издавна избирались в особых собраниях плебса, то есть в трибутных комициях.

выше, с. 24), и информация у Суды также может опосредованно восходить к Дионисию. На этом основании можно предположить, что этот Юний Брут есть чистая выдумка. Это подозрение усиливается из-за того, что весь образ Брута, выписанный у Дионисия, несет отпечаток неестественности и авантюриности. Льюис (*Lewis G. C. An inquiry into the credibility of the early roman history. L., 1855. Vol. II. P. 69*) неплохо отзывается об этом Юнии Бруте: «Он описан Дионисием как нечто среднее между Терситом и Клеоном». Также Ине (*Forschungen. S. 48, 69*) считает трибуна Юния Брута неисторичным — точнее, указывает на путаницу с наименованием должности *tribunus celerum* патриция Брута, основателя Республики. Я склоняюсь к тому, что этот Юний Брут является продуктом рефлексии; его появление связано, вероятно, с именем М. Юния Брута, убийцы Цезаря; этот двойник патрицианского Брута, учредителя Республики, был выдуман в комментарии или хронике рода (см. выше), чтобы приписать также и учреждение плебейской свободы Юнию Бруту.

Аннотации

И. Ю. Шауб. Греческая и догреческая религия в трудах Ю. В. Андреева

В научном наследии выдающегося российского специалиста по истории Древней Греции Ю. В. Андреева (1937–1998) важное место занимает исследование религии эллинов и в еще большей степени религиозных представлений их предшественников — минойцев и микенцев. Он сумел не только убедительно интерпретировать соответствующие археологические памятники, виртуозно проникая в их скрытую суть, но и создать продуманную и цельную концепцию религиозной жизни обитателей Эгеиды бронзового века. Выявляя в греческих мифах и произведениях искусства черты доолимпийских верований, исследователь не признает религию классической Греции прямой наследницей культов микенской эпохи. Однако, несмотря на это, он резонно полагает, что религиозные представления и ритуалы эллинов, микенцев и носителей еще более древних балканских культур, а также минойцев, были связаны между собой как звенья единой, тянущейся через тысячелетия цепи духовного развития эллинской народности.

Греческая религия, по мнению Ю. В. Андреева, была явлением столь же своеобразным и даже уникальным, как и вообще вся греческая цивилизация. Ученый полагал, что это была религия свободы, которую он противопоставлял «тоталитаризму» христианства и других мировых религий.

Если апологетика эллинского язычества со стороны такого большого ученого, как Ю. В. Андреев, весьма интересна, то его крайне субъективное и резко негативное мнение о христианстве имеет лишь сугубо историографическое значение, в отличие от того глубочайшего проникновения, которого он достиг в исследовании религии Эгейского мира.

Ключевые слова: религия, минойцы, микенцы, греки (эллины), христианство, Ю. В. Андреев.

И. М. Булатбиев. Хурритская Šauška: структура и этимология теонима

В статье рассматривается вопрос о происхождении имени хурритской богини Шавушка. В противоположность существующим в научной литературе вариантам этимологического толкования имени Шавушки — 1) «оружие» и 2) «большая (великая)», для хурритского теонима предлагается иная трактовка. С опорой на семантику эпитетов дев-богинь, с аналогичной Шавушке функциональностью, для имени хурритской богини автор статьи предлагает этимологическое толкование в значении «дева, женщина».

Ключевые слова: Шавушка, богиня, эпитеты, этимология, «дева», «женщина».

А. П. Бехтер, А. Е. Терещенко. К вопросу о времени чеканки уникальной серебряной монеты типа «голова Аполлона — голова быка»

В представляемой статье рассматривается вопрос датировки уникальной пантикапейской серебряной монеты типа «голова Аполлона вправо / голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо, по контуру надпись П-А-Н». Обычно, исходя из характера сюжетов лицевой и оборотной сторон, ее датируют концом IV — началом III в. до н. э. Однако в 2020 г. В. Л. Строкиным было высказано мнение, что указанный экземпляр принадлежит II в. до н. э. Исследователь опирается на тот факт, что вес монеты составляет 1,30 г, т. е. диобол, и на Боспоре, перешедшем в IV в. до н. э. с шестеричного деления статера на четверичную, такого номинала быть не могло. Авторы статьи придерживаются обратной точки зрения, исходя из формы написания литеры «пи», характерной

для надписей V–IV вв. до н. э. Тем не менее данный спор еще далек от своего завершения.

Ключевые слова: монеты Пантикапея, финансовая система Боспора, греческая палеография, лапидарная эпиграфика.

М. С. Самарина. Культурное наследие под угрозой: Чивита, исчезающий город

В статье, посвященной культурному и историческому наследию итальянского «Умирающего города» Чивита-ди-Баньореджо, самому маленькому в мире, рассматривается современное состояние памятников культуры, расположенных на территории города, а также анализируются геологические, климатические, сейсмические и вулканические причины их разрушения и их связь с общей геологической ситуацией Европы. Подчеркивается значение проекта ЮНЕСКО по спасению города и необходимость скорейшего продолжения археологических раскопок.

Ключевые слова: археология, геология, этрускология, сейсмическая активность, культурный слой.

О. Ю. Климов, И. Ю. Шауб. Юбилей профессора Алексея Борисовича Егорова

Статья посвящена 70-летию Алексея Борисовича Егорова — известного российского антиковеда, исследователя истории Древнего Рима, доктора исторических наук, профессора кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории СПбГУ (до 2019 г.), профессора Санкт-Петербургской духовной академии и члена редакционного совета журнала «Новый Гермес».

Ключевые слова: Алексей Борисович Егоров, антиковедение, юбилей.

О. Ю. Климов. Новая книга о «советской древности» (Карпюк С. Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М.: Институт всеобщей истории, 2021. — 411 с.)

В рецензии охарактеризована монография доктора исторических наук С. Г. Карпюка «Советская древность»: история

науки и общества в 1930–1960-е годы. М.: Институт всеобщей истории, 2021). Отмечены достоинства книги, которые заключаются в том, что ее автор представил первый на русском языке обзор истории развития науки об античности в СССР в период 30-60-х гг. XX в. В основу монографии положен богатый и разнообразный материал источников — документы из архива Академии наук СССР, передовые и научные статьи из журнала «Вестник древней истории», монографии по античной истории, личные воспоминания ряда ученых. В книге рассказывается об институционально-организационном аспекта развития антиковедения в СССР, о некоторых советских историках, жизнь которых малоизвестна современному читателю, о научных дискуссиях, проходивших в сообществе антиковедов.

Ключевые слова: С. Г. Карпюк, «Советская древность», рецензия, наука об античности, античная история, антиковедение СССР.

Альберт Шwegлер. Римская истории: сецессия плебса и трибунат. Перевод с немецкого А. А. Павлова, Н. А. Вуттке

В настоящем выпуске «Вестника» публикуется перевод одной из глав «Римской истории» известного немецкого антиковеда Альберта Шwegлера, посвященной первой сецессии плебса (494 г. до н. э.) и созданию плебейского трибуната. А. Шwegлер, продолжая традицию Б. Г. Нибура, создал первый фундаментальный научный труд по истории Древнего Рима, который, к сожалению, не был завершён в связи со смертью автора. Его представления о трибунате, изложенные в работе, оказали значительное влияние на последующую историографию проблемы.

Ключевые слова: Альберт Шwegлер, «Римская история», плебейский трибунат, римская магистратура, plebs, populus.

Summaries

I. Yu. Schaub. Greek and pre-Greek religion in the works of Yu. V. Andreev

In the scientific heritage of the outstanding Russian specialist in the history of Ancient Greece Yu. V. Andreev (1937–1998), an important place is occupied by the study of the religion of the Hellenes and, to an even greater extent, the religious ideas of their predecessors — the Minoans and Mycenaeans. He managed not only to convincingly interpret the relevant archaeological data, masterfully penetrating into their hidden essence, but also to create a thoughtful and integral concept of the religious life of the inhabitants of the Bronze Age Aegean. Revealing the features of pre-Olympic beliefs in Greek myths and works of art, the researcher does not recognize the religion of classical Greece as a direct heir to the cults of the Mycenaean era. However, despite this, he reasonably believes that the religious ideas and rituals of the Hellenes, the Mycenaeans and even more ancient Balkan peoples, as well as the Minoans, were interconnected as links in a single chain of spiritual development of the Hellenic people stretching through millennia.

Greek religion, according to Yu. V. Andreev, was a phenomenon as peculiar and even unique as the whole Greek civilization in general. The scholar believed that it was a religion of freedom, which he opposed to the "totalitarianism" of Christianity and other world religions.

If the apologetics of Hellenic paganism on the part of such a great scholar as Yu. V. Andreev, is very interesting, his extremely subjective

and sharply negative opinion about Christianity has only a purely historiographical significance, in contrast to the deepest penetration that he achieved in the study of the religion of the Aegean world.

Key words: religion, Minoans, Mycenaeans, Greeks (Hellenes), Christianity, Yu. V. Andreev.

I. M. Bulatbiev. Hurrian Šauška: structure and etymology of theonym

The article deals with the issue of the origin of the name of the Hurrian goddess Shavushka. In contrast to the variants of the etymological interpretation of the name Shavushka existing in the scientific literature—1) “weapon” and 2) “big (great)”, a different interpretation is proposed for the Hurrian theonym. Based on the semantics of epithets of maiden-goddesses, with a similar functionality to Shavushka, the author of the article proposes an etymological interpretation for the name of the Hurrian goddess in the meaning of “virgin, woman”.

Key words: Shavushka, goddess, epithets, etymology, “virgin”, “woman”.

A. P. Bekhter, A. E. Tereshchenko. On the Issue of the Time of Minting of the Unique Silver Coin of the “Apollo’s Head — Bull’s Head” Type

The article deals with the issue of dating a unique Panticapaeum silver coin of the type “Apollo’s head to the right / bull’s head to the right, along the contour the inscription P-A-N”. Usually, based on the nature of the plots of the obverse and reverse sides, it is dated to the end of the IV — beginning of the III centuries BC. However, in 2020, V. L. Strokin expressed the opinion that this exemplar belongs to the II century BC. The researcher relies on the fact that the weight of the coin is 1.30 g, i.e. — diobol, and on the Bosphorus, which moved in the IV century BC. from the sixfold division of the stater to the quadruple, there could not be such a nominal value. The authors of the article held the opposite view based on the form of writing the letter “pi”, characteristic of inscriptions of the V–IV centuries BC. Nevertheless, this dispute is still far from its conclusion.

Key words: Panticapaeum coins, Bosphorus financial system, Greek paleography, lapidary epigraphy.

M. S. Samarina. Cultural heritage under threat: Civita, the vanishing city

The article devoted to the cultural and historical heritage of the Italian “Dying City” Civita di Bagnoregio, the smallest in the world, examines the current state of cultural monuments located on the territory of the city, and also analyzes the geological, climatic, seismic and volcanic causes of their destruction and their connection with the general geological situation of Europe. The importance of the UNESCO project to save the city and the need to continue archaeological excavations as soon as possible are emphasized.

Key words: archeology, geology, etruscology, seismic activity, cultural layer.

O. Yu. Klimov, I. Yu. Schaub. Anniversary of Professor Alexei Borisovich Egorov

The article is dedicated to the 70th anniversary of Alexei Borisovich Egorov, a well-known Russian antiquity scholar, researcher of the history of Ancient Rome, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Ancient Greece and Rome at the Institute of History of St. Petersburg State University (until 2019), Professor of the St. Petersburg Theological Academy and member of the editorial board of the journal “New Hermes”.

Key words: Alexey Borisovich Egorov, antique studies, anniversary.

O. Yu. Klimov. A new book about “Soviet antiquity” (Karpuyuk S. G. “Soviet antiquity”: the history of science and society in the 1930-1960s. M.: Institute of General History, 2021. - 411 p.)

The review characterizes the monograph of Doctor of Historical Sciences S. G. Karpuyuk “Soviet antiquity”: the history of science and society in the 1930-1960s. M.: Institute of General History, 2021. The advantages of the book are noted, which lie in the fact that its author presented the first in Russian review of the history of the development of science about antiquity in the USSR in the period of the 30s-60s of the XX century. The monograph is based on a rich and varied source material - documents from the archives of the USSR Academy of Sciences, advanced and scientific articles from the journal “Bulletin of Ancient History”, monographs on ancient history, personal memoirs of a number of scientists. The book tells about the institutional and organizational aspect of the

development of the science of antiquity in the USSR, about some Soviet historians, whose life is little known to the modern reader, about the scientific discussions that took place in the community of antiquities.

Key words: S. G. Karpyuk, "Soviet antiquity", review, science of antiquity, ancient history, antiquities of the USSR.

Albert Schwegler. The History of Rome: secession of the plebs and tribunate. Translation from German by A. A. Pavlov, N. A. Vuttke

This issue of the Bulletin publishes the translation of one chapter from "The History of Rome" written by A. Schwegler, a famous German classical scholar. The chapter is devoted to the tribunate of the plebs and the first secession of the commonalty (494 B.C.). His ideas of the tribunate had great influence on the subsequent concepts of the tribunate.

Key words: Albert Schwegler, "The History of Rome", tribunate of the plebs, Roman magistracy, plebs, populus.

Сведения об авторах

Бехтер Анастасия Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук. E-mail: anabekhther@gmail.com

Булатбиев Идрис Махмудович — сотрудник отдела языка и литературы Академии наук Чеченской Республики. E-mail: abuki@hotmail.com

Вуттке Николай Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: kiya@syktsu.ru

Климов Олег Юрьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории СПбГУ, заведующий кафедрой. E-mail: olegklimov@mail.ru

Павлов Андрей Альбертович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: aapavlov2012@yandex.ru

Самарина Марина Сергеевна — профессор, доктор филологических наук, зав. отделением италянистики Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Санкт-Петербургского отделения Международного общества Данте Алигьери, кавалер ордена Stelle d'Italia. E-mail: marinasamarina62@yandex.ru

Терещенко Андрей Евгеньевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея. E-mail: andrtereshhen@yandex.ru

Шауб Игорь Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, главный редактор журнала «Новый Гермес». E-mail: schaubigor@mail.ru

Информация для авторов

Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики «Новый Гермес» предназначен для популяризации культурного наследия Древнего мира и Средневековья. «Новый Гермес» приветствует как крупные концептуальные и междисциплинарные исследования, так и заметки, посвященные отдельным проблемам античности и Средних веков.

Текстовый файл, предоставляемый для изготовления оригинал-макета, должен быть в завершённом виде. Никакие дополнения и изменения по тексту и рисункам при изготовлении оригинал-макета недопустимы.

Оригиналы всех графических объектов предоставляются одновременно с текстовыми материалами отдельными файлами и должны соответствовать общим техническим требованиям к иллюстрациям.

Файл текстовой части статьи должен включать в себя:

- Название публикации
- ФИО автора или авторов
- Аффiliation (институт, академия, город, страна)
- Информацию об авторе с его e-mail

- Аннотацию (не менее 100 слов)
- Ключевые слова
- Структурированный текст статьи
- Список литературы
- Информацию об источниках финансирования (если есть грант)
 - Название публикации на английском языке (Title)
 - ФИО автора или авторов на английском языке (Authors)
 - Аффiliation на английском языке (институт, академия, город, страна) (Affiliation)
 - Информацию об авторе на английском языке с его e-mail (Information about authors, Contribution)
- Аннотацию на английском языке (Abstract, не менее 150 слов)
- Ключевые слова на английском языке (Keywords)
- Список литературы на английском языке (References)
- Информацию об источниках финансирования на английском языке (Acknowledgements)
- Дополнительно отдельный лист с подписями к рисункам
- Таблицы, каждая на отдельном листе

Научные тексты должны быть оформлены в соответствии с требованиями редакции.

Требования к набору текста

Текстовый файл статьи должен быть сохранен в формате .doc или .rtf.

При наборе текста должны быть использованы стандартные Windows TrueType шрифты (Times New Roman — для текста, Symbol — для греческих букв,

MathematicaPi2 — для рукописных и готических символов).
Размер шрифта основного текста — 14pt.

Если вы используете иные языки набора, не русский и не английский, то обязательно информируйте об этом и предоставляйте установочный файл шрифта.

Используйте возможности, предоставляемые текстовым редактором: автоматическое создание сносок, автоматический перенос или автоматический запрет переносов, создание списков, автоматический отступ и т. п.

Для создания таблицы используйте возможности Word (Таблица — Добавить таблицу). Таблицы, набранные вручную (с помощью большого числа пробелов, без использования ячеек), не могут быть использованы.

Недопустимо набирать весь текст заголовка ПРОПИСНЫМИ буквами.

В тексте должны использоваться «кавычки» (елочки). «Кавычки» (лапки) используются для цитаты внутри цитаты.

Пробел ставится: между инициалами и фамилией (И. Ю. Шауб), между знаком номера (№ 3), параграфа и числом (§ 14), между страницей и ее номером (С. 56), между географической категорией и ее названием (р. Енисей).

Сокращения из нескольких слов разделяются пробелами (760 мм рт. ст.; т. пл.; пр. гр., и т. д.; и т. п.; т. е.).

Точка не ставится после: УДК, заглавия статьи, ФИО авторов, адресов, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, подписей к рисункам, подстрочных индексов, размерностей, некоторых числительных (с — секунда, г — грамм, мин — минута, сут — сутки, град — градус, млн — миллион, млрд — миллиард, трлн — триллион).

В конце сноски точка обязательно ставится.

Между диапазонами (годы, номера страниц) ставится короткое тире (1618–1648 гг., С. 15–25 и т. д.).

Оформление научного аппарата

Оформление сносок

Ссылки оформляются традиционным образом на основе стандарта ГОСТ-7 и с учетом последующих рекомендаций ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Используется принцип кратких (упрощенных) библиографических ссылок: указывается автор(ы), название, место и год печати, номер или диапазон страницы. В случае ссылке на всю статью или книгу последний пункт не указывается. Использование сокращений (ВДИ, ZDA) недопустимо. Места издания отделяются друг от друга точкой с запятой.

В случае повторной ссылки на одну и ту же единицу использованной литературы информация о месте и годе печати опускается. Название может быть приведено полностью или сокращено до нескольких слов, после которых стоит многоточие. Если такая ссылка идет подряд, необходимо использовать обозначения: Там же или Ibid.

Ссылки на источники указываются внутри текста в скобках в соответствии с традицией: через запятую дается сокращенное имя автора, название, глава (римскими цифрами), параграф, строка (при наличии, арабскими цифрами). Для древнегреческих текстов и иных редких языков (аккадский, древнееврейский и пр.) используются латинские названия или латинская транскрипция.

Курсив в оформлении справочного аппарата не используется.

Сокращенное наименование страницы (С., Р., S.) указывается на языке основного издания (сборника или журнала, а не статьи).

При оформлении ссылки на электронный ресурс в скобках после описания указывается дата обращения.

В конце сноски ставится точка.

Пример ссылки на источник в тексте

(Comen. Did. Magn. XVII, 19, 20)

(Plin. NH, II, 168)

Примеры оформления ссылки на монографию

Шауб И. Ю., Андерсен В. В. Греко-персидские войны. М., 2009. С. 21.

Parker G. The Making Roman India. Greek Culture Roman World. Cambridge; New York, 2008.

Пример оформления ссылки на периодическое издание

Лурье З. А. К вопросу о роли иллюстраций в печатной книге XVI в.: «Пассионал» Лютера // Печать и слово Санкт-Петербурга. 2021. Вып. XX. С. 323–328.

Пример оформления ссылки на неперидическое издание

Bouzek J. Attic Art of the Fifth and Forth century BC and the Art of Cimmerician Bosporus // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. СПб., 2006. С. 17–19.

Пример ссылки на электронный ресурс

Kolb R. Kleiner und Großer Katechismus // Neuedition der Bekenntnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche // URL: https://www.iegmainz.de/Research-projects_site.site.ls_dir._nav.g6_f.6_likecms.html (10.06.2021).

Пример ссылки на тексты, которым присвоен doi

Heal B. Die Druckerpresse und die Macht der Bilder. Leiden, 2021 // <https://doi.org/10.13109/9783666560378.123>

Пример повторной ссылки

Kolb R. Teaching God's Children... P. 6. (название работы сокращено, стоит многоточие).

Kolb R. Kleiner und Großer Katechismus. (название работы не сокращено, стоит точка)

Оформление списка литературы

Список литературы составляется в алфавитном порядке. Сначала идут пункты на русском языке, затем на европейских языках, затем языки иных алфавитов (китайский, японский, иврит и пр.).

Источники в список литературы не включаются. Список должен быть пронумерован (пользуйтесь возможностью автоматической нумерации списка в Word).

Список не может содержать исследовательских работ, не упомянутых в сносках.

Оформление списка основано на принципах краткого библиографического описания и в целом аналогично оформлению сносок. Список НЕ содержит информации об издательствах и общем количестве страниц (в монографиях). Для статей указывается диапазон страниц всей статьи.

Литература на русском и других редких языках (то есть не общеевропейских языков (фр., нем., ит., исп.) оформляется особо.

Описание на оригинальном языке должно быть продублировано транслитом, согласно стандартам BGN, которое дается в квадратных скобках. Рекомендуется использовать автоматизированные серверы <https://translit.net/ru/bgn/>.

После транслитерированного названия статьи или монографии в квадратных скобках должен быть указан перевод на английский язык.

После каждого пункта списка литературы ставится точка.

Пример оформления записи, требующей транслита

Лурье З. А. К вопросу о роли иллюстраций в печатной книге XVI в.: «Пассионал» Лютера // Печать и слово Санкт-Петербурга. СПб., 2021. С. 323–328 [K voprosu o roli illyustratsiy v pechatnoy knige XVI v.: «Passional» Lyutera [On the question of the role of illustrations in the 16th century printed book: Luther's «Passional»] // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. St. Petersburg, 2021. S. 323–328].

Пример оформления пунктов списка литературы

1. Лурье З. А. К вопросу о роли иллюстраций в печатной книге XVI в.: «Пассионал» Лютера // Печать и слово Санкт-Петербурга. СПб., 2021. С. 323–328 [Lurie Z. A. K voprosu o roli illyustratsiy v pechatnoy knige XVI v.: «Passional» Lyutera [On the question of the role of illustrations in the 16th century printed book: Luther's «Passional»] // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. St. Petersburg, 2021. S. 323–328].

2. Шауб И. Ю., Андерсен В. В. Греко-персидские войны. М., 2009 [Shaub I. Yu., Andersen V.V. Greko-persidskie voyny [Greco-Persian Wars]. М., 2000].
3. Bouzek J. Attic Art of the Fifth and Fourth century BC and the Art of Cimmerian Bosphorus // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. СПб., 2006. С. 11–16.
4. Heal B. Die Druckerpresse und die Macht der Bilder. Leiden, 2021 // <https://doi.org/10.13109/9783666560378.123>.
5. Kolb R. Kleiner und Großer Katechismus // Neuedition der Bekenntnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche // URL: https://www.iegmainz.de/Research-projects_site.site..ls_dir_nav.96_f.6_likecms.html (10.06.2021).
6. Parker G. The Making Roman India. Greek Culture Roman World. Cambridge; New York, 2008.

Требования к иллюстрациям

Файлы иллюстраций должны быть пронумерованы (названы) таким образом, чтобы было понятно, к какому материалу принадлежат и каков порядок их расположения в тексте. Векторные иллюстрации должны быть предоставлены в формате EPS или PDF.

Остальные иллюстрации принимаются в любых стандартных графических форматах — предпочтительно TIFF. Иллюстрации должны быть высокого качества (разрешение не менее 300 dpi при стороне иллюстрации не менее 8 см).

Содержание

<i>И. Ю. Шауб</i> К читателю	3

Исследования

<i>И. Ю. Шауб</i> Греческая и догреческая религия в трудах Ю. В. Андреева	5

<i>И. М. Булатбиев</i> Хурритская Šauška: структура и этимология теонима	34

<i>А. П. Бехтер, А. Е. Терещенко</i> К вопросу о времени чеканки уникальной серебряной монеты типа «голова Аполлона – голова быка»	48

Эссе

<i>М. С. Самарина</i> Культурное наследие под угрозой: Чивита, исчезающий город	60

Personalia

<i>О. Ю. Климов, И. Ю. Шауб</i> Юбилей профессора Алексея Борисовича Егорова	78

Рецензии

<i>О. Ю. Климов</i> Новая книга о «советской древности» (Карпюк С. Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М.: Институт всеобщей истории, 2021. – 411 с.)	87

Переводы

Альберт Шwegлер

Римская истории: сецессия плебса и трибунат. Перевод с немецкого А. А. Павлова, Н. А. Вуттке	103
Аннотации	117
Summaries	121
Сведения об авторах	125
Информация для авторов	126

Contents

To the reader	3

Research Papers

I. Yu. Schaub

Greek and pre-Greek religion in the works of Yu. V. Andreev ..	5

I. M. Bulatbiev

Hurrian Šauška: structure and etymology of theonym	34

TA. P. Bekhter, A. E. Tereshchenko

On the Issue of the Time of Minting of the Unique Silver Coin of the “Apollo’s Head – Bull’s Head” Type	48

Essay

M. S. Samarina

Cultural heritage under threat: Civita, the vanishing city	60

Personalia

O. Yu. Klimov, I. Yu. Schaub

Anniversary of Professor Alexei Borisovich Egorov	78

Criticism and Bibliography

O. Yu. Klimov

A new book about "Soviet antiquity" (Karpyuk S. G. "Soviet antiquity": the history of science and society in the 1930–1960s. M.: Institute of General History, 2021. - 411 p.)	87

Publications*Albert Schweidler*

The History of Rome: secession of the plebs and tribunate.

Translation from German by A. A. Pavlov, N. A. Vuttke 103

Summaries (Russian) 117

Summaries (English) 121

Information about the Authors 125

Information for the Authors 126

Научное издание

**Новый Гермес.
Вестник классической археологии, антиковедения
и медиевистики**

Цена свободная

Подписано в печать 06.2023. Формат

Бумага офсетная. Печать офсетная

Тираж 200 экз.

Дата выхода: июнь 2023 г.

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами

в ООО «Август Борг»

107497, Москва, Амурская ул. д. 5, стр. 2

Тел. +7 (495) 787-06-77